

СМЕНА 89

ISSN 0131-8656



Фотоэтиюд Константина КОКОШКИНА

Депутат Шамина: «Нам нужна своя платформа!»
Село, из которого не бегут. Фотоочерк
Николай Старшинов. Неожиданный Глазков
Александр Гомельский: трудная дорога на Олимп
Высшая мера. Кто «за», кто «против»?

КОГО ВЫБЕРЕМ?

Нина ШАМИНА,
депутат Верховного Совета СССР,
аппаратчица Воскресенского
производственного объединения
«Минудобрения»

— Нина, вы как член законодательной комиссии Верховного Совета СССР причастны к созданию нового Закона о нашей избирательной системе. Теперь у комсомола есть право самостоятельно выбирать своих представителей в высший законодательный орган страны. Чем, на ваш взгляд, они должны отличаться от молодых депутатов, входящих сейчас в Верховный Совет СССР?

— Не претендуя на обобщения, попробую объяснить это на собственном примере. Я молодой депутат. По крайней мере по возрасту. Хотя общий депутатский стаж у меня уже одиннадцать лет. В восемнадцать стала депутатом Воскресенского горсовета, в двадцать два — Московского облсовета, а в 1984 году вошла в состав Верховного Совета СССР. Представляю ли я в нем молодежь? По идее — да. Но считается, что одновременно представляю и рабочих, раз сама из них, не имеющих высшего образования (у меня только ПТУ и техникум).

А защищаю я по мере возможностей и способностей всех моих избирателей — жителей Воскресенска (моего родного города), Егорьевска, Шатуры и прилегающих к ним районов Московской области.

Молодые просят о помощи редко. Наказы, которые получаю от избирателей, молодежи непосредственно не касаются.

— Но на этом основании вы, надеюсь, не сделали вывод, что молодежь в социальной защите не нуждается?

— Нуждается! Но, по-моему, не очень на нее рассчитывала до недавнего времени. Юноше и девушке чуть ли не с пеленок внушали: поживи, поработай, заслужи, тогда и до тебя черед дойдет. О квартире ли речь, о месте в яслях для ребенка, о путевке...

Но даже если депутат сам молод и видит множество молодежных проблем, он не может посвятить себя только им. Как бы того ни хотел. По себе знаю. Ведь жизнь у депутатов Верховного Совета, хоть и очень интересная, но чрезвычайно тяжелая. Времени постоянно не хватает.

Казалось бы, новый закон дает нам возможность восемь-девять месяцев в году заниматься только депутатской работой. Но ведь и круг наших обязанностей расширяется. Словом, депутат от избирательного округа не сможет, на мой взгляд, так целенаправленно проводить в жизнь молодежную политику, как это сделает комсомольское представительство в Верховном Совете.

— Нина, а вы сами отдали бы на месте комсомольцев голос за такого, как вы, депутата?

— Пожалуй, нет. В последнее время я все чаще подумываю об «отставке». Причин тому много. Но главная — чув-

ствую, мне не по плечу требования, которые сегодня предъявляет жизнь к депутату Верховного Совета.

— Экспресс-опрос на многолюдных улицах столицы нарисовал приблизительно такой «идеальный тип» депутата. Молодые избиратели — среди опрошенных были москвичи и приезжие — хотели видеть своего «комсомольского депутата» только молодым. Но при этом, чтобы он имел уже жизненный и депутатский опыт. Пол и социальное положение роли не играют. Депутат должен быть целеустремленным, отзывчивым, умеющим отстаивать собственные убеждения. Встречались и «особые» пожелания: чтоб представитель молодежи в Верховном Совете не имел ничего общего с комсомольскими функционерами, бывал за границей, любил хзвн метал...

— Считаю, что депутат из молодежной фракции совсем не обязательно сам должен быть молодым. По-моему, это отголосок тех времен, когда представительство было формальным и считалось, что рабочий лучше выразит интересы рабочих, женщина — женщин... Следуя такой логике, можно дойти до того, что защиту леса лучше всего предоставить медведю...

Ну, а если серьезно, мне кажется, ни возраст, ни членство в комсомоле не имеют в данном случае никакого значения. Важно, насколько человек по-настоящему связан с молодежью. Например, за директора нашего Воскресенского объединения «Минудобрения» Николая Федоровича Хрипунова я на месте комсомольцев голосовала бы с радостью. (Жаль, руководителей ограничили в представительстве.) Жилищное строительство для молодых, бассейн, Дом молодежи, современные детские сады появились в Воскресенске благодаря Николаю Федоровичу. Многих встреченных мной когда-либо комсомольских лидеров можно поставить с ним рядом по авторитету среди молодежи. И не только города, но и области. Он много лет уже депутат областного Совета.

Что же касается остальных качеств, которые были названы как необходимые, по-моему, это не очень серьезно.

— Но избиратели зрелого возраста, говоря о вас, превыше всего оценили примерно то же самое. Отмечали, что вы никогда не используете свое положение в личных целях. На квартиру стояли в общей очереди. Не рветесь в начальство. Как работали аппаратчицей в сернокислотном цехе, так и работаете. Рассказывали о вашей терпеливости, отзывчивости...

— Слышать о себе добрые слова, конечно, приятно. Но мне грустно от мысли: до чего же, выходит, люди разувелись в нас, своих депутатах, если

элементарную порядочность возводят бог знает во что!..

— Но разве для этого нет оснований? Ни для кого не секрет, что депутаты и высшего законодательного органа страны нередко оказывались «свадебными генералами». И чтобы хоть как-то себе это объяснить, люди решали: либо нам не дали выбрать порядочных, умеющих отстаивать свои убеждения, либо запугали их или купили молчание какими-то льготами. Так что, согласитесь, желание видеть своих избранников прежде всего порядочными и смелыми вполне обоснованно.

— Действительно, еще совсем недавно мнение членов законодательной комиссии, в которой я работаю со времени избрания в Верховный Совет СССР, мало кого волновало. Нам даже прокты документов, когда их предстояло обсудить в комиссии, раздавали от силы за полчаса. И только в последнее время ситуация изменилась.

А как было с информацией? Знаете, где я узнала, что и в нашей стране неблагополучно с нитратами? Во Франции. Во время командировки. Это сейчас я мечтаю увидеть бабочек около Воскресенска. Вчера же и не замечала, что они исчезли. Да и комбинат воспринимала лишь как благо для города.

Понимание всей серьезности экологической ситуации пришло через проблемы Воскресенска. Ведь комбинат, кроме всего прочего, — это источник загрязнения природы: стоки, дымный воздух — тоже наша продукция, поэтому здесь взялись за строительство более совершенных очистных сооружений, проводится реконструкция, чтобы уменьшить вред, наносимый химическим производством, — комбинат-то построили еще в тридцатые годы. Сейчас в нашем коллективе обсуждается предложение директора предоставлять трехлетний послеродовой отпуск работницам комбината. У старшего поколения это предложение вызывает некоторое сопротивление. И тут моя депутатская забота убедить людей в справедливости такого отношения к молодым матерям.

Но это все вещи конкретные. Их можно понять. А вот осмыслить задачи правового государства, законы глобального масштаба? Тут одного житейского опыта не хватит. Я было собралась поступать на заочный в юридический, но закрутилась: дом, семья, маленькая дочка, депутатские приемы в трех городах, командировки, сессии...

Отстаивать убеждения можно, когда они зрелые. Особенно, если речь идет о «большой политике», в которой депутаты наконец-то начинают участвовать. Конечно, мы консультируемся со специалистами. Но и они далеко не всегда знают ответы на многие новые вопросы. Поэтому-то я и настаиваю, что од-

ной порядочности и смелости маловато сегодня, чтобы быть депутатом Верховного Совета СССР.

Нужна программа, платформа, которая объединяла бы представителей молодежи в Верховном Совете СССР. И, думаю, прежде всего это дело комсомола — помогать своим депутатам вырабатывать четкую программу и находить способы для ее реализации.

Помню, когда обсуждался Указ о борьбе с пьянством, я была против методов, которыми намечалось бороться с этой бедой. Беду ведь одними запретами и наказаниями не развеешь. Даже особое мнение писала по этому поводу. Положили его в папку и — точка! Дошло дело до голосования, подняла и я руку вместе со всеми. А будь за мной депутатское товарищество, сообща мы наверняка доказали бы свою позицию, правомерность которой потом подтвердила жизнь.

Другой вопрос: меня очень смущает, например, смогут ли комитеты комсомола обеспечить своих представителей в Верховном Совете СССР необходимой информацией о том, что на самом деле волнует молодых людей, какие заботы встанут перед ними завтра и где нужна им помощь депутатов. За одиннадцать лет депутатства ко мне из комитетов ВЛКСМ обратились всего несколько раз. Но с какими просьбами! Помочь достать инструменты для вокально-инструментального ансамбля... Неужели при всей сложности молодежных проблем вопрос с инструментами главный? Это ли не доказательство того, насколько «глубоко» иные комсомольские лидеры знают нужды молодежи?

— Или доказательство того, как они представляют, на что хватит депутатской власти? Может, они и не рассчитывают на большую помощь?

— Мне приходилось слышать такие упреки: мол, нет у вас, депутатов, реальной силы, раз вы не можете кому-то приказывать что-либо сделать. Да, большой силы, можно сказать, и не было, к полномочию Советов мы только делаем первые шаги. Но, по-моему, это не совсем верный подход — оценивать силу депутатов исходя из того, могут ли они заставить кого-то делать что-либо в приказном порядке или нет. Не приказывать нужно, а доказывать, фактами убеждать в правоте своих предложений, искать способы для проведения в жизнь своей политики. В итоге эта работа и будет реальной защитой интересов избирателей. Комсомольское представительство в Верховном Совете СССР дает возможность решать молодежные проблемы по-государственному. А вот насколько будет реализована эта возможность, зависит от того, кого изберут в Верховный Совет, кому доверят, с кого смогут спросить.

Беседу вел Александр КУЗНЕЦОВ

Солнце от утренней зорьки до вечерней как бы соединяет два берега Узолы, которая издали кажется узкой и тихой, а подойдешь поближе, поймешь сразу, почему когда-то по всей реке стояли мельницы — течение и сейчас еще быстрое, дно порожистое.

Лифаново, Фирстово, Ефимово, Тяношкино, Медвежково, Осинская, Ловыгино, Сухоноска — даже с высокого скоробогатовского холма не охватишь взгляд знаменитое вагинское хозяйство, известное на всю страну. Да и не только в нашей стране знают, что есть в Нечерноземье, в «глухом» Заволжье колхоз имени Ленина, ворочающий миллионными прибылями.

Сверху все деревни кажутся одинаковыми, какая в них происходит жизнь, не углядишь. А спустишься вниз, зайдешь в дома — и в те, что с наличниками узорчатыми, и в квартиры городских многоэтажек, — увидишь: разнятся судьбы, уклад житейский, но схожесть в одном — в привязанности к земле, к нелегкому крестьянскому делу.

Уезжают ли из колхоза, из отчих домов? Уезжают... Но гораздо больше тех, кто остается.

Рассказывает доярка Галина Платонова:

— После восьми классов уехала я с подругой в Горький. А что делать? Нас у матери восемь было, я вторая, нужно и на себя зарабатывать, и младшим помочь. Окончила в Горьком училище и попала на мясокомбинат. Платили неплохо, весело было, жили в общежитии. А когда замуж вышла, уехала к мужу в Архангельскую область. Но меня сильно домой тянуло, я часто сюда приезжала. И вот однажды решила, пошла к Вагину. Спросила: «Примете назад?» Вагин посмотрел недоверчиво: «Ты ведь дояркой-то не пойдешь, а нам доярки нужны». — «Пойду». — «Пойдешь? Пиши заявление, квартиру дадим сразу». Муж устроился на ферму кочегаром, я дояркой. Живем в многоэтажке, есть сарай, в нем поросяток, кролики. Зарабатываю хорошо — и 500, и 700, а бывает и 900 рублей в месяц получаю...

А Зина, подруга моя, так в городе и осталась. Когда еду в Горький, встречаемся. Не знаю, кому лучше. Я все же дома, здесь родители, сестры, братья...

Деревня изо всех сил стремится догнать город — а надо ли догонять?... Не лучше ли вернуться к истокам? Открыла томик Мельникова-Печерского, читаю:

«Не побрел заволжский мужик на заработки в чужу-дальнюю сторону, как сосед его вязниковец, что с пуговками, с тесемочками и другим товаром кустарного промысла шагает на край света семье хлеб добывать. Не побрел заволжанин по белу свету плотничать, как другой сосед его — галка. Нет. И дома сумел он приняться за выгодный промысел. Варяги зачал вязать, поярок валять, шляпы да сапоги из него делать, шапки шить, топоры да гвозди ковать, весовые коромысла чуть не на всю Россию делать. А коромысла-то какие! Хоть в аптеку бери — сделаны верно!»

Подсобные промыслы — вот что не только определяло гармоничный и естественный уклад жизни в этих местах, но и обеспечивало достаток в крестьянском доме. Вагин решил возродить эти промыслы. Идея хоть

и была непопулярна у начальства, пришлось по душе колхозникам.

Но российская нечерноземная деревня успела отвыкнуть от некогда естественной для малородящей земли жизни. Как же руки потянутся к строительству, если глаза привыкли к разрушениям — сколько школ превратилось в прибежища для воронья, сколько церквей порушено! Кто и почему взял на себя историческую смелость разорвать на селе исконную взаимосвязь труда и быта? И то, что сельское хозяйство — это труд на селе самый разный, а не только «продовольственный», до сих пор осознаем медленно. Такое искусственное урезывание сельской деятельности в Нечерноземье привело к потерям, во многих местах невосполнимым. Да и само название — Нечерноземье — как бы предопределяет уровень жизни: земля не черная, как вороно крыло, значит, не жди богатых урожаев. А без них какой достаток? И — валом повалил народ из села. Если бы не Хохлома...

Когда-то в глухие леса Заволжья бежали вольнолюбивые крестьяне

со всей России. В старообрядческих скитах находили приют иконописцы-раскольники. Один из них, говорит легенда, прячась в дремучем лесу, вырезал из дерева чаши и расписывал их «золотом». Дошли слухи про того мастера до самого царя. Приказал царь доставить к нему беглого, послал за ним верных солдат. Прознал про это художник, собрал мужиков из окрестных деревень, раздал им кисти и краски вместе со своим умением и пропал, как не было. С тех самых пор, тому уж три века, на праздничный стол ставят нижегородские крестьяне кубки да чаши, братины да блюда, расписанные легким узором по золотому фону. На мастеров Хохломы не распространилось крепостное право, свободно развивались здесь дарования, искусство орнамента процветало. Небольшие семейные мастерские братьев Красильниковых, братьев Подоговых и других после революции преобразовались в товарищества. В мастерских колхоза имени Ленина, как и на фабриках «Хохломской художник» и «Хохломская роспись», можно и нынче встретить по-

томков тех больших мастеров.

Рассказывает Анна Красильникова, художница Хрящевского цеха росписи:

— ...Вернулась в колхоз Валя Курнакова, вернулась из-за квартиры. На Семинской фабрике, где ее ценили как тонкого и необычного художника, нет жилья. И Валя решила. Приезжие журналисты и художники ахают: как же так, руки такой мастерицы надо беречь, с талантом ее не лень трепать, а красоту творить... Так-то оно так, да только это была бы другая жизнь, а крестьянская работа ей с детства привычна, чего ее бояться... Запали в душу ее слова: «Все берешь из природы, все замечаешь. Какие листочки у дуба, как живут-поживают птицы на нем, а у птицы — какое крыло. А как желуди с живой ветки на роспись перенести? И чтоб все смотрелось. Вот стану я смороду писать, могу натянуть ее разную — и белую прозрачную, и красную, а внутри — зернышки. Беру «тычок», в красную краску обмакну — вот земляника, а внизу зеленым — не дозрела, значит. Если изделие плоское — один рисунок,

Дильбар КЛАДО Фото Альберта ЛЕХМУСА

ГНЕЗДОВЬЕ



Эти девочки и парни — пахари, художники, воспитатели — связали свои судьбы с будущим родного колхоза.

если выпуклое — другой. У всех мастеров фантазии разные и умелость разная...»

В Русском музее в Ленинграде экспонируется одна из Валиных работ — «ковш выносной». Валя работает в составе творческой группы, а есть еще цеха, где продукция «на потоке». Там работать выгодно — сдельная оплата, можно неплохо заработать. Но платят-то не за каче-

ство, а за количество. Цены в магазине одинаковые — что хорошая роспись, что наляпано. Надо бы сортировку ввести, глядишь, и качество подтянулось бы...

Есть в колхозе и другие промыслы. Доход приносят самые различные «деревянные» работы — от заготовок для росписи до посылочных ящиков и обычных черенков для лопат. Любой школьник, умеющий дер-

страны посмотреть, «как Вагин деньги делает». И многие уезжают... разочарованные. Оказывается, вагинский рубль не легкий и скорый, а трудный и не всегда удачливый.

Судите сами: всегда ли удается истратить заработанные деньги хотя бы на то же строительство — то того нет, то этого... Деньги есть, а превратить их, к примеру, в кирпич или шифер не всегда получается. И те, кто побывал в других колхозах-миллионерах, лишь пожмут плечами: какой-то особенный у Вагина соцкультбыт, ну асфальт до каждой деревни, ну многоэтажки, коттеджи, так это и в «лежачих» хозяйствах не редкость.

Но факт: за двадцать лет численность колхозников удвоилась. А это значит, что молодежь остается в колхозе, возвращается на родину свою, обзаводится семьями. Здесь немало старожилов — Красильниковы, Подоговы, Замятины, Кудряшovy... Если пойти от семьи к семье, то можно, пожалуй, соединить в одно дерево почти всех живущих на земле этого колхоза.

Рассказывает секретарь парткома Федор Петрович Китаев:

— Часто слышу: знаем, мол, как Вагин деньги делает, — гонит «хохлому»... Ну, во-первых, придумай и «гони» что-нибудь свое, никто теперь не запрещает. А во-вторых, хоть и приносит нам «хохлома» миллионные прибыли, но работа на земле, на фермах дает не меньше. Для Заволжья 40 центнеров зерна с гектара — урожай замечательный. Картофеля берем до 380 центнеров с гектара, удой молока — около 5 тысяч литров... Закупили телок в ФРГ, Дании. Выращиваем и продаем другим хозяйствам семена первой репродукции. Дело это выгодное... У нас в колхозе ни от какого прибыльного

дела не отказываются. А деньги вырученные расходуют на людские нужды. Строится спортивно-оздоровительный комплекс, открылась новая школа, заканчиваем еще один корпус детского садика, построили больницу, столовую...

Было время, корреспонденты взахлеб описывали с размахом разрывов крупноблочное строительство: в дальнем далеке, в глубинке — белый город с фонтаном, детским садом, со скверами и центральной площадью. Подсчитывали выгоды: одна большая школа, один большой магазин, одна почта. Вода, тепло, газ, различные коммуникации — все, без чего немислимо будущее деревни, гораздо дешевле обойдется колхозу, если будет сконцентрировано в одном месте. И еще дешевле, если село будет расти авысь. И даже мудрый Вагин вдруг поверил в такой агрогород. Но деревенским, особенно немолодым, сниматься с насиженного места не хотелось, да и непривычно: скотину покормить — спускайся с третьего этажа в сарай, что через улицу. Морковку, огурец ли сорвать со своего огорода — не набегаешься за несколько километров. Приходилось уговаривать переезжать в эти первые блочные дома.

Тем временем в отдаленных деревнях, согласно приказам сверху, уже закрывались школы, магазины, замирала жизнь. Правда, несмотря на объявленную неперспективность, к дальним деревням тянули асфальт, но рейсовые автобусы наполнялись теперь только по выходным дням — это из «центра» ехали навесить бабушек и дедушек. «Городской» быт быстро приобрел популярность. Прошло всего десять лет после первого новоселья, а как все изменилось — на квартиру в многоэтажке очередь. Подросло новое поколение, которое привыкло к оторванности от

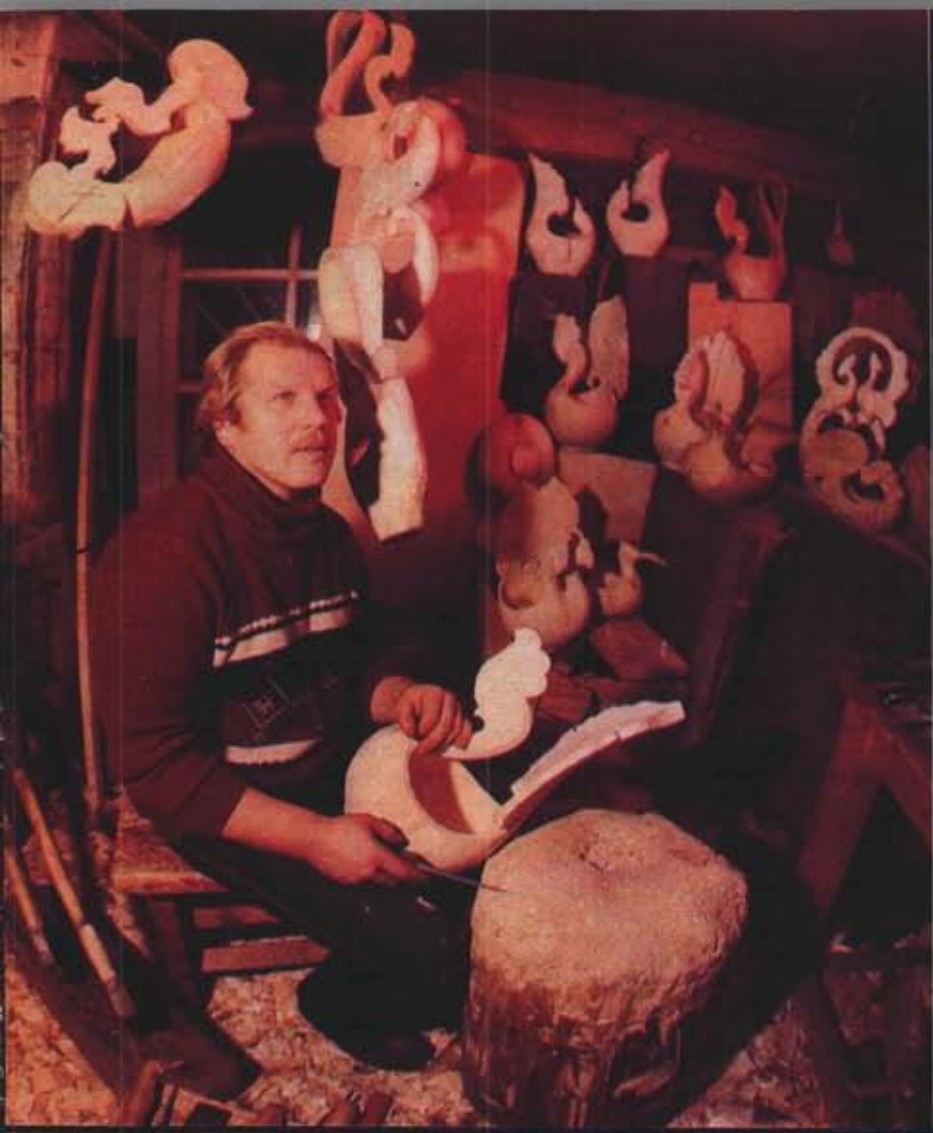


Спортивный праздник в новой школе.

жать молоток в руках, может заработать здесь в каникулы. Пенсионерам привозят раскрой для рабочих рукавиц и забирают готовую продукцию... Сюда, в колхоз, едут со всей



Крестьянские дети.



Резчик по дереву, «ковшеник» Александр Запонов — один из лучших мастеров древнего заволжского промысла.

Узорчатый наличник, колодец под резным навесом... Нет, не утрачен в вагинском хозяйстве вкус к исконно сельской жизни.

земли и не мыслит жизнь по-иному.

И вот теперь Вагин размышляет: «Учитывали ли мы это, когда разрабатывали социальные программы? Многие делается у нас без глубокой научной проработки, без достаточной обоснованности. Я, например, с особым вниманием прислушиваюсь к мнению тех немногих исследователей, которые говорят о двух не противоречащих друг другу культурах: городской — индустриальной и сельской — аграрной. Именно с этих позиций многое становится понятным в окружающей обстановке...»

А есть ли разумное представление о том, какой должна стать сельская жизнь, представляющая собой иное явление, чем городская? И вот на центральной усадьбе по-над прудом задумали по субботам крохотные рубленные баньки, не предусмотренные никакими проектами, как вызов кафельным ваннам с горячей водой в железных трубах...

Мне хотелось определить какие-то параметры «хорошей жизни» крестьян в вагинском хозяйстве (если принять за истину, что уезжают не от хорошей жизни), да сделать это никак не удавалось. Высокие урожаи и надои, а в магазине не бывает сливочного масла, молочных продуктов, за хлебом надо в очереди постоять. За портфелями, платьями, книгами, не говоря уже о мебели или холодильниках, ехать в Городец, а то и в Горький. А за дефицитными швейными машинками и вовсе не угонишься — не будешь же месяцами в городских очередях отмечаться...

Но уже появилась возможность строить себе хорошее жилье — коттеджи. Здесь все городские удобства

и деревенские — двор, участок, сарай, погреб. Конечно, каждая такая квартира раз в десять дороже, чем в блочном доме. Но разве не слишком дорогой ценой оплачено отчуждение крестьянина от земли и родительского очага?

Рассказывает учительница Мария Белова:

— Я окончила Горьковский пединститут и работала в Деминской школе. У нас места не было. Все знали, что я очень хочу в своей школе преподавать, и, как только место появилось, меня сразу перевели... Дружно мы с колхозом живем. Председатель сам вручает ребятам подарки за работу на ферме, в поле, в мастерских. А родителям — благодарственные письма. Путевки бесплатные нам дают — в Суздаль, Владимир. В сентябре колхозные специалисты обязательно приходят в нашу школу. На трудные вопросы отвечать им приходится. Но зато и в колхозе многие ребята остаются. Мы не стараемся всех уговорить — ведь из крестьянских детей испокон веков выходили писатели, и художники, и музыканты... У каждого свой путь. Мальчишки наши и девочки любознательными растут, читают много. И спорят, и думают о жизни, о дне завтрашнем.

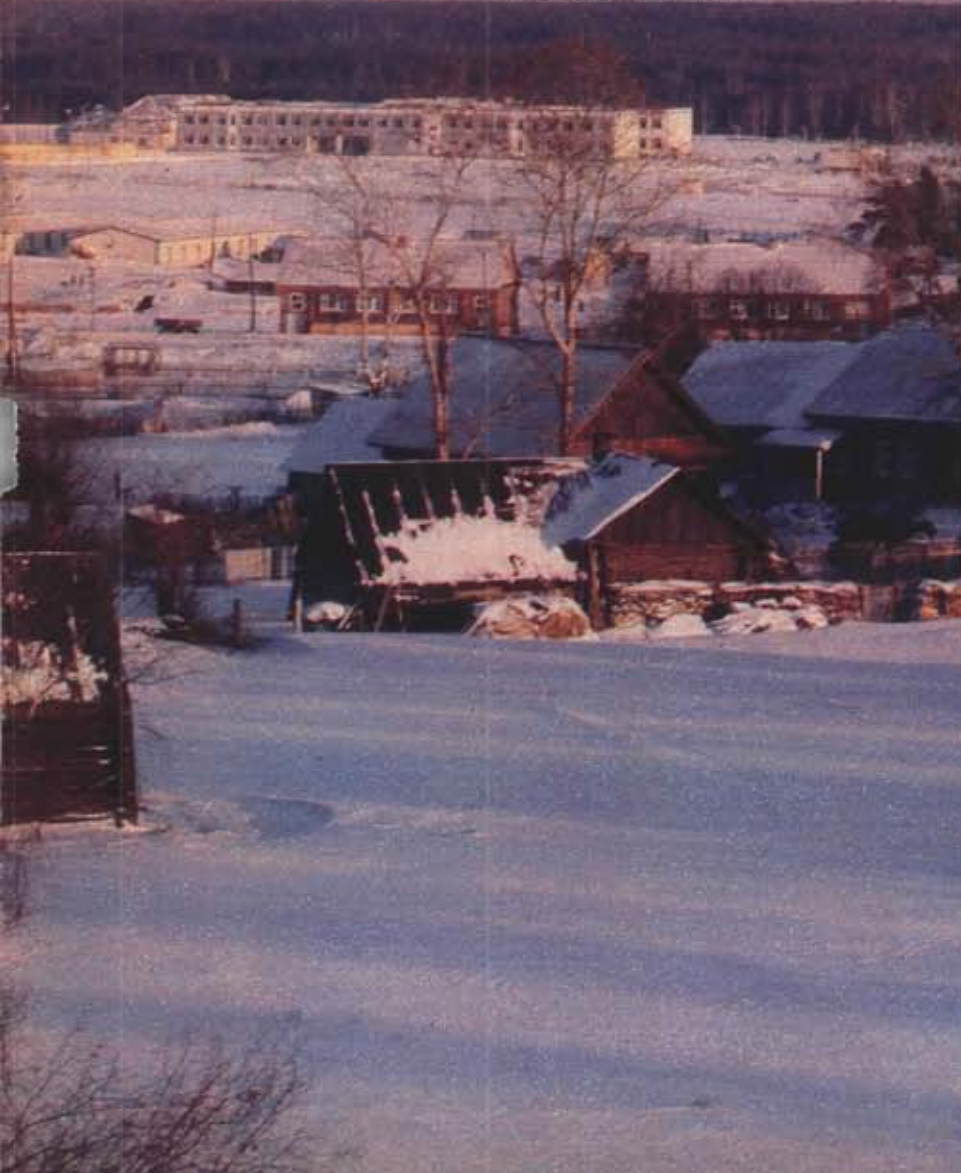
...Я спросила у Володи Курнакова: — Уезжать из деревни после школы не думаешь?

Он искренне удивился:

— Зачем это?

— А что тебе здесь нравится?

— Без обмана живем. Вагин сказал — ферму построит, и построил. Сказал — будет новая школа, вон она. Сказал — что захотим, то и будет, — и будет!



26 детей из тысячи родившихся в СССР умирает в возрасте до одного года — это значительно больше, чем во многих странах мира. Дети умирали и десять, и двадцать лет назад, и раньше, но ни одна из наших газет не бралась опубликовать эти данные.

В чем же причины детской смертности? Из чего состоит «нездоровье» нации — экономическое, духовное, физическое? Об этом в беседе с нашим корреспондентом Ириной ЛАНГУЕВОЙ размышляет профессор, доктор медицинских наук, руководитель республиканской научно-исследовательской лаборатории медицинской демографии Минздрава РСФСР Михаил БЕДНЫЙ.

— Михаил Семенович, долгое время нам внушалось, что истоки здоровья — в нравственности. Не кури, не пей, не распылай силы на кутежи — проживешь до ста пятидесяти лет...

— Ну не до ста пятидесяти, конечно. А до восьмидесяти прожить, думаю, можно вполне. К сожалению, этого возраста достигают пока единицы. Кроме того, надо помнить, что детство сегодняшних старожиллов начиналось до революции, когда сам образ жизни был совершенно иным. А ведь многие болезни берут начало именно в пору юности, когда человек о них и не подозревает, легкомысленно разбазаривает здоровье, недосыпая и недожая. Многие из тех, кому сегодня 15—19, возможно, и не подозревают, что практически здоровых из них — меньше половины, а хронически больных — почти треть.

Безусловно, долгожители доживают до ста лет не потому, что едят сыр и всю жизнь трудятся не покладая рук (как объясняют секрет долголетия некоторые журналисты). Жизнь этих людей наверняка и материально была благополучней, чем у других. Потому что здоровье — понятие еще и экономическое. Обратите внимание: в развитых странах и в странах развивающихся дети болеют разными болезнями и по разным причинам умирают.

— Я как-то подсчитала, что из пяти лет жизни моей дочери почти год мне пришлось просидеть на бюллетене. Не кажется ли вам, что в последние десятилетия дети стали болеть чаще? Да и болезни приняли коварную форму: аллергии, разные нервные заболевания, от которых порой трудно избавиться.

— Да, многие дети страдают сегодня хроническими заболеваниями. И показатели эти чуть выше, чем в 60-е годы. Но есть и другие изменения в статистике: сегодня на тысячу родившихся в СССР приходится двадцать шесть детей, умерших в возрасте до года, — по сравнению с тридцатью пятью, умиравшими в шестидесятые годы. В Японии, экономика которой в эти годы развивалась куда более стремительно, показатель детской смертности сократился ровно в десять раз — до шести на тысячу родившихся. В Швеции — 16,9, США — 13,1, Венгрии — 20,8, Болгарии — 18,9.

— А можем ли мы сегодня назвать реальные сроки решения проблемы детской смертности?

— Пока не могу ответить на ваш вопрос. Застойные явления в медицине имеют те же корни, что и в экономике. Думаю, мы решим эту проблему, когда нам удастся изменить образ жизни —

О ВЫЗЫВАЕ

цию о будущей девочке, приходится 120—180 «зачатий-мальчиков». Значит, порядка семидесяти зародышей мужского пола гибнет уже в чреве матери. В первые месяцы беременности мальчиков умирает в два-три раза больше, чем девочек. Среди мертворожденных и ослабленных детей, которые живут от нескольких дней до нескольких недель, также преобладает мужская половина.

— Природе надо, чтобы часть детей умирала? В это трудно поверить.

— Ученые пока не до конца разгадали эту загадку. Девочек рождается меньше, но зато их выживаемость выше. Можно ли обмануть природу? Сократить число детских смертей во время родов? В некоторых случаях — да. Например, не затягивать с родами. Представьте ситуацию: женщина поздно вышла замуж; естественно, что ей хочется сохранить жизнь своему первому и, возможно, последнему ребенку. А ученым известно, что сорокалетние матери рожают нередко детей, больных наследственными недугами. Отягощенные синдромом Дауна дети чаще встречаются у немолодых родителей. Если у матерей в возрасте до двадцати лет появляется один такой ребенок на двадцать три тысячи родившихся, то у женщин старше сорока — один на... сорок пять!

— Но ведь женщина не всегда может выйти замуж и родить ребенка в наиболее благоприятном возрасте — до тридцати пяти лет. Так, может быть, ради здоровья детей призвать молодых женщин рожать вне брака — не дожидаясь критического возраста?

— Думаю, мы оказали бы плохую услугу и детям, и матерям. Уже сегодня каждый десятый ребенок рожден вне брака. Причем в наименее благоприятный для родов возраст. В 15—19 лет на это идет каждая пятая девушка, в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет — каждая десятая. Но ведь это как раз один из тех факторов, которые и снижают показатели здоровья, жизнеспособности наших детей!

Среди внебрачных детей в 2,8 раза больше недоношенных, чем среди детей из нормальных семей, в 2,1 раза чаще смертность! Еще в прошлом веке ученые с удивлением отметили, что среди «незаконнорожденных» преобладают девочки. Сегодня-то мы знаем, почему это происходит. Зародыши-мальчики как более слабые, просто не доживают до рождения. Ведь вынашивание внебрачного ребенка связано со многими нравственными и бытовыми «но», встающими перед матерью. Женщине, родившей вне брака, часто неоткуда получить материальную помощь. Социологи исследовали группу матерей-одиночек. У 28 процентов среднемесячный доход на члена семьи был менее 50 рублей. У 37 процентов — от 50 до 75.

Но если внебрачный ребенок выжил, здоровье его, как правило, хуже, чем у ребенка из полной семьи. Связано это с рядом причин. Во-первых, со здоровьем матери. Женщины, не состоящие в браке, как правило, позже начинают во время беременности наблюдаться в женской консультации, а 4,2 процента вообще не обращаются к врачам до самых родов. Другая причина — частые роды и аборт у таких женщин. Кроме того, среднестатистический внебрач-

ный ребенок гораздо раньше попадает в ясли, детский сад, что также отрицательно сказывается на его здоровье. Хотя матери-одиночки имеют льготы на получение жилья, они проживают в худших условиях, чем полные семьи. В отдельных квартирах, по выборочным данным социологов, живут более половины полных семей и лишь 29 процентов семей, в которых есть дети, рожденные вне брака.

Но это лишь одна сторона «медали»... В СССР, опять-таки по выборочным данным, около десяти процентов молодых супружеских пар страдают бесплодием. Почему? Сегодня более половины вступающих в брак имеют ранние половые связи. Вроде бы что в этом страшного? Наукой доказано: половая жизнь, начатая в подростковом возрасте, когда организм еще полностью не сформировался, впоследствии нередко приводит к снижению половой функции. Уменьшаются и шансы иметь здоровое потомство. Раньше начинается и общее старение организма.

— Мне вспомнилось письмо о редакцию о судьбе четырнадцатилетнего мальчика. В двенадцать лет — первая половая связь, потом — половые извращения, так называемая «групповуха». А еще через два года ему стало казаться, что жизнь прожита — было все. В четырнадцать лет почувствовал себя стариком: жить больше не хотелось. Однажды вечером он зашел в сарай — и повесился...

— Это, конечно, исключение из правила. А вот и само «правило». У больных родителей рождаются больные дети. «Перебесившись», как они это называют, в молодости, такие люди, наконец, женятся. Появляются дети. Каково же будет их здоровье, если в момент зачатия тридцати-сорокалетние родители по физическому состоянию — старики? У таких родителей из ста восьмидесяти зародышей мужского пола до тридцати пяти лет доживают около половины. А вообще к шестидесяти годам мужчин становится примерно в два раза меньше, чем женщин.

— Выходит, что мужчина назван сильным полом по ошибке?

— Думаю, это была не ошибка, а своеобразная тактика. Победа патриархата нуждалась в идеологическом обосновании. Почему мужчина должен главенствовать в роду? Потому что он якобы жизнеспособнее женщины. На самом же деле природа дала женщине гораздо больше шансов выжить. Природа мудра. Численное превосходство мальчиков при рождении она уравновесила большей продолжительностью жизни женщины.

В Швеции мужчины живут меньше женщины в среднем на 3,7 года. Эта разница тем меньше, чем выше уровень жизни, чем лучше медицинское обслуживание в стране. В СССР эта разница составляет сегодня более десяти лет. И год от года разрыв этот растет. Еще Ликург говорил, что в здоровом теле женщины таится здоровье нации. Следовало бы, наверное, добавить, что здоровое потомство может быть только у здоровых родителей.

— Что же для этого делать? Традиционно призывать родителей заниматься физкультурой?

— Думаю, физкультура здесь не мо-

как родителей, так и детей, с учетом того, что в аптеках станут продавать все необходимые медикаменты, больницы будут полностью укомплектованы хорошими врачами, а стадионы отдадут всем желающим заниматься спортом.

— Вы не очень-то оптимистично настроены. Неужели уже сейчас ничего нельзя сделать для сокращения детской смертности? Может быть, силами самих родителей, заинтересованных в этом, как никто другой. Я знаю несколько случаев, когда у моих знакомых умирали дети.

— В основном это были мальчики?.. Все верно. Они умирают чаще. Мальчики, как это ни странно звучит, имеют меньше шансов выжить. Так решила природа.

— Но ведь известно, что мальчиков появляется на свет больше, чем девочек. Соотношение 105:100.

— Это, так сказать, уже «готовый результат» — живые новорожденные. Между тем, по результатам исследований, на сто зачатий, несущих информа-

Т"НЕОТМОЖКУ"

жет быть панацеей. 30 процентов советских женщин заняты на производстве тяжелым физическим трудом. Убежден, что представительница прекрасного пола, работающая, например, на таком предприятии, как московский завод «Станколит», просто не может родить здорового ребенка. Работы в цехах этого первенца отечественной индустрии не выдерживают даже самые крепкие мужчины. А сегодня там работают женщины.

А нормально ли, что на семьдесят втором году Советской власти женщины валят лес, таскают неподъемные почтовые сумки, убирают дворы?

Скажу и о состоянии здоровья отцов. Интересные исследования провели социологи в тресте «Уренгойтрубопроводстрой». Среди опрошенных четырехсот рабочих этого предприятия многие жаловались после трудового дня на шум в ушах, головные боли, тяжесть в пояснице. А кто-то говорил и о снижении слуха, о сердечных перебоих. Не думаю, что все они родились с этими недугами. Скорее всего болезни приобретены за время работы на стройке. А ведь половине опрошенных всего 20—29 лет! Время обзаводиться семьей, детьми — а здоровье плохое. Убежден: у этих родителей будут болеть дети. После трудовой вахты нужно отдохнуть. Но где? Исследования показали, что 17 процентов этих рабочих проживают в общежитиях, 81 процент — в бараках. В среднем на каждого приходилось на момент исследования 5—6 квадратных метров жилья. Все рабочие выпивали, а сколько таких предприятий по стране!

Пока будут болеть и рано умирать родители, будут болеть и умирать дети. В тридцать пять лет, когда многие еще только обзаводятся семьей, детьми, у мужчин и женщин довольно часто встречаются заболевания сердца, органов кровообращения, пищеварения.

Выходит, печать напрасно обвиняет в высоком уровне детской смертности Министерство здравоохранения?

Конечно, виновата не только медицина. От нее зависит далеко не все. Приезжаем мы, например, в Дагестан, где высока детская смертность: до сорока умерших на тысячу новорожденных. Видим: младенца держат в традиционной дагестанской люльке — грязной, душной, совершенно непригодной для сна. Уговариваем родителей расстаться с этой семейной реликвией, передаваемой из поколения в поколение. Напрасно. Обычай, оказывается, сильнее здравого смысла.

В иных среднеазиатских республиках можно наблюдать и такое явление. Детские врачи назначают больному ребенку лекарства, а мать бежит не в аптеку, а к знахарке. Зачастую в таких случаях ребенок умирает. Причина — низкая культура родителей. По данным одного социологического опроса, дети на первом году жизни болеют в полтора раза чаще у матерей со средним и незавершенным средним образованием, чем у матерей с высшим и незаконченным высшим.

Высока детская смертность в Туркмении — до 58,2 умерших детей на тысячу младенцев в возрасте до года. Для сравнения скажу, что в Литве эта цифра — 11,6. Здоровье детей прямо зависит и от санитарной культуры роди-

телей. Не у всех она на должном уровне. Горьковским НИИ педиатрии установлено, что лишь 16,7 процента опрошенных родителей проводят с детьми закалывающие процедуры. 25 процентов родителей не обращаются к врачам, если ребенок не тяжело болен. (Не тяжело — с точки зрения родителей.) 13,4 процента родителей лечат ребенка сами.

И дети умирают. От двусторонней пневмонии, от отравлений, от острых кишечных заболеваний...

Известно, что инфекционные заболевания — основная причина младенческой смертности в экономически отсталых странах. А от чего умирают дети в развитых странах, в том числе в Советском Союзе?

Причины примерно те же, что и в США, и во Франции, и в Японии. От года до четырех лет — это чаще всего несчастные случаи, травмы, отравления. Причем чаще с этим сталкиваются многодетные семьи и семьи матерей-одиночек, в которых меньше возможности уследить за ребенком — родители вынуждены передоверить младших детей старшим, либо соседям, либо вообще оставлять одних. Чаще в беду опять же попадают мальчики — они более экспансивны, подвижны, неосторожны.

Минимальная детская смертность приходится на возраст от пяти до четырнадцати лет. Дети приобретают первые навыки осторожности и все еще привязаны к семье. В 15—24 года картина совсем иная. Молодежь обретает самостоятельность. Связь с родителями ослабляется. Юноши в этом возрасте гибнут в два раза чаще, чем девушки. И опять доминируют травмы, отравления, несчастные случаи — результат первого столкновения с большой жизнью, неумение справиться с ее проблемами.

Обращает внимание процентное соотношение самоубийств в этом возрасте. По данным шведской статистики, мальчики кончают с собой почти в два с половиной раза чаще, чем девочки. Описанная не раз в литературе тонкая организация девичьей души оказывается более надежной защитой, чем самоуверенность и открытость парней, гибнущих не только от наркотиков и алкоголя, но и от неудержимого стремления поскорее заявить о себе в жизни.

Ничто не проходит даром для здоровья, каким бы крепким оно ни казалось в юности. В этом же возрасте (15—20 лет) стрессы частенько приводят к различным болезням кровеносной системы. Человечество приносит им первую дань: умирают 4,2 процента парней и 2,4 процента девушек. Проходит каких-то пять лет — и болезни сердца, кровообращения, нервные заболевания дают о себе знать еще назойливее. В возрасте старше 25 лет шведские, например, мужчины уже в три раза чаще, чем женщины, кончают жизнь самоубийством.

Видите, выходит, что призыв «Берегите мужчин!», появившийся на страницах газет лет десять назад, сохраняет актуальность и сегодня. Применительно к нашему разговору его можно было бы перефразировать так: «Берегите мальчишек!»

Девушка, выходя замуж, должна помнить, что самый близкий путь к вдовству и сиротству ее детей — это путь постоянного давления на мужа: «Ты

мужчина, ты должен. А я женщина, существую слабее, я ничего не должна». Кстати, психологами замечено, что такие «слабые», как правило, и самые требовательные.

Не отсюда ли и разводы? Не бежит ли мужчина из семьи тогда, когда чувствует, что женщина уже не на шутку его «заедает»? Не кроется ли за этим бегством инстинкт самосохранения — желание сохранить здоровье: и свое, и жены, и детей?

Безусловно, постоянные ссоры (а сегодня они происходят по крайней мере в каждой третьей молодой семье) пагубно влияют на здоровье и продолжительность жизни детей. Так, врачом-педиатром Л. М. Темичевой из Москвы установлено, что дети в два раза чаще болеют хроническими бронхиальными заболеваниями в тех семьях, где часты конфликты.

Однако я не могу согласиться с вашим утверждением, что в одиночестве можно сохранить здоровье. Как раз наоборот. Начнем с того, что ребенок разводящихся родителей часто оказывается предоставлен самому себе и, как правило, одинок. А от этого один шаг до невроза. Одинокое дети чаще подвержены различным страхам, впадают в истерику, о чем родители могут даже не подозревать. А кто такие эти «старые девы» и «вечные» холостяки? Как правило — с детства одинокие люди. Сегодня в нашей стране уже более пятидесяти миллионов одиноких людей старше двадцати лет. Это большая цифра по сравнению с другими странами.

Вы хотите сказать, что семья уже сама по себе — фактор, благоприятный для здоровья?

Не всякая семья, но большинство. Секрет в гармонии. Гармония — вечный закон жизни. Посмотрите дореволюционную статистику, полистайте старые газеты. Кто умирал в Петербурге раньше? Холостые люди всех возрастов. Даже чаще, чем вдовые. Человеку свойственно стремиться к стабильности, а достичь ее проще всего в семье. У кого сознание более ущемленное — у ребенка из полной семьи, защищенного со всех сторон, у имеющего одного родителя и вынужденного с самого детства во многом полагаться на себя, или у круглого сироты, который может надеяться лишь на свои слабые силы? У одинокого человека нет тылов. Он все время боится потерять немногих близких ему людей. Прекращение дружеских отношений, тоска по семье вредят нашему сердцу не меньше, чем малоподвижный образ жизни или избыточное употребление животных жиров.

Как достичь гармонии, благотворной для нашего здоровья, необходимой для сохранения жизни наших детей? Проконтролируйте себя. С какими мыслями вы живете? Говорите ли вы себе: «Ничего, еще немного помучаюсь с ними (женой, мужем, детьми) и всех брошу. Устал, надоело!» Или — «Мне жить с этими людьми всю жизнь. Значит, надо сделать их и свою жизнь как можно более приятной и здоровой». Чтобы в семье была нормальная психологическая обстановка, очень важно настроить себя на долгие и стабильные отношения с близкими. Тогда обязательно появится и снисходительность к чужим недостаткам, и столь необходимое милосердие.

Мне кажется, что и подростки часто ссорятся с родителями потому, что настаивают себя на скорый уход из семьи: в общежитие, к друзьям, после восемнадцати лет — в собственную семью. А пока живут с родителями, мучаются именно потому, что намеренно выискивают в них негатив — повод, чтобы когда-нибудь окончательно разорвать с ними отношения. Такая жизнь — идеальный фон для всевозможных инфарктов, инсультов, для самоубийств. Я бы посоветовал этим ребятам и многим взрослым перестроить свое сознание. Им неплохо бы знать, например, такую статистику. Из 100 000 итальянцев за год умирают: от болезней сердца — семейных 176 человек, холостых 237, разведенных 362; в дорожных катастрофах гибнет — семейных 35, холостых 54, разведенных 128.

Казалось бы, какое значение имеет для возникновения цирроза печени то, в семье ли живет человек? Однако имеет! От этой болезни за год умерло итальянцев соответственно: семейных 11 и одиноких 79.

Сейчас много говорят о том, что нам нужно ввести статус семейного врача, который бы ведал и психологическим микроклиматом в семье.

Пока ничего из этой затеи не выходит. Ведь для домашнего врача пришлось бы строить специальный дом, где находилась бы и его квартира, и кабинеты. А пока для этого нет возможностей. Но что нам по силам уже сегодня — это расширить сеть подростковых кабинетов, психотерапевтической помощи семье. Нужно улучшить работу тех служб, которые уже существуют.

Большие надежды возлагались на медицинские кооперативы, но оказалось, что для населения это слишком дорогое удовольствие. Наши дети болеют так часто, что ни у одной матери не найдется столько средств, чтобы каждый раз обращаться туда за помощью. К тому же задача кооперативов не столько лечить, сколько давать советы, ставить диагнозы.

Конечно, здоровье — понятие и экономическое, но совсем не в том смысле, что самыми здоровыми непременно должны быть те, у кого больше денег. Однако зависимость здоровья от уровня обеспеченности, безусловно, существует. И существовала всегда. В Древнем Риме, например, рабы доживали в среднем лишь до семнадцати лет. Вольноотпущенные жили до 23—26 лет. Торговцы, ремесленники, которые лучше питались и могли при случае послать за врачом, — до 34 лет. Врачи и купцы жили более сорока лет. А кто жил дольше всех? Тот, кто насыщался не только животной и растительной пищей, но и пищей духовной: священники и их жены. Служители культа «уходили в мир иной», как правило, на восьмом десятке.

Конечно, чтобы жить долго, надо следить за здоровьем: высыпаться, не пить, не курить, хорошо питаться, заниматься спортом — все это с детства известно каждому. Но одного этого мало. Надо держать в здоровом состоянии душу. Нужно уметь верить, любить, уметь видеть в жизни радостные, светлые стороны. И учить этому детей. Только тогда жизнь станет здоровой и счастливой. А значит — сойдет до минимума и детская смертность.

Борис ШЕРЕМЕТЬЕВ

Сквозь горячее неправдоподобие и хаос осенних дней 1917 года явственно проступила единая вязь закономерных, неизбежных событий, воочию развернулась действительность, от которой закипали, бешено бились сердца, — революция!.. Будто что-то огромное разом сдвинулось в стране: хлеб и воля всем; человек человеку ровня. А чтобы застолбить мир, большевики, не допуская напрасного кровопролития на фронте, направили штыки красногвардейских отрядов против сбродных команд керенско-корниловских мятежников.

Успех виделся не за горами. Жизнь, изъезженная войной, мало-помалу налаживалась, строилась поверх развалин и пепла, возглашала декретами, декларациями, постановлениями. И вдруг поверженный на обе лопатки буржуа задергался от омерзительных животных спазмов. Чиновники министерств и ведомств, привыкшие почитать прежнюю начальство, годами тянувшие одну и ту же служебную ляжку, не уразумев сущность новой власти, с благоговейным, любовно-печальным уважением склонили головы над живым трупом.

Рецидивы этой «болезни» сказались и на Морведе. А началось все со слуха относительно контр-адмирала Вердеревского, который получил «вспомоществование» Рябушинского и, сдав еще 25 октября обязанности морского министра своему помощнику капитану 1 ранга Кукелю, удрал из Главного Адмиралтейства. И как только все это подтвердилось, сработала разлагающая пропаганда. В штабах и центральных управлениях вспыхнул саботаж.

15 ноября безалаберщина проникла и в Генмор. Офицеры празднично шатались по коридорам, грели друг друга новостями: у арки ворот поставлен броневик; Военморревком наводнен матросами; Кукель арестован как самозванец...

Когда возбужденный ропот накалился, личный состав штаба пригласили на собрание. Зал набился битком и гудел, точно улей. Капитан 1 ранга Романов, начальник секретного отдела, наводя тишину, поднял руку над съехенной головой, сказал:

— Господа! Обязанности морского министра принял на себя контр-адмирал граф Капнист. Он призывает всех не признавать власть Советов, прекратить работу штаба и разойтись по домам. Мы уверены, недели через две большевиков разгонят, — и добавил, грассируя: — А члены Военно-морского революционного комитета повесят на фонарных столбах...

Несколько офицеров, злорадно-довольных, вскочили со стульев, разом загомонили, застучали ладонями по крышкам столов. Но ни кругосветники, ни цусимцы, чьи рукава сверкали золотом нашивок, ни тем более члены Военморревкома не поддержали их. Они многозначительно переглядывались, вздымая брови. И лишь Иван Вахрамеев, комкая в руках бескозырку с ленточкой «Балт. фл. эк.», в сердцах бросил в толпу:

— А вот поживем — увидим, кто кого повесит.

К трибуне протиснулся капитан 2 ранга Гончаров. Горячился, содрогался самоуслажденно, ратуя за саботаж. Но сбился с мысли, и кто-то в паузу встал:

— Надо помнить о России...

Все обернулись на голос. Помощник начальника штаба капитан 1 ранга Беренс, высокий, худощавый, с черной шерсткой волос вокруг молодой лысины, выдвинулся вперед, пощипывая клинышек бородки, примериваясь, ка-

ким образом уберечь от необдуманного шага и отрезать тех, кто становился с каждым часом разнуданнее, опаснее, — давних сослуживцев, с юности отученных от политики, воспитанных на кастовых предрассудках.

— Надо помнить о России, — повторил он с твердым нажимом. — И работать, господа, работать...

Его слова одних, кипевших злой усмешкой, отвращали; других, наоборот, неотвязно притягивали прямой откровенностью обо всем том, на что они, издерганные в последние дни тревожным безвестием, еще тайком надеялись — на реставрацию прежней власти:

— ...Если не глухи, вслушаемся, чья за окнами гудит многотысячная сила. Вот кому — мир, история. Вот с кем шагать нам вместе.

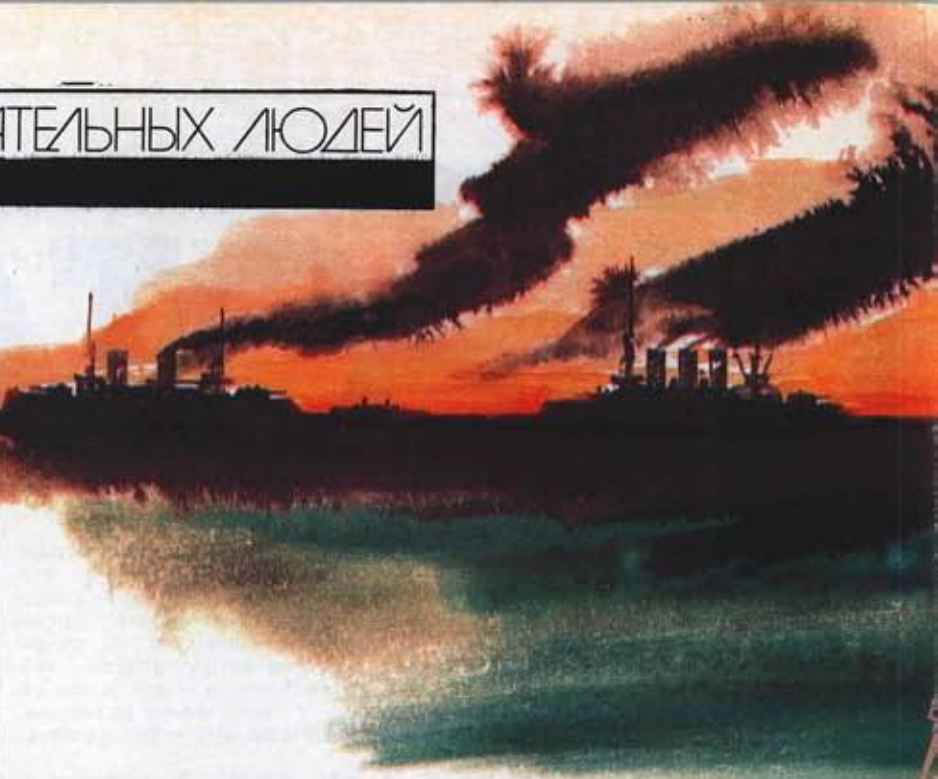
— Правильно!.. — вломился истощенный крик.

Забушевало человеческое море, зааплодировало, будто в зал ворвался благовест новых времен и ветер. Больше всех старались матросы — шифровальщики, баталеры, писаря, члены комитета, — ходившие на штурм Зимнего, державшие под контролем работу почт, телеграфов, железнодорожного транспорта.

Вахрамеев, рыжеусый, остроглазый, учув подходящий момент, поднялся и, когда припало непрочное затишье, жестко сказал:

— Военморревком предлагает собранию избрать нового начальника Морского генерального штаба. Кандидатом мы выставляем Евгения Андреевича Беренса...

В ту ноябрьскую ночь, черно-бархатную, влажную, Беренс шагал домой вдоль отемненного фронта дворцов набережной; шагал так размашисто, что



бу, он, тезка именитого сородича, был гидрографом в Архангельске, служил с братом Михаилом в Порт-Артуре на «Варяге». Но того перевели с крейсера в конце 1903 г.; Евгений же остался старшим штурманом и участвовал в неравном бою с японской эскадрой.

Накануне сражения у Чемульпо, 26 января 1904 г., он почувствовал нависшую над крейсером угрозу и, устыдившись, что за несколько месяцев не послал в Тифлис ни строчки, засел за письмо: «Дорогая моя, милая, родная и любимая мама, пишу тебе при тяжелых условиях, может быть, перед смертью, в случае которой письмо это должно попасть в твои руки... Тяжело мне расставаться с вами, очень тяжело, но от судьбы не уйдешь, жалобы напрасны. Твердо надеюсь, что мы с Мишей не погибнем вместе, у тебя останется два сына, у многих же будет хуже...»

Японцы с начала боя сосредоточили артиллерийский огонь на боевой рубке «Варяга», стремясь лишить его упра-

ние в Морской кадетский корпус, где появление «настоящего» корабельного офицера да еще кавалера ордена Святого Георгия произвело впечатление.

И несмотря на это, не считал свое спасение героическим поступком, одно время полагал, что должен предстать перед судом за согласие на потопление «Варяга». При напоминании о Цусиме, месте чудовищного столкновения броненосных сил, возникало чувство досады, обиды: «Надо найти виновников, чтобы заставить их дать ответ: за что и почему мы унижены; за что мы теряли своих отцов и братьев; за что мы, прежде такие сильные, должны заискивать у своих соседей, трепетавших в былое время от одного нашего слова; за что, наконец, народ нес тягостное бремя расходов на армию и флот, так бесславно проигравших войну?»

Но сыскать виновных оказалось не просто — слишком многие являлись причастными к тому бедствию. Нужна была уйма нравственных сил, чтобы устоять под напором общественного не-

"НАДО ПОМНИМ"

полы его шинели развевались летуче и рвано. Нева, где ощутимы сквозные ветры Балтики, запахи дальних странствий, открывала ему безбрежные доли жизни, расхлеставшиеся океаном революции, бередила душу былыми образами, всплывшими из какого-то далека, опрокинутыми из времен во времена.

В жаре последней недели, потрясшей вековую твердыню власти, оказывался, пропустил день, когда разменял срок второй год. В воображении Беренса возник родной Тифлис, отец... Он был прокурором. Строгий, недоступный на службе, а дома — душа семейного очага. Но подвело здоровье. После его смерти мама, изящная женщина, вложила небольшие акции в коммерческий банк и, перебиваясь частными уроками музыки, во многом себе отказывала ради воспитания троих сыновей. И жертвенность ее была вознаграждена: Евгения, как старшего, а вслед и Михаила определили в Морской кадетский корпус. Мама надеялась, что они продолжат дело деда — участника кругосветных плаваний, ветерана войны 1854—1855 гг., старшего флагмана Балтийского флота, члена Адмиралтейства, адмирала Евгения Андреевича Беренса. И не ошиблась. Завершив уче-

вления. Но судьба хранила Евгения: он был на грот-марсе у дальномержиков, когда вражеский снаряд разорвался в штурманской. Долго перед взором вставала эта жуткая картина: искореженный дымящийся металл, убитые и раненые на палубах в бликах огня, — матросы и офицеры, на сверхчеловечной преданности которых покоилась империя.

Горечь от потери близких, с кем сроднился на корабле, приглушили восторженные встречи в портах на пути из Кореи в Россию, радужные приемы в Одессе, Севастополе, где вручили Георгиевские кресты, жаждали знать о высоких подвигах, величии морской души на войне.

Все тогда в жизни раскрывалось Евгению навстречу: и Вера — любимая, ласковая супруга, припадавшая к нему горячей щекой в поезде, мчащемся из Севастополя в столицу; и торжественный марш команд во главе с капитаном 1 ранга В. Рудневым по Невскому проспекту, обсыпанному из окон, с балконов и крыш дождем весенних цветов; и Николаевский зал Зимнего дворца, накрытый под роскошный банкет, на котором провозгласили об учреждении специальной серебряной медали в честь боя «Варяга» и «Корейца»; и новое назначе-

доверия и терпеливо дожидаться случая, который бы помог выказать всему миру: русская отвага не погибла в военных невзгодах.

И возможность такая представилась 15 декабря 1908 года. Случилось неслыханное: страшная стихия обрушилась на Италию и остров Сицилию. «Гардемаринский отряд», находившийся в зимнем учебном плавании в Средиземном море, вызвался помочь пострадавшим от землетрясения жителям. Четыре корабля подняли пары. Но контр-адмирал Литвинов, узнав, что на «Цесаревиче» угля в обрз, решил не брать его в Мессину, перенести свой флаг на другой крейсер. Известие это крайне огорчило экипаж. И тогда он, капитан-лейтенант Беренс, старший офицер «Цесаревича», взялся уладить вопрос. Настойчивость возымела успех: просьба личного состава получила полное удовлетворение.

Вряд ли кто другой в те трагические дни смог бы сделать больше для итальянцев, чем русские команды. Из-под обломков и руин города они спасли более 2 тысяч человек. Вроде бы не так много по сравнению со 140 тысячами погибших. Только, как понимал Евгений Андреевич, не в арифметике соль, а в том огромном моральном впечатлении, которое произвел на цивилизован-



Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

зазнались,— сообщает Евгений Андреевич,— и всячески стараются показать: вот чего вы достигли, подружившись с англичанами».

Имя Беренса, прежде неизвестное, резко врывается в тишину посольства в Германии, рождает почтительность и зависть среди дипломатов-соотечественников. А вскоре его недюжинные способности, умение свободно общаться со всеми, подавать в беседах тонкие реплики были оценены в высших кругах и даже кайзером.

Беренс свернул на Троицкий мост. В каком-то ином, аспидно-красном цвете предстали перед ним и небо над стрелкой Васильевского острова, и гранитные стены Петропавловской крепости, и темные силуэты кораблей, врезанных в масляную чернь воды, будто и на них отсветами легли неизбежное величие и единственность этих дней, потрясших тысячелетние устои. И ему, никогда не принадлежавшему ни к чьей партии, только что вознесенному революцией на морской штабной олимп, на котором он станет сноситься с собранием уважаемых в стране людей, чьими именами бредила улица, пестрели газетные листки, страшно захотелось сделать что-то особенное. Ведь завтра начинается новая неведомая жизнь.

Маховое колесо Генмора, как бы приостановившееся, вновь набрало обороты, взяв на себя приводные ремни по руководству оперативными действиями флотов и флотилий на фронтах, по комплектованию и вооружению боевых кораблей и матросских отрядов. В обстановке всеобщей разрухи, усилившегося наступления войск кайзеровской Германии и Австро-Венгрии работа эта была сопряжена с огромными трудностями. Не случайно на одном из собраний Беренс говорил:

— Для того чтобы флот действовал, нужны не просто люди, а знающие, обученные моряки; корабли должны быть исправлены, а всевозможные механизмы тщательно ухожены. И люди, и корабли требуют снабжения... Мы знаем теперь цену шинели, нужной матросу; знаем теперь, как дорог уголь, которого нет ни в Москве, ни в Петрограде; знаем, как дорог каждый снаряд в борьбе с противниками, снабженными Антантой. Для одного Балтийского флота, и то не всего, а только боевой его части, требуется свыше полутора миллионов тонн угля ежемесячно... И все же моряки работают, корабли плавают и пушки стреляют.

В феврале 1918 года тучи сгустились над Балтикой на много миль вокруг. Замыслив перебросить войска с Моонзундских островов в Эстляндию, а затем в Финляндию, немцы лезли напролом. Чтобы спасти наши корабли, находившиеся в Ревеле и Гельсингфорсе, Генмор выдвинул план их перебазирования в Кронштадт.

Беренс понимал, что держит экзамен:

ТЬ О РОССИИ...

ный мир самоотверженный труд наших моряков, закопченных от дыма и серой пыли, ползающих сутками по смертным, поганым камням. Русский народ тоже по достоинству оценил их человеколюбивый подвиг и, простив недавнюю военную неудачу, вернул флоту свое бывшее доверие.

И если для России на развалинах погибшей Мессины совершилось воскресение потерянной в войне морской доблести, то для Беренса — обретение себя после недавней кончины матери, Марии Михайловны. Пришла уверенность в своем будущем, в счастье, в согретое и всеми голосами запевшее, наконец, море. И он, сладко леденея от какой-то гордости, записал: «Простор широк, велик его ветер... Многое мне по плечу».

По возвращении из заграничного плавания Беренсу предложили работать в Генморе и одновременно читать лекции в Военной академии Генерального штаба. Как нравилось тогда, набегавшись за день на службе, беседовать за ужином с Верой, простой, доверчивой; закрывшись в тихой комнате, ночь напролет корпеть над «Записками по военно-морскому делу», а утром, стремительно войдя в аудиторию, забитую слушателями всех факультетов, «святъ

разумное, доброе, вечное...»

Но ему всего лишь тридцать четыре! Не рано ли обольщаться стезей преподавателя, мечтать о звании профессора, о кафедре, которая замкнет виток его спирали... В жизнь, в жизнь! Отплыть от берегов туда, где всего нужнее Родине.

И он, капитан 2 ранга, владеющий несколькими европейскими языками, едет военно-морским атташе в Германию и Голландию. Круг его деятельности обширен: морская политика, бюджеты, кораблестроительные программы, развитие техники, стратегические, тактические и организационные вопросы, военно-дипломатическая деятельность. Как говорится, забот хватало. Много ездит по странам, часто бывает в портах, на судоверфях; все интересное берет на заметку, анализирует, зная, что только так придет удача. Подобно барометру, чутко реагирует на всякого рода неуважение, невнимание к России. Так, в донесении от 19 января 1911 г. из Берлина отмечает холодность приема на официальном обеде 1-го Гвардейского гренадерского полка имени Александра I, а также прохладное отношение на придворном спектакле и балу, состоявшихся по случаю дня рождения кайзера. «Здесь очень

С началом первой мировой войны Евгения Андреевича отозвали в Генмор, в неслыханный доселе Петроград, показавшийся новым, предгрозовым. Огромная гора событий, дел, свежих чувств, мыслей навалилась на него. Не успел во все толком вникнуть — послали военно-морским атташе в Италию. И там, ощутив себя оттесненным в сторону, решил: «Пронафталинили, как сюртук, заложили в ломбард, а отозвать забудут... Ну нет, черта с два!»

И едва прослышал о Февральской революции, не дожидаясь вызова, один рванул в Россию. 180-миллионная страна кренилась, трещала. Многое казалось непрочным, только сегодняшним. Жене он написал: «Прав Ленин, я с большевиками...»

...Нева опухивала лицо Беренса воздушной вязкой сыростью. На переходе у Марсова поля он остановился, пережидая вереницу автомобилей и колясок. Из текучей подфонарной мглы неожиданно возникло шестие: трое матросов, цепко державшихся за винтовки, конвоировали густобородого кулемистого человека, показавшегося знакомым; стайка оборванных, забегавших вперед мальчишек орала:

— Барона взяли!.. Падлой оказал-ся...

Ледовая операция выявит его зрелость. И аппараты штабного телеграфа слали короткие, властные приказания: «сосредоточить в районе все ледокольные суда»; «привести в боевое состояние батареи береговой обороны»; «направить корабли 1-й категории на Центральную минную позицию для ее охраны»; «суда 2-й и 3-й категории, кои могут быть без ущерба для них проведены в колотом льду, подготовить к уходу...».

Когда отдыхал начальник Генмора в те недели, дышавшие в лицо холодом катастрофы, никому неизвестно. Выпрямленный, как гвоздь, он денно и ночью сидел в штабе, принимал из первых рук информацию по передислокации кораблей, по переброске людей в связи с острым некомплектом команд. Картина эта отражалась в сводках, донесениях, на картах, испещренных сетью линий, цифр, знаков, а в его глазах стояла зримая, живая: отряд судов, врезающийся в поле льда; ветры, шатающиеся по мерзлым глыбам; серая наволочь туманов; острова Нарген, Вульф, горбатящиеся накастами батарей и укреплений; армия противника, сторожащая наши гавани и порты зоркими постами на берегу, препятствующая эвакуации кораблей.

Расчеты Ледовой операции оправдали себя: основное ядро Балтийского флота — свыше 250 судов — было спасено. Казалось, после их умолкшего надрывного гула среди торосов, после очищения моря ото льда затихнут, станут в вещем напряжении времена. Но вскоре тревогой колыхнуло с юга: корабли в Новороссийске на грани захвата. Исчерпав все аргументы против немецкого командования, все еще надеясь спасти Черноморский флот, В. И. Ленин потребовал письменный доклад от начальника Генмора. И Беренс, теоретик, рационалист, взвесив все на своих весах, обосновал вывод:

— Уничтожение судов в Новороссийске надо произвести теперь же, иначе они несомненно и наверно полностью или в части попадут в руки Германии или Турции... Вполне сознаю, что решение это очень ответственное и его принять трудно, но и обстановка на Черном море сейчас совершенно исключительная.

И как только председатель СНК начертал на докладной записке: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно», аппараты Генмора отстучали в ночь приказа. Но время шло, а нужных вестей из Новороссийска не поступало, ленинская директива не выполнялась контрреволюционным командованием флота. И Беренс продиктовал очередную телеграмму:

— ...кто препятствует уничтожению судов, будут покрыты позором всей страной и революцией, как малодушные и предатели.

Он подолгу простаивал у телеграфов — серый как тень от ощущения в себе жил, натянутых как струны, от небывалого прецедента. И вдруг сквозь поля, истоптанные и сожженные войной, прорвался поток слов: «Всем, всем, всем!.. Часть судов Черноморского флота... предпочли гибель позорной сдаче Германии».

А вслед за этим новая тревога: под угрозой наступления немцев и белофиннов Петроград. Ретивые головы предлагают подготовительные меры по уничтожению балтийских кораблей. Беренс спокойно отвергает этот вариант на совещании в Генморе, становится на сторону начальника линейных кораблей Зарубаева, капитана 2 ранга Медведева:

— Намерение уничтожить в Кронштадте все без исключения суда не оправдывается теми перспективами, которые еще могут оказаться в будущем для страны и флота.

Он убеждает в необходимости активной обороны, заграждения фарватеров. И председатель СНК вновь соглашается с ним: ставить мины «без всяких промедлений».

Железному кольцу блокады, стремив-

шемуся погубить Советскую республику в цепком смертельном сдаве, наркомат по морским делам противопоставил кольцо флотилий. Многие из них — Нижне-Днепровская, Днепровская, Северо-Двинская, Западно-Двинская, Чудская, Ильменская, Донская и другие — не раз принимали на себя удары врага, пока армии выполняли маневр.

Беренс часто бывал на фронтах и видел, как расчетливо воюют на реках и озерах катера, как эффективны они в сухопутных операциях. И когда после скоропостижной смерти В. М. Альтфатера в марте 1919 года стал вместо него командующим всеми морскими силами республики, то увеличил число флотилий до 20. Обосновывал это на съезде моряков так:

— Каждому из нас, конечно, приятнее плавать на море, чем на реке, но есть обстоятельства, которые доказывают последнее, а именно приходится плавать на реке, пока не завоюем моря... Как бы флотилии ни были малы, все-таки их роль довольно большая.

Он умел радоваться их победам. Заявлялся домой возбужденный, как правило, с кем-нибудь из сослуживцев. Вера Леонтьевна понимала его настроение и приглашала соседей. Вечер проходил весело, в шутках, розыгрышах. А заканчивался неизменно импровизированным концертом: Евгений Андреевич музицировал, пел или играл на пианино с супругой в четыре руки.

Неудачи тоже не вышибали его из седла: ни одним мускулом лица не выдавал плохого состояния. Но когда пал Царицын, где он со штабом помогал командованию Волжской флотилии, не сумел одолеть охватившей его скорби и внутренней тревоги за судьбу той власти, с которой до гроба связал жизнь, — на глазах коморсы Беренса выступили слезы.

Пережил он и личную драму. Младший брат, Сергей, офицер Нижегородского драгунского полка, погиб в первую мировую войну, а Михаил встал на сторону врагов революции. Может, потому Евгений Андреевич и проявил тогда инициативу, выступив с воззванием:

— Обращаемся ко всем морякам, всякого звания, чина и положения, где бы они ни находились за пределами Советской России, и в особенности к морякам Черноморского флота, с искренним и горячим призывом. Забыть рознь, происшедшую за последние годы, и соединиться с нами для спасения русского народа и его земли. Теперь не время рассчитывать на интервенцию и искать выхода во всяких других средствах. Пора признать, что русский народ всем ходом последних лет показал, как он хочет жить и за что он борется...

После гражданской войны Евгений Андреевич снова с головой уходит в дипломатию. И на этом поприще трудится до 7 апреля 1928 года, пока не перестает биться его неуемное сердце. Не было ни одной значительной международной конференции, где бы в качестве нашего эксперта не выступал Е. Беренс. На переговорах в Юрьеве (1920 г.), на конференциях в Генуе (1922 г.), в Лозанне (1922, 1923 гг.), в Риме (1924 г.), на 4-й сессии комиссии Лиги Наций в Женеве (1927 г.) — всюду он с блеском защищал и отстаивал военно-морские интересы своей Родины.

Потому, наверное, и флот наш выдюжил. Это счастье, что в те крутые поворотные времена нашлись в России люди недоужинного ума, гражданского мужества, рыцарского духа, которые боролись за каждый корабль, судно, собирали воедино все то, что уцелело от разгрома, и вдыхали в них новую жизнь; которые сплотили вокруг себя железным упором ряды командиров, матросов, сумев коснуться самых чувствительных струн их души, и пользуясь общей любовью, доверием, возрождали флот, его могущество.

Евгения Андреевича Беренса с полным правом можно отнести к когорте таких военных специалистов, нашедших неопровержимую истину в буре революции и присягнувших ей на верность.

СМЕНА

Михаил ШЕВЧЕНКО

А ты все та же, моя страна...

А. А. Блок

Ты его придумала сама.
И не надо — не сходи с ума.

Ты вот убиваешься сейчас.
Вспомни — разве это первый раз?

Разве ты у жизни на краю
Не теряла голову свою?

Не пора ль тебе, в конце концов,
Отличать
Лжецов
И подлецов?

Не пора ли?.. Песня не нова.
Знаешь, не один он виноват.

Не один...
Где ты была сама?
Где была ты?
Не сходи с ума.

Ты слышишь, как тает снег?
Что? Таянье снега опасно?
Не будет хорошего наста —
И это задержит наш бег?
Землю увидят в хламе?..

Напрасны твои тревоги! —
Мы хлам убираем сами.
Мы с солнцем проложим дороги.
Ликуй: ломается лед!
Ты слышишь — весна идет!

Вы его, наверное, видели.
Он приходит в Ленинский сквер.
Моложавый, в военном кителе
Персональный пенсионер.
Он сидит то с газетой, то с книжкой
В чисто вымытой пухлой руке.
Он заигрывает с ребятишками,
Что-то строящими на песке.
А потом, перед самым вечером,
Поджидает с работы жену.
И раскланивается со встречными,
Обнажая свою седину.
Кто ж подумает в этом случае,
Что почтенный седой человек
По ночам, бессонницей мучимый,
Не смыкает краснеющих век,
Что ему меж подушек расстеленных,
Стоит к ним прильнуть головой,
Снятся лица друзей, расстрелянных
По «нечайным» наветам его...

Наивность детская —
Чего я не писал!..
Теперь припоминаю —
Стыдно, право.
Я недостойных славы
Восхвалял,
Я низвергал
Достойных славы.
Кто в этом виноват,
Постигнуть помощи, —
Я в рост хотел стоять
Среди согбенных.
И падал так,
Как падает ребенок,
Когда поднимется
На первые шаги.

Я верил.
Я верил тебе,
Едва узнавая тебя начал.

Я верю тебе
И теперь,
Не мыслю себя иначе.

Но мне, что ни день,
Трудней
С моей терпеливой верой.
Она взывает, чтоб ей
Платили взаимной мерой.

И ты этой вере
Поверь,
Открой перед нею двери.
Ни капли не лицемерь,
Не доводи
До неверья.

Цветы, что выходят к дорогам,
Гибнут чаще других.
Их топчут безжалостно ноги,
Руки срывают их.

Но все-таки с наступлением
Солища и теплоты,
Вглядишься, с каким иступлением
К дорогам выходят цветы.

ЗИМНЕЕ

Сердца людские
Заждались весны,
И почки на деревьях
Набухают.
Планета видит
Радужные сны,
Но вот уж и апрель —
Снега не тают.

Вслед за короткой
Солнечной порой
По-прежнему
Свирепо ветер нижеет.
Владычествует
Стужа над землей.
Температура —
Ниже.
Ниже.
Ниже.

А победить весну —
Напрасный труд!..
Она придет.
Сквозь холод.
По ярусам.
Прислушайтесь —
О ней
Уже поют
Ее посланцы!..
Пусть позлится выюга...

Антонина БАЕВА

Пришла пора менять учителей,
а ты тоскуешь, мечешься, желая
общенье длить,
и сам осознавая:
пришла пора менять учителей.

Твои кумиры прежние уже
сказали все.
Тебе другое блазит.
А ты все будто в тихом кураже,
иль ежишься, как будто перед
казнью...

Пришла пора менять учителей.
Не медли!
Ученичество прекрасно,
но промедленья творчески опасно.
Пришла пора менять учителей.

Ты нежности к ним прежней
не пролей,

и первых, и вторых не забывая,
запомни, что такая жизнь, такая:
приходится менять учителей.

Скоро, скоро я избавлюсь
от бессонниц,
от холодных одуряющих ночей,
лишь весна зимы упряжку
рассупонит
и согреет дом и душу
без печей.
Я открою окна в сад —
и онемею:
как поет по закону тишина!
Не угнаться промороженному
свею
за мелодией,
что выучит она.
Слышу, слышу
эти первые аккорды,
эти фуги, эти «си» и эти «ля»...
В законе всем очнувшимся
офортом
соловьев своих настроила земля.

ЧЕТЫРЕГЛАЗКА

Рыбешка такая бывает.
Живет на большой глубине.
Кормиться в верха выплывает.
И этим довольна вполне.

Все время глазами одними
шныряет в глубинах она,—
и тотчас включает над ними
другие,
являясь со дна...

И ей не обидно, не стыдно:
не знает
про совесть и честь.
Как хочет — повсюду ей видно.
Зачем ей все видеть
как есть?

Учу цветы цвести,
учу расти деревья.
В саду моем весна,
и травы зелены.
Округа напролет
исполнена доверья,
и ветры все летят
лишь с южной стороны.

Свершилась наконец
великая удача,
что я сама учу
деревья и цветы,
где краски подгустить.
И вот еще задача:
бутоны закрывать
до синей темноты.

А утром успевать
и росами напиться,
и солнышко встречать
всем, всем, как божество.
И ловкости своей, и силе
изумиться,
и ярче выражать
природы торжество.

Свечу засвечу новогоднюю.
В свою загляну преисподнюю.
Не приглажена, не выслана,
без камушка, без выступа,
без выдоха, без выброса...
Не подняться наверх, не выбраться.
Может, лесенку из оконышка
кто жалостливый, — бряк
на доньшко...
Не стальная, поди, не железная:
— Лезь, болезная!
Скрипнет плашечка деревянная:
— Выбрайся, желанная!
Звон солнышко колоколнышко!



Дмитрий ФИЛИМОНОВ

Ни от себя, ни от унылого
безнадежного бытия —
уехать бы из края милого
в любые дальние края.

И жадно всматриваясь в новое,
и вслушиваясь всей душой,
родную, снежную, бровровую,
свою — не сравнивать с чужой.

Не зарываться в тину грязную,
не смаковать добро и зло,
не выть, а жить, любясь красками,
в какой бы край ни занесло!

Когда сиреневые ливни
преграды смыли на пути,
пересечение наших линий
сулило счастье впереди.

Но заносило льдами реки,
чернела даль, тускнела высь,
и наши линии навеки
в тумане жизни разошлись.

И мной подаренные бусы
не просветляют печальных глаз.
И только дружеские узы
невольно связывают нас.

О ГАЛСТУКАХ

Я не жалу галстуки. В галстуках —
душно.
Но, по мнению законодателей мод,
человеку, живущему в обществе,
нужно
или шею — в петлю, или — наоборот.

Мотивирует модную эту идею
то, что галстук — из простеньких, не
на заказ,

и на самую... самую толстую шею
без особой примерки придется как
раз.

ИГРУШКА

Не ракета, не пушка,
не свинчатка в стволе —
заводная игрушка
у меня на столе.

В платье, модой забытом,
в колпаке с бубенцом
человечек с открытым
и печальным лицом.

Он стоит молчаливым
часовым на войне,
ключик с медным отливом
у него на спине.

Если ключик направо
десять раз повернуть,
он забавно и браво
отправляется в путь.

Он шагает, не глядя,
и спешит по прямой,
не во имя, не ради,
а по воле слепой.

Той, что властью над всеми
обладая сполна,
держит в тайне, как в сейфе,
габариты стола...

Сделал шаг человек
и до края дошел...
Он уверен, что вечен
этот чертовский стол...

Вот он шпарит по краю,
вот уже на весу...
Я, конечно, поймаю,
я, конечно, спасу.

И поставлю смешного
человечка на стол,
чтобы снова и снова
он по кромочке шел

и срывался отважно
со стола моего,
но однажды... Однажды
не поймут его.

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Плачут гитары.
Кончился год.
Дедушка старый
елку несет.

С елкой поджарой,
счастьем убит,
вдоль по бульвару
он семенит.

Парень смеется:
«Это ж весло...»
Дед повернется:
«Да, повезло.»

Вымерз, как леший,
но принесу.
Лучше-то где же?
Разве в лесу?..»

Дует на руку:
«Елка кому? —
Господу, внуку,
мне самому.»

В СТОЛОВОЙ

В кастрюле варится веками
то борщ, то суп
с треской, с говядиной, с грибами,
с добавкой круп.

Черпают ложками орава,
не дует в ус.
На складе сыщется приправа
на всякий вкус.

Любое варево, за редким,
не выльют взад.
Все разольется по тарелкам,
и все съедят!

Леонид ВЬЮНИК

Живу не в лесу,
Не в ущелье,
В столице бетонной живу,
Страдаю в квадратной пещере,
Что ныне квартирой зову.
Но сам я крестьянский ребенок
И в холоде рос, и в тепле.
С рождения, с самых пеленок
Ходил босиком по земле.
А ветер, бывало, подхватит,
Забросит меня в ковыли.
Сейчас под метровым асфальтом
Не видно ни трав, ни земли.
Уж сколько не слышу: сыночек,
Ты где допоздна прогулял?
И сердце сожмется в комочек:
Я что-то свре потерял.
Отправиться б снова в дорогу
И сесть бы родных поминать.
Вернуться б к родному порогу
И можно потом помирать.

Хочется уйти подальше в море,
На распутье всех семи ветров.
Страшно надоели разговоры,
Так сказать, спускание паров.
Прошлых лет жуем шальные вести,
Чей разоблачительный черед?
Где тот бюрократ — он
неизвестен! —
Что мешает двигаться вперед?
Что ж, видать, пришло такое
время —

Рубим лес, выкачиваем нефть.
Погубили хлебную деревню,
А виновных не было и нет.
В глубине спасительного слова
Кроется надежда иногда:
«Планы перевыполнили снова» —
Как тогда, в застойные года.
Милые мои, родные люди,
Хочется от боли закричать:
Где конец сплошному словоблудью?
Кто там мне советует молчать?

ФИЛИППИНКА

В тропической кокосовой Маниле,
На корабельном суетном борту,
Мы распорядок дня не изменили,
Хоть перестрелку слышали в порту.
Мы время по московскому сверяли.
У трапа — при параде на часах.
Когда нас эмигрантов проверяли,
Все было, как в аптеке на весах.
А на причале тайное творилось,—
У трюма,

на корме,

на коротке —
Там о любви беспечной говорились
На филиппинско-русском языке.
Глаза у филиппинки, словно финки,
Они меня берут на абордаж.
Не знала, между делом, филиппинка,
Какой прошли мы строгий
инструктаж.

Пускай сверкают
звездочки-опилочки,
Пусть сумрак растворится в синеве.
Но лучшая из свете «филиппиночка»
По мне скучает в городе Москве.
И в честь ее слагаются сонеты,
И возвещают миру соловьи:
Ее герой в любом конце планеты
Ни слова не проронит о любви.
А моряку любви всегда так мало.
И что там пустомели ни мели,
Но имя ее царское — Тамара —
Произнесу я даже на мели.

Ты не способна обмануть.
Я сам молчание нарушу.
Но как мне снова заглянуть
В твою затравленную душу?
Уйдем с тобой на край земли
От человеческой страшной стужи.
Коль мы любовь не сберегли,
Побережем хоть наши души.

...Кто-то из великих утверждал, что для понимания сущности любого человека необходимо найти одно-единственное слово, которое, как волшебный ключик, способно открыть его душу, привести в логический порядок все его поступки и деяния, надежды и стремления.

И если это так, то для ленинградского художника Сергея Данилина это слово — «много». Он много работает, много ездит по стране, много выставляется... В своем стремлении запечатлеть на холстах бег жизни он неудержим.

Казалось бы, тридцать три года — возраст не мальчика, но мужа — самое время оглянуться назад, подвести первые итоги, а взгляд художника постоянно устремлен вперед. Может быть, именно поэтому у него в творческой жизни все с опережением: еще в институте создал цикл картин остросатирических, злых, бьющих наотмашь, под названием «Герои нашего времени», где объединил портреты мясников, таксистов и официантов в их «лучших» проявлениях, участвовал в «левых» выставках... И вдруг сейчас, когда, казалось бы, во всеобщем азарте разоблачений и безудержной критики только развивай найденное и будешь на коне удачи, он круто поворачивает в другую сторону. Работает, как всегда, много, и под его кистью неожиданно возникают пейзажи и философские портреты современников.

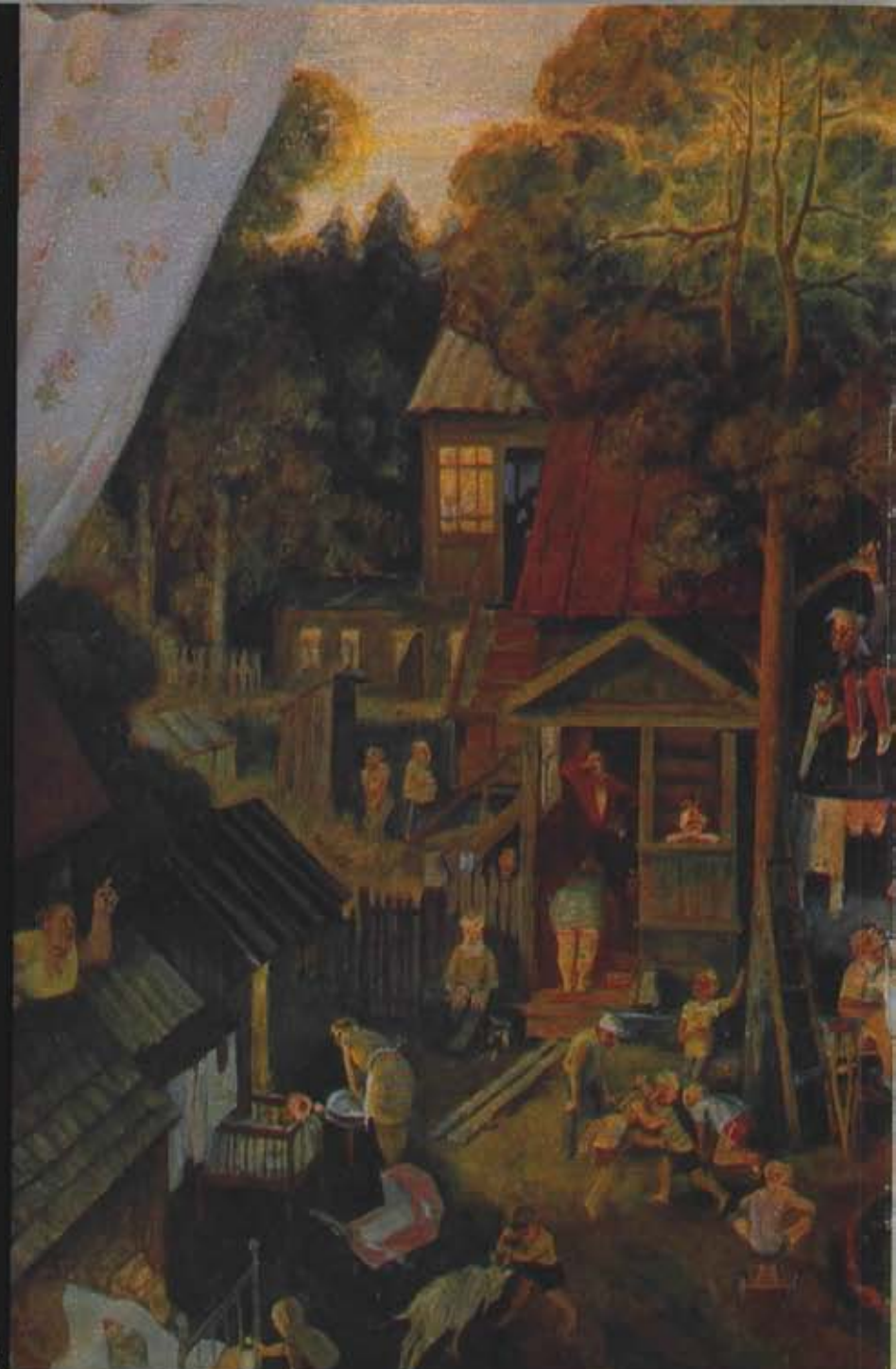
Не странно ли это сегодня, когда всю наступают авангард, когда субъективное «я» многих творцов выросло до таких размеров, что затмило все и вся?.. А у Сергея — станковая картина — сложнейший путь познания своей души: психологические композиции, напряженный драматизм, попытка осмысления процессов, происходящих в нашем обществе.

Готовых рецептов для Сергея Данилина не существует. Каждый раз новая тема требует поиска иных выразительных средств, но всегда эти средства ищутся в рамках «традиции». Его жутко удивляет, когда художники мучаются в поисках тем. Ведь их так много — стоит лишь посмотреть вокруг себя. А история нашей страны? А ее будущее? Это просто невозможно охватить одному человеку, как бы много он ни работал.

Видимо, поэтому Сергей решил для себя — сейчас, как никогда, важен поиск положительного героя. «Опять опережение? Трудно сказать наверняка. Но линия творчества у Сергея, это вполне очевидно, совпадает с вектором времени, ведь за спиной — «Герои войны двенадцатого года», сейчас — «Герои Афганистана», а впереди еще так МНОГО героев, которых выдвигает наша эпоха...

Алексей ТРОПИН

ОМНОГО ВРЕМЕНИ



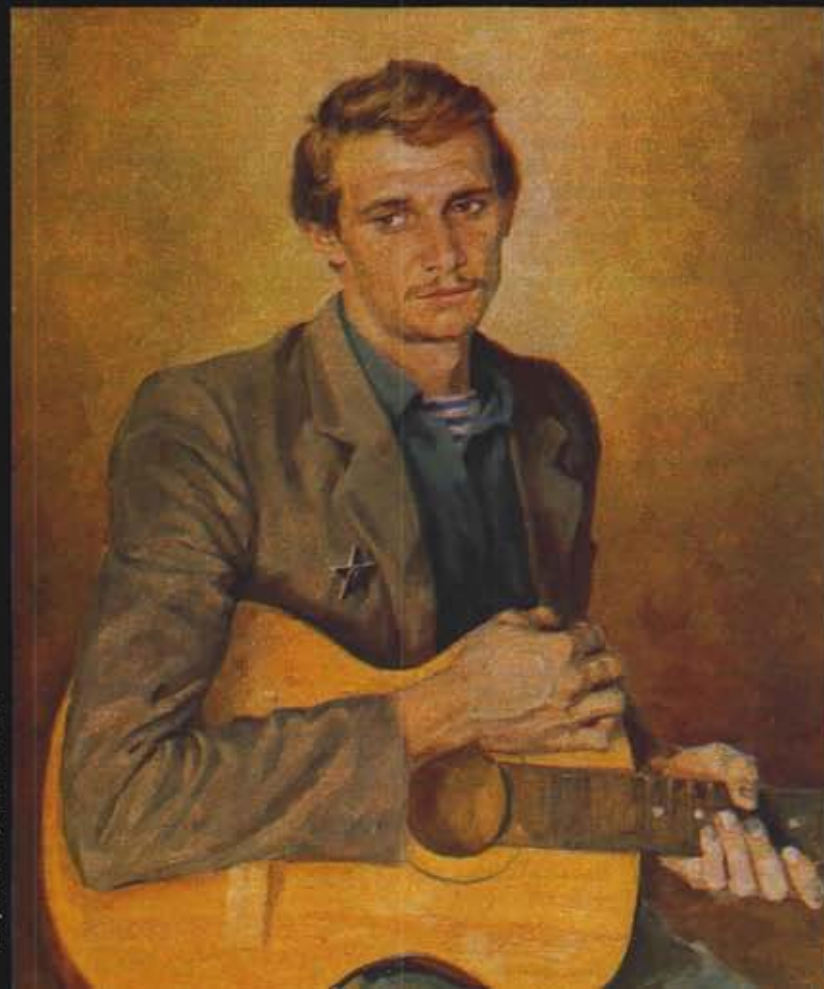
Дачники.

Виктория. Из серии «На неваских берегах».

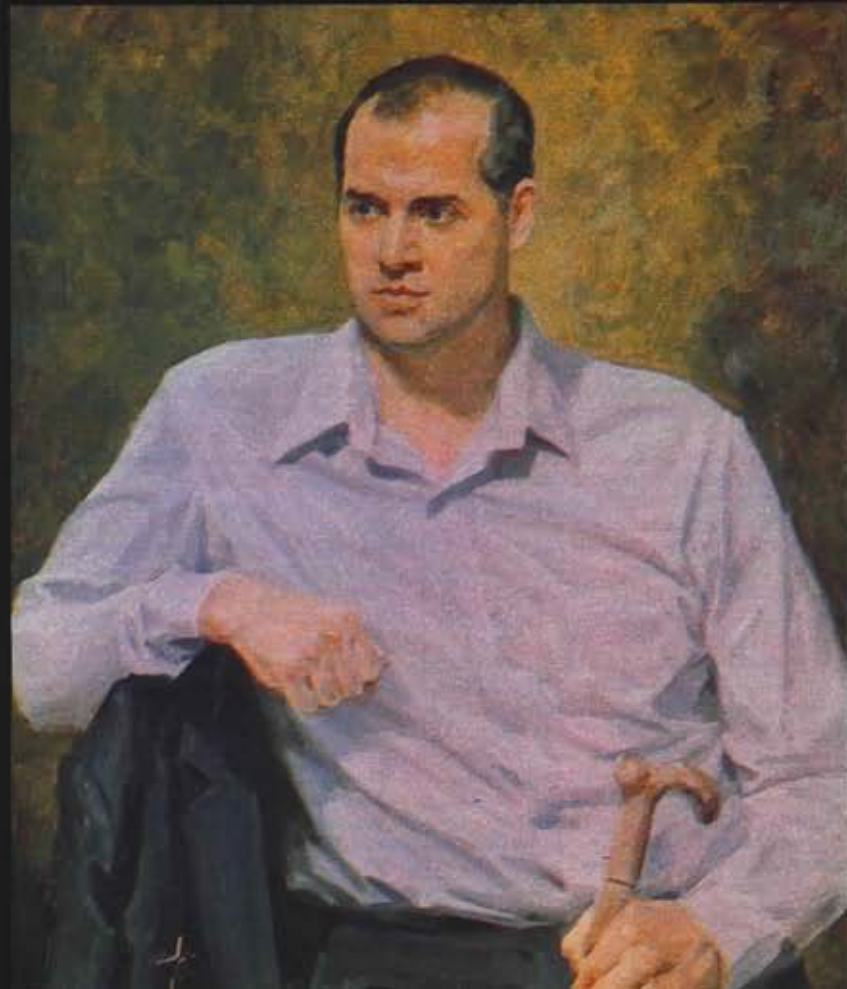




Денис Васильевич Давыдов, Иван Семенович Дорохов и Александр Никитич Сеславин. Из серии «Герои Отечественной войны 1812 года».



Сергей Чирва, шахтер.



Григорий Семченко.

АЛЕКСАНДР ГОМЕЛЬСКИЙ: "КТО ПОВТОРИТ"



Сергей МИКУЛИК

Накануне баскетбольного чемпионата Европы 1985 года от работы со сборной СССР был отстранен ее главный тренер Александр Гомельский. Официального сообщения о его отставке нигде, правда, опубликовано не было, просто команду на «Европу» повез второй тренер, Владимир Обухов. Не было дано и сколько-нибудь вразумительного объяснения этой сенсации года в баскетболе, да и вообще в спортивном мире. Поговаривали, что у Гомельского не ладятся-де с какого-то момента выездные дела, а разве может быть у сборной «домашний тренер»? Так или иначе, но Гомельского сняли.

Сняли, уже трудно сосчитать в который раз, ведь он тренировал команду с 1958 года. С перерывами... Для спрессованной в мгновения спортивной жизни три десятилетия — целая вечность. Сравним — легендарный тандем Чернышев — Тарасов тогда только сформировался. А уж сколько лет прошло с тех пор, как мы торжественно проводили на пенсию патриархов «канадского» хоккея... А Гомельский работал себе и работал.

Сборная под его руководством навьигрывала за это время уйму турниров — одних только «золотых» чемпионатов континента набирается шесть. Седьмая вершина могла быть в 1985-м... Но Гомельского со сборной разлучили. Ему шел тогда 58-й год, и мало кто верил в его возвращение в команду.

Его трудно воспринимать однозначно — слишком много «Я» в этом человеке. «Я, Гомельский, — великий тренер. Кто сомневается, пусть попробует повторить мой путь. Только едва ли кто на такое способен». Действительно, он ведь завоевал все баскетбольное «золото» мира. Все, кроме самого заветного и далекого, манящего и труднодоступного — олимпийского.

Наиболее близок к этой вершине он был в 80-м, когда казалось, что уж в Москве-то, да еще без американцев, победу мы никому не отдадим. Но — такова уж тренерская доля — обернулось золото тусклой бронзой. В 1984-м, в Лос-Анджелесе, как известно, мы в Играх не участвовали, а нюансы проигранных несколько десятилетий назад матчей вспоминать давайте не будем. Оставался последний шанс — Сеул.

Оставался до 85-го. Точнее даже, до января 86-го. После победы на европейском первенстве с подготовленной Гомельским командой, Обухов еще с полгода находился в странном подвешенном состоянии, работая неутвержденным главным тренером сборной, — у нас и такое возможно. Руководство не обольщалось по поводу достигнутого Владимиром Михайловичем успеха, зная истинное положение вещей, но и своей позиции по отношению к экс-

тренеру нигде не объясняло. В начале января перед матчем ЦСКА — «Жальгирис» на туре первенства страны в Ленинграде наставник армейцев полковник Гомельский узнал из газет о своей окончательной отставке. От подготовки к мировому первенству того же года в Испании он был отстранен как человек, не имеющий больше к сборной страны никакого отношения.

Уровень притязаний Гомельского заниженным никак не назовешь, и потому, наверное, так много у него врагов. Сказал бы мягче — недоброжелателей, но сам Гомельский любит называть вещи своими именами. Логика его проста: поскольку Александр Яковлевич считает себя олицетворением советского баскетбола, то, стало быть, люди, плохо к нему относящиеся, хотят баскетбол развалить. Так что какие уж тут «недобро»: враги, они и есть враги. От них он и получил массу «поздравительных» открыток в том январе, который, по грустной иронии судьбы, еще и месяц его рождения.

«Адресанты», правда, были не властны отобрать у тренера шанс попытаться на прощание хлопнуть хотя бы клубной дверью — выиграть с ЦСКА весной того же 86-го первенство страны у «Жальгириса». И можете себе представить их радость, когда Гомельский и этот, последний, как им казалось, в своей жизни, спортивный финал проиграл. «Все, что тебя ждет в будущем, — это хорошая пенсия, полковник...»

Я как-то пытался выяснить у людей, разделенных с Гомельским баррикадой, по обе стороны которой написано: «Да здравствует баскетбол!», представляют ли они себе Гомельского, мирно разводящего цветочки на пенсии. Они ответили, что, конечно же, нет, он и там будет кричать о себе, будто он лучший садовник мира, но лучше уж там, чем вблизи площадки.

Успехи во все времена порождали зависть, спортивные успехи, высеченные юпитерами и имеющие долгий и громкий общественный резонанс, — тем более. Тренерский вклад в командную победу оценивается разными людьми по-разному. Кто-то умеет разглядеть ювелирную организаторскую работу, большей частью остающуюся за кадром, кто-то считает: «Дайте мне такую команду, и мы тоже будем выигрывать».

За годы монополии Гомельского на сборную у нас выросло не одно поколение способных, честолюбивых и всей душой болеющих за свое нелегкое дело тренеров. И их зависть вполне объяснима: кому же не хочется попробовать себя в большом деле? А у Гомельского даже помощники практически не менялись. Была, правда, еще и откровенная зависть разных трущущихся вокруг да около спорта функционеров, которым Гомельский, не привыкший обделять себя славой, не давал вдволей вкусить от победного пирра. И они были не прочь видеть на капитанском мостике сборной человека поговорчивее.

С Александром Яковлевичем ладить действительно непросто. Любый игрок, попадающий в его «обойму», должен забыть обо всем, кроме баскетбола. «Методика подготовки у нашего «папы», если разобраться, проста, как апельсин, — сделать как можно большим число сборов и максимально отдалить их от дома», — сказал мне как-то с невеселой улыбкой один из ветеранов сборной. «То есть не все сборы продиктованы необходимостью?» — «На мой

взгляд, можно было бы обойтись без половины из них, но «папа» уж очень любит чувствовать себя хозяином».

С «хозяином» на протяжении его беспрецедентного по продолжительности тренерства не смогли ужиться многие самобытные игроки, среди которых были и по-настоящему яркие личности, и состоявшиеся уже таланты. Но Гомельский требовал от них большего, еще большего, чем они давали, требо-



— Ну зачем же так сразу... Просто предложим свои условия игры, проследим реакцию...

Владимир Николаевич Обухов довольно быстро дал себя убедить, что с таким составом сборная любого одолет. Тем более при нем, многолетнем наставнике юниорской команды — каждого ведь с молодых ногтей знает, как облупленного. Да как-то не принял в расчет тренер, что перед ним уже не дети. И команда под его руководством вдруг стала какой-то бесхребетной. И на мировом первенстве вместо, казалось бы, гарантированного первого места с превеликим трудом добыла «серебро».

— Чего же не хватило, Валдис? Вы ведь получили практически полное самоуправление, о котором так мечтали? — спросил я капитана по возвращении сборной из Испании.

— «Папы». Его жесткости и даже в чем-то жестокости. И даже наглости не хватило — тоже его. Наша-то, видишь, какой-то голословной оказалась. Эх, кабы все вернуть...

«В чемпионы не возвращаются» — есть в спортивном мире такое присловье, возведенное пусть и не в ранг абсолютной истины, но все же оказывающееся, как правило, весьма прозорливым. А в тренеры чемпионов? Тем паче, если тебя не слишком стремятся возвратить.

Осенью того же, 86-го, в салоне своей «Волги» Гомельский будет рассказывать мне, как он примет сборную и выиграет с ней Олимпиаду. Тяжко, правда, в этом Сеуле придется, но он все же выиграет. Я слушал и кивал. Разговор этот был особенно к месту, потому как мы ехали в подмосковный Новогорск, на тренировочную базу сборных команд страны, откуда не далее как завтра

вал беспощадной, на износ, работы и никаких альтернатив своим методам не признавал. Он брал человека только на ту роль, которую для него видел, а от того уже требовалось беспрекословное подчинение тренерской воле. Если нет — до свидания. «Кому замечать третью тренировку в день поездки в город, решаю здесь только я».

Спорны ли такие методы? Безусловно. Но Гомельский в основном выигрывал, а победителей, как известно, не судят.

Итак, в 86-й год наша баскетбольная сборная вступала с новым тренером и в ореоле заслуженной славы — ее игру на европейском первенстве-85 называли не иначе как «баскетбольный фестиваль». И заслуженно называли: ведь, к примеру, своим извечным соперникам — итальянцам — наша команда уже в первом тайме «привезла» 35 очков отрыва. А что творили тогда Валтерс с Сабонисом!

У лидеров я и поинтересовался в ходе подготовки к чемпионату мира мнением о руководстве сборной. Арвидас Сабонис тогда сказал, что тренеров меняет не он, но с таким составом, какой сейчас подобрался, выиграть все равно должны у кого угодно. Валдис Валтерс был разговорчивее:

— Гомельский нас временами все же здорово «душил». Так мог в первый день сбора загонять, что и на вторую неделю не отойдешь. Обухову мы так себе на шею сесть не дадим.

— Сами его, стало быть, задушите — в качестве компенсации за тяготы при Гомельском?



МОЙ ПУТЬ?»

наши баскетболисты должны были отправиться в длительное заокеанское турне. Во главе с новым тренерским коллективом, руководившим до того второй сборной. А он, остающийся в Москве, рисует мне на жуткой ухабистой трассе сеульские картинки. Так-таки и выиграете, Александр Яковлевич?

— А кто, скажи, кроме меня, с ними сладит? Ну кто? Вернут, вот посмотришь, никуда не денутся. Что это за сборная без меня?!

Интересно, а как вообще мировой баскетбол существовал до него?

И его, представьте себе, вернули. Уже экс-полковника, уволившегося в запас, но по-прежнему делявшего мечту о главном сражении в своей жизни. И сборная, истосковавшаяся на своем вольном режиме по большим победам, радостно распахнула ему свои объятия: «Как далеко поведем на первый сбор, Александр Яковлевич? Вещички к завтраму паковать?» — «Вообще-то надо бы вчера. Но уж мы, так и быть, начнем сегодня».

И они начали... с проигрыша чемпионата Европы. Точнее даже, с жестокой травмы Сабониса, предшествовавшей тому несчастливому первенству. Вернувшийся выигрывать, Гомельский для начала лишился лучшего среди любителей баскетболиста мира. Затем в погоне длительного нездоровья впал другой основной центровой команды — Владимир Ткаченко. Для тренера, вознамерившегося создавать победную модель игры именно вокруг этих двоих, большего несчастья трудно было придумать. Так как насчет Сеула, Александр Яковлевич?

— Жалко ребят. Они как никто заслужили олимпийское золото, а придется, возможно, без них выигрывать. Кто еще в такой ситуации победить сможет? Пожалуй, только я.

Если имеет право на существование спортивная злость, то и спортивная наглость, наверное, не последнее оружие против соперника. Есть, правда, мне

ние, что это качество неплохо бы разбавлять долей скромности. Но тогда, наверное, это будет уже не Гомельский, а кто-то другой.

Поражение на первенстве континента тренер разложил по полочкам, все объяснив в свете олимпийского задания на завтра. Теоретически он действительно знал, как одолеть эту вершину. Но на практике ему нужны были не эти правильные выкладки, а единственный игрок, которого Гомельский ждал всю свою жизнь в спорте, и, наконец, дождался. — Арвидас Сабонис. Без него Сеул рисовался в мрачных тонах.

Сабонис, конечно же, игрок от бога. Великий игрок, с появлением которого в начале 80-х в нашем баскетболе про-



изошла полная смена взглядов на неизбежные, казалось бы, доселе постулаты игры. От многих, весьма амбициозных и уважающих себя мастеров я слышал, что в игре с участием Арвидаса им хочется вручить ему мяч и... не мешать. «Саба разберется».

Но у Сабониса за несколько месяцев дважды случались практически полные разрывы ахиллова сухожилия. Он перед Сеулом полтора года не появлялся в команде, находясь то на больничном, то на щадящем режиме. И сам вариант возникновения его на Олимпиаде казался утопией всем, кроме Гомельского, в том числе и самому Сабонису.

Да-да, он, еще недавно рвавшийся играть везде и всюду (отчего, лишенный много лет подряд полноценного отдыха, в итоге и «порвался»), в Сеул не стремился вовсе. «Боюсь разочаровать, но даже такое событие не окупит самопожертвования. Я не дую на воду, просто не люблю обещать то, чего не смогу выполнить. Головой в омут я уже набросался, полтора года хожу на полтора нога». Если уж донельзя скупой на слова Арвидас произносит такие длинные фразы, тут стоит призадуматься и искать другие варианты игры. Без него.

Но в том-то и дело, что без него нельзя было победить. И Гомельский, веря в успех заокеанской медицины, — а большую часть реабилитационного курса Сабонис проводил в Америке, — развернул в надежде на раннее самолюбие своего любимого воспитанника кампанию под девизом «Такой Сабонис нам не нужен». Мы, мол, тут пот ручьями проливаем, а он сибаритствует. Лечится, видите ли, не спеша. И интервью разные раздает, вредные для нашего общего дела. Надо будет, и без него победим. Не хватало еще начинать каждого уговаривать в сборной поиграть.

Уговаривать действительно не в характере Гомельского. Сказал, например, едва-едва начинавшему оправляться от болезненнейшей травмы позвоночника Владимиру Ткаченко, что он ему нужен на предолимпийский отборочный турнир в Голландии, и тот без слов поехал. Да еще и пообещал, что со здоровьем у него все в порядке будет. И когда злосчастный позвонок вновь защемило, причем даже не на площадке, а в гостиничном коридоре, страшно терзался и переживал не из-за невыносимой боли, а оттого, что подвел Гомельского, ненадежным оказался человеком. Так думал о себе Ткаченко, верой и правдой отслуживший нашему баскетболу полтора десятка лет при своих хронических недугах.

Сабонис, как и рассчитывал Гомельский, слегка обиделся на тренера. Onde всячески пытается вернуться в строй, и не его вина в том, что к Олимпиаде он просто физически не успевает восстановиться, а тут такие речи раздаются. Так не делают, тренер. Нам еще играть и играть вместе, — не надо ссориться... Обиделся и приехал в Москву на врачебный консилиум, который должен был дать заключение о его физическом состоянии.

Гомельский не знал, что решит консилиум; он готов был взять роль врача на себя, приняв ответственность за все последствия. И когда врачебный квorum не сказал по существу ни «да», ни «нет», предоставив все решать самому Сабонису, попросил оставить его наедине с игроком. После этой беседы Арвидас согласился проехаться в Сеул, чтобы своим появлением поугаждать американцев и югославы. «На разминке, Саба, — убеждал Гомельский, — мне только надо, чтобы они увидели тебя и дрогнули. А там можешь и не играть». Сабонис не возражал, и тренер (которого, между прочим, дома зовут «папой», а на Западе величают не иначе как «Серебристым лисом») поздравил себя с продвижением к победе, — уж он-то как никто знал, что Саба, вдохнув будоражающую душу атмосферу площадки, на унизительную для него роль запасного в жизни не согласится. И тогда...

...После стартового матча олимпийского турнира — как раз с югославами — оба они, игрок и тренер, сидели с низко опущенными головами и со слезами на глазах. Так плохо за всю тренерскую эпопею Гомельского сборная играла лишь несколько раз. Итальянцы подарили миру красивое слово — «фiasco», словно специально изобретенное для подслащения пиллюль неудачнику. И сейчас оно настойчиво носилось в воздухе.

Готовый процентов на сорок своих возможностей, Сабонис, что было наглядно продемонстрировано, разрушил своим внезапным появлением все, что было создано командой без него. И оттого в раздевалке стояла гнетущая тишина. А за дверью притаилась несметная толпа журналистов, которым не терпелось узнать у Гомельского, сколько же очков проиграет его беспомощная команда американцам, если больше нигде не оступится и выйдет на них в полуфинале. «Когда мы выиграем „золото“, эта стартовая неудача забудется. Лучшая в мире команда, моя команда, имеет право лишь на одну плохую игру». Ощетинившаяся диктофонами толпа переглянулась. Стоявший на пороге человек то ли видел все глубже их, то ли попросту откровенно издевался над ними.

Первая неделя Игр настраивала, увы, на второе. «Лучшие в мире» действовали как-то разобщенно и неуверенно, не блистал и Сабонис. Правда, видно было, что он по-хорошему «завелся», но и только. И усилия тренера психологически настроить своих подопечных внешне не давали ровным счетом никаких результатов. Легендарный матч 1972 года, единственный, в котором нашим удалось за все время участия в Олимпиадах обыграть американцев, грозил остаться неповторимым. Все шло к тому, что великий тренер останется в спортивной истории великим олимпийским неудачником. А ведь он столько лет упремно шел навстречу этой победе, навстречу своей мечте...

— Я просил, требовал, умолял их выдать один матч так, как они умеют. Всего один, но с американцами. Я убеждал их, что больше в жизни такой игры ни у одного из них не будет, и если сегодня уступит, то можно считать зря потраченными годы и годы. Что никакие они тогда не мастера, а жалкие подмастерья. Что им стыдно будет смотреть в глаза всем, кого бы они ни встретили. Я рассказывал им, как живут во мне предыдущие победы и поражения, какова она, незаживающая боль неудачи. Я убеждал их в невозможности проигрыша и не казался сам себе фантазером. Я ведь видел, что Сабониса они уже «вспомнили» и что к своим лучшим матчам готовы. Но это должны были быть победные матчи. Я не мог проиграть эту Олимпиаду, никак не мог!

И тренер «уговорил» их выиграть. Он стоял у края площадки, скрестив на груди руки, неузнаваемо невозмутимый, и, казалось, просто, как зритель, наблюдал за игрой. Все слова были сказаны, вся работа проделана, все жертвы принесены. Оставалось только получить сторицей. И он стоял и смотрел, как они это делали. Он научил их выигрывать.

— Мы просто выстрелили вовремя. Ни раньше, ни позже. Неожиданно? Пожалуй. Для тех, кто не верил в меня и мою команду. Подумаешь, со старта не заладилось. Важен-то финиш. И для того чтобы быть на нем первым, надо очень и очень верить в успех. Он любит упрямым.

Таким же хладнокровным предстал он и в финале, в матче, к которому шел всю жизнь. И ничто не могло уже выбить его из колеи. Он верил, чувствовал, знал, что свою жар-птицу они уже не упустят. А югославский тренер Душан Ивкович, делавший ему на первых минутах матча, когда его команда повела в счете, иронические замечания на весь зал, казался «папе» попросту мальчишкой. Неужели он не видит, что сейчас все развернется в другую сторону, неужели не чувствует, чем все закончится? Такие матчи им, Гомельским, не проигрываются.

Он стоял и по сердцу отсчитывал все сорок минут игры. А когда она, наконец, кончилась, аккуратно снял очки, бережно упрянул их в футляр и заплакал.



Николай СТАРШИНОВ

Писать о Николае Глазкове на первый взгляд очень легко. А на самом деле не так просто.

Да, он был человек незлобивый, веселый, постоянно остривший, пересыпавший свою речь и стихи парадоксами, любивший и умевший писать на ходу экспромты, поздравления, посвящения, акrostихи. Последние, как правило, по содержанию не имели никакого отношения к тому, кому они были адресованы. Вот одно из них, посвященное мне:

*Когда желанная весна
Опять звенит в лесу и в поле,
Лазоревая новизна
Ее растений снова в холе.*

*Сосна, освободясь от сна,
Теперь не унывает боле,
А расцветает в новой роли.
Роскошна радость и ясна.*

*Шикарна вешняя природа,
И можно в это время года
Нам выбрать лучшие пути:*

бор: стихи у сильного человека обязательно будут сильными...

И он несколько застенчиво улыбался...

А позднее, когда мы подружились (при всем этом мне так и не удалось напечатать в «Юности» ни одного стихотворения его, хотя я неоднократно пытался это сделать, но он не обижался, зная, что я отношусь к нему, как к поэту и человеку, с любовью), он постоянно присылал мне какие-то вырезки из газет, из журналов, из календарей с моими стихами или с упоминаниями моего имени.

Любил он и поздравлять меня (и, конечно, еще многих!) с праздниками. Меня он чаще и аккуратнее всего поздравлял с Днем рыбака, зная мою приверженность рыбалке.

Не забывал это делать даже тогда, когда находился в дальних и длительных поездках. Так однажды откуда-то из под Магадана он прислал мне в День рыбака такое послание:

*Старшинов Коля, милый друг,
Прилежно и толково,
Когда ловить ты будешь щук,
То вспоминай Глазкова!*

*Современной эпохи,
Я собою (!) воспет,
Хоть дела мои плохи.*

*В неналаженный быт
Я впадаю, как в крайность...
Но хрусталь пусть звенит
За мою гениальность!*

Когда у меня не было настроения для шуток, а Николай Иванович продолжал их, я говорил ему очень серьезно: «Коля, хватит острить. Давай поговорим серьезно».

И он становился внимательным, сосредоточенным и серьезным.

Очень часто его хохмаческое поведение скрывало его глубокие внутренние переживания. Он как бы надевал маску, которую мог не снимать неделями. Она для него стала второй натурой, настолько естественной казалась для него.

Невозможно было уловить, где он говорит всерьез, а где — шутит. Он сам точнее всего сказал о себе и о поэзии такого рода в «Гимне клоуну»:

Я поэт или клоун?

Ну, конечно же, свои стихи (а не вообще стихи) пишет лучше всех. А кто же напишет его стихи лучше?!

У Н. Глазкова есть немало стихов, полных трагического ощущения жизни. Например, в его «Девятой поэме», которую он множество раз переписывал, перекраивал, убавлял, прибавлял, рассыпал на отдельные стихотворения.

Начиналась она необычно:

*Современная война
Происходит в городах.
И она похожа на
Размышленье о годах.*

*Тех, которые
Ушли ото всех,
Тех, которые
Не знают утех,
Тех, которые
Бога бред...
Моя жизнь — история
Этих лет.*

Потом в поэме шли хохмаческие строки о любви. А потом опять удивительно грустные:

Двигутся телеги и калеки,

“СУЖУ О ДРУГЕ ПО ВЕРЦ

*Отправиться на всякий случай
В великолепный лес дремучий,
У трех берез сморчки найти!*

Мы, начинающие авторы, хорошо знали его и его поэзию еще в 1945 году, в конце Великой Отечественной войны.

В то время при издательстве «Молодая гвардия» работало литературное объединение, которым руководил тогда еще малоизвестный, но прекрасный поэт и человек Дмитрий Кедрин.

Собирались мы в помещении Политехнического музея. Вот тогда-то всех нас и поразили стихи Николая Глазкова: при всей их доступности и кажущейся простоте они были совершенно необычными, неожиданными.

Помню, как читал он:
*Слава — щура барабана:
Каждый колоти в нее.
А история покажет,
Кто дегенеративнее.*

Именно не гениальнее (как привычной было бы сказать), а дегенеративнее. Так через отрицание шло утверждение...

Позже, в пятидесятые годы, когда я работал в редакции журнала «Юность», Николай Глазков нередко появлялся у нас и, увидев на моем столе горы рукописей, острил:

— У меня, Коля, есть предложение: чтобы разгрузить тебя, чтобы не читать тебе эти завалы рукописей, я подарю тебе силовой.

У Глазкова были могучие кисти рук. Пожатие его было железным, потому что он всю войну пилил и колот дрова, зарабатывая на пропитание.

Он предложил:
— Когда к тебе будут приходиться поэты и приносить рукописи, ты будешь давать им силовой. Если они не смогут выжать и пятидесяти килограммов, им спокойно можно возвращать рукописи, не читая их. Стихи наверняка окажутся слабыми у такого малосильного человека. А если автор сможет выжать семьдесят и больше килограммов, его рукопись можно, не читая, отправлять в на-

А такое необычное послание я получил из Якутии:

*Люблю миры рыбацких снов —
В них обитает хариус.
Их обожает Старшинов
И президент Макариус!*

Его остроумию не было предела. Так, одному поэту, который не любил ходить в баню и нередко не мылся месяцами, он говорил:

— Дорогой, не мойся, не теряй своей индивидуальности!..

Он любил собирать и коллекционировать самые разные вещи и предметы. Так, с малых лет начал коллекционировать марки и художественные открытки (он собрал 40 000 открыток, посвященных искусству и географии), увлекался химией, знал на память всю таблицу Менделеева, прекрасно играл в шахматы, снимался в кино — многие запомнили его по фильмам «Андрей Рублев» и «Романс о влюбленных».

Собирал он и автографы поэтов. Нередко сам покупал их книги и просил: — Сделай мне, пожалуйста, скромную надпись, скажем, такую: «Гениальному поэту Николаю Глазкову».

Если я возражал, он шел на уступку: — Ну, ладно, напиши скромнее: «Величайшему поэту нашего времени Николаю Глазкову».

О Николае Глазкове ходила слава как о гении. Да он и сам поддерживал эту версию, правда, всегда в этом случае у него присутствовала ирония, которая позволяла расценивать эти его заявления и серьезно, и несерьезно.

Так, однажды, встретив меня на площади Пушкина, он сказал мне несколько очень уважительных слов о великом поэте, а потом заключил:

— Гений!
Потом, полусерьезно-полушутя, как это у него почти всегда бывало, добавил:

— Я вот все думал раньше — как хорошо быть гением!.. Ну вот стал им и, что ты думаешь, рад, что ли?!

Эта ирония проходила нередко в его стихах:
Как великий поэт

*Я серьезен или нет?
Посмотреть если в корень,
Клоун тоже поэт.*

*Он силен и спокоен,
И серьезно смьшлен —
Потому он и клоун,
Потому и смешон.*

*Трудно в мире подлунном
Брать быка за рога.
Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака...*

В свете этих строк становятся понятнее его многие иронические стихи, такие, скажем, как «Ворон» и «Волшебник», «Ты, как в окне...», «За мою гениальность», «Талочки», «О литературных влияниях».

Я говорил о тех чертах Глазкова, которые в первую очередь бросаются в глаза и о которых писать легко. И наиболее самобытные черты поэтического лица Николая Глазкова проявились в стихах, связанных с его биографией, с подробностями его жизни. И здесь самые дорогие удачи приходили к поэту в редком и трудном жанре иронической лирики. Стихи, относящиеся к этому жанру, построены, как правило, на парадоксальном сочетании смешного, нелепого и трогательного, открытого, сложного и примитивного.

Даже стихи о творчестве у него не обходятся без подспудной иронии, которая так запрятана, что некоторые читатели, не поняв ее, могут подумать о его самовосхвалении.

Вот как кончается, например, трагическое стихотворение «Боярыня Морозова»:

*У меня костер нетленной веры,
И на нем сгорают все грехи.
Я, поэт неповторимой зры,
Лучше всех пишу свои стихи.*

Да, здесь можно было бы увидеть и самовосхваление, если не учесть одного: «Лучше всех пишу свои стихи»!

*Села невеселые горят.
Между ними протекают реки,
Реки ничего не говорят.*

*Рекам все равно, кто победитель,
Все равно, какие времена,
Рекам, им хоть вовсе пропадите —
Реки равнодушнее меня...*

А потом шли частушки о союзниках, тянущих с открытием второго фронта:

*Ура! Да здравствует
Союзная флотилия.
Она десантствует
На островах Сицилия.*

*Победоносно
Входит в города...
Лучше поздно,
Чем никогда!..*

Конечно, это смешно, но ведь и горечь в этом есть необыкновенная.

Ведь пока они тянули с открытием второго фронта, сколько наших солдат погибло, защищая Европу...

Литературная судьба Н. Глазкова сложилась непросто.

Николай Иванович Глазков родился в 1919 году в городе Лысково Горьковской области, на Волге. В 1923 году семья Глазковых переехала в Москву. Здесь он учился в средней школе, а потом в Литературном институте имени Горького.

Во время войны Глазков был освобожден от воинской службы по болезни. Он окончил Горьковский педагогический институт и преподавал в селе Никольском русский язык и литературу.

В поэтической среде его хорошо знали, цитировали, на многих своих сверстников и на следующее поколение его поэзия оказала большое влияние.

А вот публиковался он чрезвычайно мало.

Первая его книга «Моя эстрада» вышла очень поздно — в 1957 году малым тиражом в Калининском издательстве, когда поэту было уже почти сорок лет. Но необходимо подчеркнуть, что он никогда не брюзжал, не жаловался

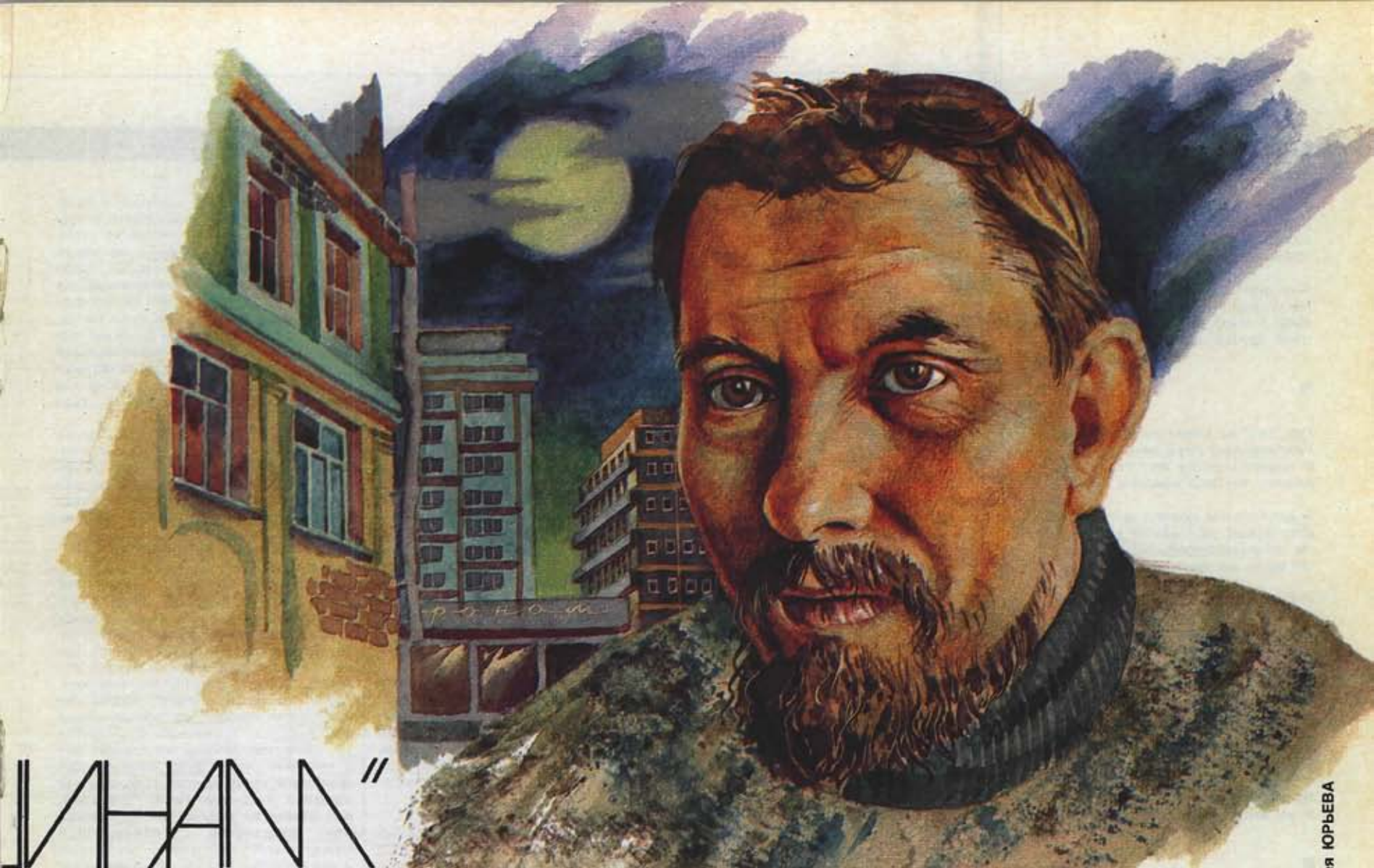


Рисунок Алексея ЮРЬЕВА

И НАМ //

Николай ГЛАЗКОВ

на то, что его не печатают, что ему трудно.

Вообще трудности он умел переносить стоически, будучи не только добрым, но и мужественным человеком.

Уже, смертельно больной (умер в 1979 году), он сохранил способность улыбаться, шутить в жизни и в стихах. Даже в это нелегкое время он постоянно работал, оставался на редкость общительным и доброжелательным. Он хотел, чтобы рядом с ним постоянно были люди.

Часто он приглашал к себе и меня. Особенно настойчиво в последние дни своей жизни.

Когда я привез ему первый экземпляр его книги «Избранные стихи», вышедшей в 1979 году в издательстве «Художественная литература», он радовался, как малый ребенок.

В предисловии к этому изданию я написал о том, что, на мой взгляд, о поэтах надо судить по высшим их достижениям. И Николай Иванович немедленно откликнулся, как он это делал часто, на такую мою мысль. В стихах этих вместе с грустной улыбкой был и упрек в мой адрес за то, что я нечасто его навещаю. Впрочем, вот они:

*Быть снисходительным решил я
Ко всяким благам:
Сужу о друге по вершинам,
Не по оврагам!*

*Когда меня ты забываешь,
В том горя нету.
А у меня когда бываешь,
Я помню это...*

Н. Глазков до последней минуты жизни жил поэзией, ставя ее выше всего, зная, что высокое звание поэта ко многому обязывает.

И все-таки звание человека он ставил еще выше. Недаром в одном из стихотворений он написал:

**ПОЭТОМ СТАТЬ МНЕ УДАЛОСЬ.
БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ УДАВАЛОСЬ...**

Как замечательно сказано!..

■
*Мне нужен мир второй,
Огромный, как нелепость,
А первый мир маячит, не маня.
Долой его, долой!
В нем люди ждут троллейбусов,
А во втором — меня!*

1939

■
*Я в ночь одну обдумывал заново
Мышленья тысячи ночей,
И облака нависли саваном
Над городом из кирпичей.
А над зелеными полянами,
Тоской стихов запылена,
Луна огромная и пьяная,
Неповторимая луна.*

1940

■
*Раскрывает, ну и пусть,
Пропасть пасть,
Но поэту там, где Русь,
Не пропасть!*

1940

■
*Огромный город. Затмение.
Брожу. Гляжу туда, сюда.
Из всех моих ты всех мойнее
И навсегда.*

■
*Как только встретимся,
останемся,
Чтоб было хорошо, вдвоем,
И не расстанемся,
и не состаримся,
И не умрем!*

1944

■
*Глупцы вели со мной беседы,
Совсем не то вообразя...
Лишь для того нужны все беды,
Чтоб познавались в них друзья!..*

■
*Но и мои друзья не верят,
Что я великий гуманист.
А хорошо, что ветер веет,
И хорошо, что зелен лист,*

■
*Что солнцем, а не только печкой
Бывает человек согрет,
Что иногда поэт беспечный
Встречает радостный рассвет.*

■
*Всему придет такая смена,
Что станет все прекрасно.
Оно, конечно, несомненно,
Но многое не ясно.*

1945

■
*А вы бы могли бы
Постичь изречение:
Лишь дохлые рыбы
Плывут по течению!*

1953

■
*Я много написал стихов плохих,
Я поступал нелепо и неправедно,
А люди, люди позабыли их,
И хорошо, что люди незлопамятны!*

■
*Я стал слагать добротные стихи.
Они звенели, как стаканы полные.
Когда мы пили за разгон тоски —
И люди-книголюбы их запомнили!*

■
*Ты пишешь очень много дряни:
Лишь полуфабрикат — руду,
Но ты прекрасен, несмотря на
Никакую ерунду.*

■
*В рубцах твоих стихов раненья,
Которые в огне атак.
А те, что лучше и ровнее,
Писать не выучатся так.*

■
*У них стихи круглы и дуты,
Хоть и металл, а не руда,
И никакие институты
Им не помогут никогда.*

1945

■
*Я очень одинок,
А ты ушла:
Шагнула за порог,
Забыв дела.
Не сосчитать дорог,
Им нет числа.
Спроси у своих ног,
Зачем ушла.*

■
*Корабли ушли на базы,
Небосвод синел...
Жили-были папуасы
И миссионер.*

■
*Он рассказывал им сказки
Про духовный быт,
А они, закрывши глазки,
Поглощали спирт.*

■
*Но один из них однажды,
Думая про рок,
Заявил ему: — О наш ты
Пастырь и пророк!*

■
*Отпусти нас в Апеннины,
Где священный Рим.
Под напевы пианины
Мы его узрим...*

■
*Иголка тонет в блюдечке с водой —
Поэзии здесь нету никакой.
Когда иголка по воде плывет,
Не проза, а поэзия живет!*

Жизнь во многом была дрянна,
Но минувшее не возратить...
Нету в мире такого бревна,
Чтобы я не мог своротить.

Мне победа нужна, а не месть,
Все минувшее очевидно.
Разве книга такая есть,
Чтобы я не смог сочинить?

Мне дорога моя дорога,
Не устану по ней бродить.
Нету в мире такого врага,
Чтоб друзья не могли победить. 1945

Где они, на каких планетах —
Разливаемые реки вина?
В нашем царстве поэтов нет их,
Значит, тактика неверна.

Я достаточно сделал для после,
Для потом, для веков, славы для;
Но хочу ощутительной пользы
От меня, не признавшего дня.

И считаю, что лучше гораздо,
Принимая сует суету,
Под диктовку писать государства,
Чем, как я, диктовать в пустоту.

Мне писать надоело в ящик
И твердить, что я гений и скиф,
Для читателей настоящих,
Для редакторов никаких.

Безошибочно ошибаться
И стихов своих не издавать...
Надоело не есть, а питаться,
И не жить, а существовать. 1947

Не забывайте обо мне
И о других поэтах
Ни на земле, ни на луне,
Ни на других планетах.

Не признан я бездарными такими,
Которые боятся как огня
Непризнанных. Им нужно только
имя;
Но именно имени нет у меня.

Но все равно. Способен я на то,
И ты поймешь, в газетах роясь,
Все это вышеупомянуто...
За что боролись?

Не хочу я здоровой советской
мистики,
Одного хочу лишь,
Чтоб в сегодняшний день мои стихи
На эпиграфы не разошлись.

Я равняться, как и все, по средним
Не имею никаких охот.
Как достойный капитан, последним
Я покину футуризма парход.

Молодость прошла. Угомонись.
Это очень много — двадцать девять.
Ты не прав, великий гуманист,
Что хотел искусство переделать.

Что хотел иметь сто сорок жен,
Что хотел глушить вино ночами,
Ты не прав, а только окружен
Всякими такими трепачами. 1948

Был раздутым, бóсым,
Стал раздутым боссом.

У вашей жены вырвали сумочку. С деньгами. Вроде и не так много — сто рублей. Но все равно чувствительно. А еще в сумочке была ее любимая помада (которой сейчас не купить), ключи от квартиры (пришлось ломать замок, покупать и вставлять новый), единственная фотография погибшего на фронте деда (шла в ателье, чтобы ее переснять), записная книжка (вы остались без адресов и телефонов всех знакомых), паспорт и пропуск на завод (то-то жена побегала, получая новые). Да и сумку жалко — как-никак натуральная кожа — сорок рублей.

Как это произошло? Очень просто. Подошел молодой человек ростом выше женщины на голову, выхватил из ее руки сумочку, быстро завернул за угол и был таков.

В законах вы не очень разбираетесь, но нутром понимаете, что это грабеж. Идете и заявляете в милицию. Удивительно, но ваше понимание совпало с мнением дежурного офицера. Он сказал: «Открытое похищение личного имущества граждан (грабеж) наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок от одного года до двух лет». Мало того, что ваше заявление приняли, — по нему сразу же выехала дежурная группа, которая по горячим следам обнаружила похитителя. Он мирно спал на скамейке возле пивбара. Деньги были частично пропиты, сумка с содержимым выброшена.

Не знаю, как вы себя вели: топали ногами и кричали, что этому негодяю место в тюрьме, или дрожащим голосом просили разобраться, но то, что вы потребовали привлечь грабителя к уголовной ответственности, — документально подтвержденный вашим заявлением факт.

Через день следователь ознакомил вашу жену с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с тем, что похититель — гражданин Н. пятнадцати с половиной лет — еще не достиг возраста, с коего возможно привлечение к уголовной ответственности.

Грабитель и — не преступник? Не укладывается в голове. Но открываем статью 13 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и видим, что следователь прав. Уголовная ответственность за «простой» грабеж, то есть грабеж без отягчающих обстоятельств (группа, значительный ущерб потерпевшему и т. д.), наступает лишь с 16 лет.

Но почему? Неужели бабушка, воспитывавшая внука, не говорила ему о библейской заповеди «не укради»? Неужели он не уяснил ее в детском саду, в школе, будучи октябренок, пионером, а может быть, и комсомольцем? Неужели за пятнадцать с половиной лет его жизненный опыт не подсказывал недопустимость этого? Неужели акселерация не коснулась сознания и волевой сферы людей? Неужели се-

годняшний юноша 14—15 лет глупее своего сверстника — подростка 1959, 1968, 1978 или даже 1988 года? А ведь тот подросток в соответствии с ранее действовавшими Основами уголовного законодательства 1958 года отвечал перед согражданами и законом за грабеж с 14 лет.

Может быть, он и не глупее, но, как правило, сильнее, и вы, наверное, не очень удивитесь, когда после возвращения из милиции уже знакомый вам пьяный отрок подкараулит вас за углом и заставит вспомнить давние занятия легкой атлетикой... В руках у «глупого мальчика» был изрядной величины самодельный ножик, каким в деревне колот свиной. Из глотки преследователя вырвались далеко не самые ласковые слова. Отсутствие тренировки сказало. Взбежав по лестнице и судорожно открывая дверь своей квартиры, вы ощутили треск распарываемого на спине любимого финского пиджака и горячий холод крепкой рессорной стали.

У вас хорошее сердце? Наверное, только это помогло вытерпеть все издевательства и унижения, которым подверг вас пьяный хулиган. Вас заставили произнести, что ябедничать нехорошо и что в милицию по своей воле вы никогда больше не пойдете. Вы действительно туда не пойдете, потому что уже знаете: «мальчик» — не хулиган, а шалун. Так сказано в уже упомянутой статье 13 Основ уголовного законодательства.

Неужели это и есть перестройка? Успокойтесь, товарищи. Описанные события могут безнаказанно произойти лишь в том случае, если без изменений будут приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, проект которых опубликован в центральных газетах 17 декабря 1988 года. Да, пока это проект.

Сторонники повышения возрастного порога уголовной ответственности — авторы проекта — выступают в печати под флагом гуманизации уголовного законодательства. Но гуманизация не может быть односторонней. Если гуманизм своей нежной и жалеющей стороной поворачивается только к преступнику, то он поворачивается спиной к обществу. Гуманно ли это по отношению к вам, к вашей жене, матери, сестре, дочери, по отношению к миллионам сограждан?

Второе соображение, высказываемое авторами проекта Основ и разделяемое тысячами родительских сердец, звучит, как вопрос: «Целесообразно ли несовершеннолетних сажать в тюрьму (воспитательно-трудовую колонию)?». В прессе «на ура» теперь идет ответ: «Нет, нецелесообразно».

Позвольте, но нельзя же только потому объявить злостное хулиганство и грабеж не преступными, коли их совершил несовершеннолетний, в возрасте от 14 до 16 лет. Логично ли объявлять гильотину лучшим средством от головной боли и перхоти? Следует ли споры о целесообразности того или

иного наказания для конкретной категории правонарушителей решать, искусственно объявляя общественно опасные действия, посягающие на общественный порядок, личность, права и свободы граждан, не преступными? На мой взгляд, это проявление философии тех времен, когда никто даже не заикался о познавательной функции права, а оно считалось беспрекословным слугой политики. В народе, естественно, укреплялось понимание закона как дышла, которое как повернул, туда и вышло...

Право должно отражать не просто волю законодателя, а объективную общественную реальность. Такой объективной реальностью является противоправность, явная общественная опасность грабежей и злостного хулиганства, направленность этих посягательств на социалистический правопорядок и такие его ценности, как неприкосновенность личности, ее права и свободы. Акселерация физического развития несовершеннолетних — демографическая предпосылка общественной опасности этих преступлений. Будем ли мы в законодательстве использовать сведения психологии, медицины, других отраслей знания? Возрастная психология говорит об определенных особенностях психического развития 14—16-летних. Но она же говорит как о типичном, что в этом возрасте **сознается и предвидится общественно опасный характер таких действий, как открытое похищение имущества или хулиганство с применением ножа.** Если же такого осознания и предвидения нет, то это патология, носящая, скорее, медицинский характер. Понятно, что такие люди должны подвергаться не уголовному наказанию, а лечению. В то же время вменяемые правонарушители вполне могут нести за свои действия уголовную ответственность и наказание. Другое дело, что меры уголовного и уголовно-процессуального принуждения должны учитывать возрастные особенности.

Наконец, третье соображение, обычно скрываемое, но фактически учитываемое сторонниками повышения возраста уголовной ответственности. Это соображение статистической благодати, или бумажного сокращения преступности. Но изменится ли что-то для потерпевших, если двадцати — тридцати из каждой сотни ограбленных скажут, что их не ограбили, а над ними «пошутили дети»?

Давайте не будем страусами, закрывающими глаза на преступность несовершеннолетних. Давайте искать реальные средства борьбы с ней, не упоывая лишь на уголовно-правовые способы. Но давайте и называть белое белым, черное — черным, преступление — преступлением, а не шалостью.

Вот почему я предлагаю принять статью 13 обсуждаемого проекта Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик с учетом высказанных замечаний.

“ШУТКИ”

Сергей ПОНОМАРЕВ,
старший помощник Сахалинского
межрайонного прокурора

АКСЕЛЕРАТОР

Александр КУЛЕШОВ,
писатель

КАЗНИТЬ ИЛИ МИЛОВАТЬ?

«В 1984—1986 гг. в Иркутске совершен ряд убийств, изнасилований и других тяжких преступлений. Среди потерпевших были женщины и дети. Расследованием установлено, что эти преступления совершил врач городской станции «Скорой помощи» Кулик В. С., имевший склонность к половым извращениям. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР признала Кулика виновным в совершении указанных преступлений и приговорила его к исключительной мере наказания — смертной казни». (Из сообщений печати.)

Если бы смертной казни у нас существовало, Кулик получил бы максимальный срок — 15 лет заключения. Ему, похоже, не больше сорока. Даже если предположить, что он отсидит весь свой срок, то выйдет на свободу еще вполне цветущим мужчиной. И, вполне возможно, возьмется за старое. Такого тюрьма не исправит. И, добавлю, не накажет. Потому что, на мой взгляд, несерьезно считать даже пятнадцатилетнее пребывание в колонии наказанием за многие изнасилования и убийства женщин и девочек.

Тот, кто ратует за отмену смертной казни, предостерегает: ведь возможны судебные ошибки, которые в данном случае нельзя поправить. Ссылаются на неэффективность этого наказания в борьбе с преступностью, провозглашают общезвестные гуманистические принципы... Но при этом почему-то упрямо забывают, за что выносятся исключительная мера наказания.

Когда мы узнаем о человеке, лишившем жизни — высшей ценности бытия! — другого человека, а подчас и многих, и даже ребенка, какие нас охватывают чувства?

Когда мы видим на экране зал суда, где звероподобный убийца тусклым голосом повествует о сотнях казненных им в годы войны советских солдат, а то и просто своих соседей по деревне, о чем мы думаем?

С трудом представляю себе человека, который, пылая праведным гневом, восклицает: «Казнить такого? Да вы что? Как мы можем лишить его жизни! Где же гуманность?»

Однако в отвлеченных беседах кое-кто именно так и восклицает.

Я — решительно за смертную казнь! Сразу оговорюсь — в исключительных случаях и, разумеется, применительно к людям, умственно здоровым. Никто не требует казнить душевнобольных.

Серьезные сомнения вызывает у меня и аргумент насчет судебных ошибок. Да, конечно, казненного к жизни не вернешь. Но, думается, если действовать по такому принципу, потери для общества будут большими. Что ж, выходит, нужно отказаться, к примеру, от сложных операций, обрекая на смерть тяжелобольных только потому, что врач может ошибиться? Или прекратить исследования космоса, потому что могут ошибиться конструкторы и инженеры?

В США, например, насколько я знаю, вопрос о смертной казни решается по-разному в разных штатах. Даже способ казни различный — газ, электрический стул... Смертная казнь существует

в 37 штатах из 50. За ее введение повсеместно голосуют три четверти американцев.

Во Франции смертной казни нет, и, как утверждают, это никак не отразилось на уровне преступности. Вот что говорит по этому поводу видный французский юрист Раймон Форни: «Вопрос о смертной казни во Франции решен окончательно. Однако это не означает, что не может быть исключений. Если бы Гитлер не покончил с собой и его пришлось судить в наши дни, то приговор вряд ли ограничились бы пожизненным тюремным заключением. То же самое относится и к нацистским палачам...»

Но палачи-то эти с собой не покончили, а Клаусу Барбье, например, казнь не угрожала.

Я не юрист, однако высказывание Раймона Форни меня удивляет. Закон есть закон. Так что во Франции, если б захотели казнить Гитлера, пришлось бы принять новый...

В Великобритании смертная казнь тоже отменена, хотя и недавно. Но для виновных в государственной измене и в пиратстве ее сохранили. Отменил казнь парламент не столь уж значительным большинством голосов. Между тем 67 процентов населения (в том числе премьер-министр Маргарет Тэтчер) — за ее восстановление.

В Польше за смертную казнь — 60 процентов граждан. Впрочем, за это ратует большинство почти во всех странах.

Академик В. Н. Кудрявцев приводит данные социологических исследований, проводивших у нас в стране, которые свидетельствуют, что большинство советских людей также за сохранение смертной казни, а некоторые предлагают даже расширить ее применение.

Я — за ограничение смертной казни. Нужно ли, к примеру, применять ее к лицам, совершившим убийства на почве ревности, к взяточникам или расхитителям?

Думаю, правы те, кто считает, что угроза смертной казни не остановит закоренелого преступника. Ссылаются на знаменитый пример парижских карманников, устроивших свою штаб-квартиру на Гревской площади под помостом, на котором была установлена виселица, и занимавшихся своим промыслом как раз тогда, когда толпа глазела на казнь их менее удачливых коллег.

Согласен, что введение или отмена смертной казни вряд ли повлияет на число тяжких преступлений. Ведь то, за что положено это исключительное наказание, и совершают люди исключительные со знаком минус. Они готовы на все. Недаром ведь изуверы из группы «Симеонов», захватившие самолет, покончили с собой, как только поняли, что их положение безнадежно.

Нет, таких преступников нельзя ни исправить — они неисправимы, ни наказать — потому что не может быть наказания, соразмерного их вине.

Ставлю вопрос иначе: имеют ли право такие люди жить на земле? Ведь никому не придет в голову запереть в клетку ядовитую змею или тарантула в надежде, что через пятнадцать лет они превратятся, скажем, в ужа или майского жука!

Разумеется, смертный приговор дол-

жен быть вынесен только после тщательнейшего, исчерпывающего следствия и судебного разбирательства; во избежание ошибок приведение приговора в исполнение должно или может происходить через какой-то срок; возможно, нужны дополнительные гарантии безупречности следствия; может быть, надо пересмотреть список преступлений, заслуживающих смертной казни. Но отказаться от смертной казни нельзя.

Другое дело, я, например, никогда не пойму, как можно расстрелять директора гастронома, сколько бы он ни расстратил, и дать десять лет насильнику и убийце даже одной, пусть и не очень хорошей женщины!

Известный польский писатель Ежи Анджеевский, автор романа «Пепел и алмаз», пишет: «Когда раздаются голоса, требующие сохранить смертную казнь, мне слышится в них жажда преступления».

Немецкий юрист Бухгольц словно бы продолжает его мысль: «Даже если рассматривать жизнь лишь как биологическую форму бытия — это же самое совершенное творение природы, венец всего сущего. Чем больше мы над этим думаем, тем чаще упираемся в вопрос: лишая жизни преступника, не посягаем ли мы все-таки косвенным путем на жизнь вообще?»

Но ведь преступник-то в отличие от нас такими вопросами не задается! И потому мне представляется более логичным вывод профессора юриспруденции Фордхэмского университета (США) Эрнеста Ван дэн Хаата: «Человек, который идет на преднамеренное лишение жизни другого человека, должен расплачиваться за содеянное собственной жизнью».

Думаю, при решении этого сложнейшего вопроса все-таки не может быть однозначного ответа. Все зависит от конкретных обстоятельств. И вот пример.

Молодой солдат застрелил семерых военнослужащих и пытался бежать. Кажется, о каком еще наказании здесь может идти речь, кроме смертной казни? Но оказывается, не товарищей своих он застрелил, а извергов, изодренно избивавших и изнасиловавших его. Я бы лично никогда не вынес ему смертного приговора.

Странно было бы требовать от обороняющегося человека, чтобы он хватал преступника, бросавшегося на него с ножом, и запирали в чулане на десять лет.

А ведь суду приходится защищать не одного человека, а общество. И не от покушения (хотя и это бывает), а от совершенного убийства. Помнится, когда-то смертную казнь называли высшей мерой социальной защиты.

Не могу без горечи читать газетные сообщения о том, как работник милиции, подчас получивший ножевые ранения, продолжает преследовать вооруженного преступника (даже нескольких) и наконец задерживает его, порой ценой своей жизни. Вместо того чтобы просто пристрелить его!

Хочется верить, что милиционером руководит подлинная высшая гуманность, а не боязнь лицемерных служеб-

ных инструкции, в которых под предлогом борьбы с нарушением прав граждан в действительности нарушаются права работника милиции. Достаточно вспомнить события в Алма-Ате или Моршанске...

А потом происходит суд над убийцей милиционера, и преступника приговаривают к десяти годам заключения.

Где же логика, где справедливость? Неужели в этом торжество высшей гуманности?

Когда в суде дебатировался, соответствует ли мера самообороны угрозе, — это понятно. Суд обязан изучить все детали. Но представьте себе ситуацию, когда в дом к кому-то вломился пьяный хулиган, перестрелял из обрезка всю семью, ранив хозяина, уже перезарядил ружье, чтобы убить и его. Но в это время хозяин разбил ему голову стулом или кофеем. Даже самым казуистически настроенным юристам и ханжам вряд ли придет в голову спорить с тем, что человек, защищаясь, поступил правильно.

Так почему же столько споров возникает тогда, когда подобным же образом и в тех же обстоятельствах поступает общество, голосуя за исключительную меру наказания? Иные же юристы, публицисты, общественные деятели сражаются за жизнь преступников так, словно речь идет об их собственных детях или отцах.

В конкретных случаях спор возможен и понятен. Но ведь возражают против самого принципа... «Смертной казни не должно быть! Вообще!»

Забывают о жертвах, о несправимости этого преступника, об общественном мнении, которое во всех странах, и у нас в том числе, против отмены смертной казни. Ведут схоластические споры с позиций «высшей гуманности», правовых соображений, расплывчатой статистики...

А на мой взгляд, все достаточно просто: есть те, от кого общество должно избавляться, как от неизлечимых больных. Ведь есть безнадежные с точки зрения лечения болезни, злокачественные опухоли. Их надо удалять, а не лелеять.

Не знаю, почему у нас не существует пожизненного заключения, предельный срок сведен до 15 лет, упразднены каторжные работы. Не берусь судить о целесообразности этих мер. Но не понимаю, как можно в этих условиях, при максимальном наказании в 15 лет заключения, требовать отмену смертной казни в исключительных случаях.

Она не коснется людей, потому что те, кто совершает особо тяжкие преступления, — не люди. Им не должно быть места на земле. И избавлять мир от них — и есть подлинная гуманность.

ОТ РЕДАКЦИИ. Сейчас, когда в нашей стране готовится судебная реформа и будут внесены изменения и дополнения в Уголовный кодекс, нужно обстоятельно обсудить все детали предстоящих изменений. Создание законов — прерогатива не только юристов, это дело всего народа. Надеемся, что вы, уважаемые читатели, примете участие в этом важном разговоре.



сматривала старые фотографии,— вспоминает актриса,— и поняла, что тот мальчишка, в образе которого я исполняла классические репризы много лет назад, когда только пробовала себя в клоунаде, был очень похож на моего сегодняшнего Антошку.

Я никогда не играла мальчика. Мне это было не нужно. И потом... Клоун — это не пол и не возраст. Это сущность артиста.

Как-то за границей один журналист спросил меня: существует ли у вас авторское право на клоунскую маску? Не знаю, говорю, по-моему, нет. А вы не боитесь, что кто-нибудь использует ваш образ?

Я неважно владею английским, поэтому не могла все объяснить словами. И тогда жестами показала, что маска — это не одна лишь внешность. Главное — твое сердце, а его никто — кроме тебя — использовать не сможет. Мой собеседник меня понял. И больше не выражал тревоги за судьбу Антошки...

Катя продолжает рассказ, и я понимаю, сколь сложны взаимоотношения клоуна со своей маской, понимаю, что, подарив маске жизнь, он затем вынужден считаться с ее требованиями и желаниями. Более того, оказывается, что маска порой способна повлиять на судьбу своего создателя.

Но сначала о том, что предшествовало рождению Антошки.

...В детстве Катя переболела всем,

чем только можно. По полгода лежала в больнице. И все же училась неплохо: выручала прекрасная память. А вот компенсировать пропуски в балетной студии было невозможно. И в 15 лет она поняла: Майи Плисецкой из нее не выйдет. Ну, а на меньшее она — лидер по природе — не могла согласиться...

Как-то одна ее подруга, которая занималась в цирковом кружке, пригласила Катю на репетицию. Та согласилась, пришла и... осталась в цирке на всю жизнь.

Ее сестра Галина тоже занималась в этом кружке, овладевая азами клоунского искусства.

— Я с завистью смотрела на сестру,— вспоминает Катя.— И вот почему. В детстве на меня сильно повлиял театр. Поэтому я не могла удовлетвориться одним-двумя номерами, с которыми обычный цирковой артист выступает чуть ли не всю жизнь. Мне хотелось сыграть все. Но в цирке такая возможность есть лишь у клоуна. Только клоун может

говорить все, что ему заблагорассудится. Не одними словами, разумеется. Слова в цирке, как и везде, репетируются, но у клоуна есть еще жест, движение, пантомима... Клоунада — это свобода. Мне необходимо было работать именно в этом жанре, потому что я не в состоянии вынести, когда меня лишают свободы, загоняют в угол...

Кате Можавой не было и шестнадцати лет, когда она отправилась в свою первую гастрольную поездку. С тех пор ее жизнь — бесконечные выступления, репетиции и поездки...

Когда я вижу на манеже Антошку, я вспоминаю слова знаменитого тренера по гимнастике Юрия Штукмана: «Тренироваться не надо. Нужно выйти на ковер и исполнить свой трюк». (Антон и Антошка — цирковые имена клоунов Екатерины Можавой и Евгения Латышева. Антон — взрослый, рассудительный. Антошка же — подросток-сорванец, живущий по принципу — захотел, значит сделал...)

Действительно, тренироваться не надо. Если только природа подарила тебе талант и ты, прежде чем выйти на ковер, выполнил такой объем работы, какой зритель, аплодирующий тебе, не в состоянии даже вообразить.

...Номер заканчивается, и Антошка мгновенно превращается в молодую женщину, улыбка которой вовсе не поражает беззаботностью. Расставшись с маской, актриса становится Катей Можавой, которая вот уже девятнадцать лет работает в цирке, отдавая ему по 8—12 часов в день и чувствуя, что она с Антошкой нечто вроде сообщающихся сосудов: наделяя своего героя энергией и удачливостью, она сама лишается их.

— И кем же ты себя больше ощущаешь — Антошкой или Катей Можавой?

— Антошкой. Хотя постоянно испытываю усиливающуюся с годами тоску по той женщине, которую я так глубоко скрыла в себе. Изо дня в день я работаю ради Антошки...

Цирк — иллюзия, неуязвимые артисты, умные животные, одушевленные предметы. За стенами цирка скрыты не только сегодняшние программы. Там живут все времена, все цирковые эпохи. Потому что артист, беззаветно и безрасчетно тративший себя на манеже,— а иначе в цирке нельзя,— даже уйдя из жизни, не уходит из цирка...

И в то же время цирк — реальность, головокружительные трюки, которые нужно всякий раз исполнять, преодолевая страх и боль. Каждый вечер, на протяжении всего сезона, всей жизни. Здесь никогда не будет видеозаписи — на арене ценится только подлинность.

Иллюзия и реальность — они постоянно взаимодействуют и противостоят, и потому маска клоуна может вдруг стать одним из главных действующих лиц драмы, в которой участвуют люди...

Но как же возникла маска Кати Можавой?

— Постепенно. Недавно я про-

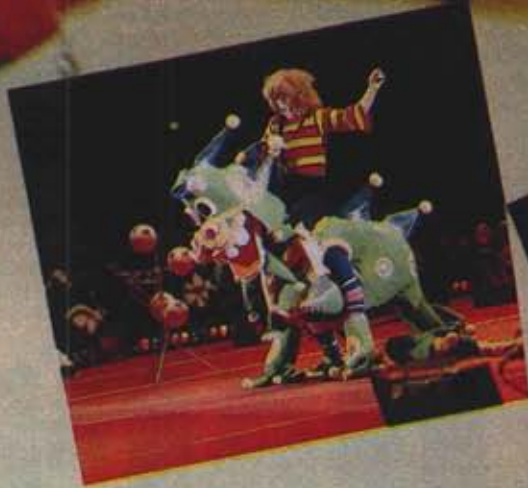
ВАШ ВЫХОД РЫЖИЙ!



батике или в эквилибре. Но они не заменят его — Женю — в дуэте. Это невозможно: нельзя ведь восстановить разбитую скрипку, используя вместо недостающих частей детали от мясорубки.

Значит, нужно искать что-то другое. Что ж, я рыжий клоун, поэтому должна, обязана создать ситуацию, в которой мой Антошка остался бы самим собой даже после потери своего незаменимого партнера...

Андрей БАТАШЕВ
фото Альберта ЛЕХМУСА



Иногда давали по семь представлений в день. Спать ложились в два, в три часа ночи. И нужно было еще репетировать, совершенствоваться в акробатике, эквилибре, жонглировании, изобретать репризы...

Через полгода Катя была совершенно вымотана: у нее дрожали руки, она чувствовала себя опустошенной, выходя на сцену... Но вот гастроли закончились, и она начала готовить новый номер. А через полгода снова уехала в турне...

Я слушаю ее и думаю, что в жизни Можаяевой за эти годы мало что изменилось...

— Норма циркового артиста — 30 выступлений в месяц. Выходной у нас — понедельник. Значит, чтобы выполнить норму, нужно в воскресенье выступить в трех представлениях. Но ведь уже на первом ты выкладываешься полностью. Выходит, в двух оставшихся работаешь на износ.

Еще занимаясь в кружке, она познакомилась с клоуном Евгением Латышевым. Позже он стал ее мужем и партнером. Более 15 лет отдавали они себя Антону и Антошке, жертвуя всем, чтобы ничто не помешало маскам в неискаженной целостности создавать на арене свой иллюзорный мир, который словно бы втягивал в себя все их реальные чувства и эмоции... А в прошлом году, когда Можаяева и Латышев наконец-то за-

воевали себе место под цирковым солнцем, с блеском проведя сезон в Москве, их дуэт распался. Почему?

— До сих пор не могу до конца понять, что же произошло. Когда мы расставались, Женя сказал, что я стесняла его индивидуальность. Может, он и прав. Я уже говорила, что клоун — это не амплуа. Это сущность человека. Так вот клоуны делятся на белых и рыжих. Я, как я себя понимаю, рыжий. Латышев — белый. Белый клоун — такова его судьба — вроде бы и повелевает, и в то же время остается на заднем плане. Потому что он не из тех, кто действует. Он мечтатель. Действие — это прерогатива рыжего. А мой партнер и по натуре, и естественно, по амплуа — белый. Но однажды он взбунтовался и захотел стать рыжим. В тот день погиб наш дуэт. А задно — семейный очаг...

Она всегда мечтала о доме. Но его у нее нет. Нет даже прописки... Поэтому девятилетний сын каждый вечер ждет ее в гостиничном номере, куда она спешит, едва закончив последнюю репетицию.

Случайность. В цирке многое объясняют ею. И это понятно. В каждой цирковой судьбе есть ее след. И потому, например, воздушный гимнаст, который сотни раз безошибочно выполнял свой номер под куполом цирка, вдруг срывается и получает тяжелую травму.

— Мне кажется, что каждая такая случайность закономерна, — говорит Можаяева. — Это некое возмездие за то, что ты преступил какие-то законы — нравственные, разумеется, — которые нельзя нарушать, если ты работаешь в цирке. И то, что произошло с нами, с нашим дуэтом, я тоже воспринимаю как возмездие. Что ж, каждый артист, как мне кажется, живет с чувством вины. Действительно, разве ты не мог больше отдавать своему искусству? И я в этом плане не исключение. Поэтому часто думаю: в чем я провинилась перед цирком? Я должна знать это, хотя бы для того, чтобы не увеличить вину...

Я знаю, что никогда не найду такого партнера, как Латышев, хотя есть, конечно, артисты сильнее его в акро-

— Олег, в начале разговора — короткая справка: где вы работали? Каков ваш профессиональный опыт?

— После учебы в Московском медицинском стоматологическом институте я окончил ординатуру по дерматовенерологии. Работал сифилидологом — занимался излечением сифилиса и гонорей в диспансере Черемушкинского района столицы, долгое время специализировался по неспецифическим половым инфекциям. Затем перешел в больницу МИИТа, огромного института. Кстати сказать, весьма показательный факт: в МИИТе, этом «студенческом городе», я, врач-дерматовенеролог, поначалу не мог заниматься венерологией, что называется, гласно. Когда я туда пришел и попросил повесить на двери своего кабинета табличку «ВРАЧ-ДЕРМАТОВЕНЕРОЛОГ», мне сказали: как можно писать на дверях такое слово?! А бедные студенты, увидев «споконную» надпись — «ДЕРМАТОЛОГ», как правило, даже не знали, что это означает. И если с ними что-то случалось, не представляли, к кому обращаться. Проблема с табличкой разрешилась только благодаря вмешательству главного врача больницы. То есть даже в медицинской среде отношение к проблеме оставляет желать лучшего...

Сейчас я работаю в медицинском кооперативе «Медсер». Занимаюсь лечением сексуальных инфекций и пытаюсь наладить «индустрию просвещения» по половым вопросам.

— Как, по-вашему, достаточно ли информации о гигиене половой жизни получают люди для того, чтобы избежать различных неприятных последствий?

— Неоправданно мало. Могу вспомнить такой эпизод в одной из школ, где я читал лекции о гигиене половой жизни.

Захожу в класс. Сидят только мальчики. Летают портфели, крик — все, как положено. Я заранее попросил уйти всех преподавателей. По опыту знаю, что так легче установить контакт с аудиторией. Когда я объявил тему разговора, начали хихикать. И тут я допустил ошибку: отвернулся к доске и стал рисовать условную схему полового члена. Через секунду восемьдесят человек начали ржать в голос... Они абсолютно не готовы к какому-либо разговору на такие темы, катастрофически не готовы. Другое дело, что через несколько минут, когда я начал касаться проблем, с которыми старшеклассники неминуемо сталкиваются в своей жизни, установилась полная тишина, и они два часа слушали как завороченные. Потом засыпали вопросами, выйдя на достаточно серьезный уровень разговора...

Все это я к тому, что они думают об этом много и напряженно, но, к сожалению, нигде не находят ответов...

— Предположим типичную ситуацию: подросток имел случайную половую связь. Через несколько дней у него видимые признаки, скажем, гонорей. Какова наиболее распространенная схема его поведения?

— Любыми способами скрыть заболевание. И это — огромная проблема. Но не случайная. Молодые люди в большинстве своем не знают, куда им обращаться. А если знают, то стараются избежать контактов с районными вендиспансерами. Наши венерологические службы имеют, как известно, не только лечебные, но и карательные функции. Все знают: как только ты приходишь в диспансер, тебе начинают «откручивать» все подряд, чтобы ты назвал тех, с кем имел половую близость. Если смотреть на проблему серь-

езно, такой подход вреден. Казалось бы, хорошо, что в диспансере высокая выявляемость зараженных людей. Но — казалось бы! Ведь в огромных, густонаселенных районах всего по одному диспансеру.

Люди в районе более или менее друг с другом общаются. К примеру, я «залетел». Я кидаясь к своему товарищу, и он мне говорит: «Только не ходи в диспансер, я там был, меня там «пытали», поставили на учет, разговаривали по-хамски». А такие факты известны; некоторые врачи разговаривают с пациентами не только по-хамски, но и как с военнопленными. В итоге люди, ничего толком не зная, уверены, что диспансер — нечто ужасное. И начинает работать другая цепочка — взаимных «услуг». Например, один «опытный» говорит другому «неопытному», что его соседка по лестничной клетке — медсестра, которая однажды его вылечила и в принципе «про это» знает. У медсестры сохранились какие-то рецепты, записаны на бумажке названия лекарств, которые надо применять. И вот уже она начинает действовать, но не излечивая болезнь, а только загоняя ее в глубь организма и тем самым умножая число потенциальных больных. Ко мне приходят пациенты, приносят бумажки, которые выдавали им «медсестры». На листочке тщательно, по буквам выведены название препарата и схема его приема. Нельзя сказать, что схемы всегда убоги. В основном они предполагают лечение по принципу «все сомнения в пользу пациента», они — от всего сразу. Но в большинстве случаев — схемы бешеные, с надуманными дозировками, заставляющие человека каждые два часа сверяться с бумажкой. И главное, все это имеет самые непредсказуемые и тяжелые последствия. С такими фактами я сталкиваюсь постоянно. К сожалению, не только в среде 15—16-летних подростков, но и среди 40—50-летних людей. Когда они начинают рассказывать о «методике» лечения, волосы дыбом встают.

Однажды я выступал в одном из московских ПТУ. И то, что там происходило, — типичный пример нашей «осведомленности» в вопросах половой гигиены. Аудитория была исключительно женская. После лекции я предложил желающим остаться и «тет-а-тет» задать мне вопросы. Ко мне подошли девушки и, абсолютно не владея терминологией, даже приблизительно не могли выразить словами то, о чем хотели

спросить. Более того, они совершенно не понимали, что с ними происходит в определенные периоды развития организма. Например, одна из них сказала, что после первого полового контакта у нее начались какие-то выделения. Мне, говорит, сказали, что так всегда бывает, когда лишают девственности. Полный бред! И это — типичный показатель уровня осведомленности. При этом заметим, что в молодежных производственных коллективах половая жизнь гораздо активнее, нежели, например, в физико-математической школе. Поскольку физматшколы у нас толь-

ко несколько на всю Москву, а ПТУ — огромное количество, ориентироваться надо именно на этот уровень «просвещенности».

Но вначале для общения с людьми нужно договориться о терминологии. Чтобы не показывали глазами: «Вот у меня здесь... это... болит...» Часто люди не могут вообще ничего объяснить без «площадных выражений». Дикость. Вопиющая безграмотность.

— Объясните, что вы понимаете под гигиеной половой жизни?

— Прежде всего это целая система взглядов, это, если хотите, мировоззрение. А если конкретно — это комплекс мероприятий, направленных на оздоровление организма и недопущение болезней половых органов. Речь идет не только о венерических заболеваниях. Для того чтобы правильно проводить гигиенические мероприятия, касаются ли они ежедневного туалета или связаны непосредственно с половыми актами (а тут тоже есть своя необходимая гигиена), надо знать: во-первых — функции полового органа, во-вторых — «границы нормы». Знать, хотя бы приблизительно, что можно, что не рекомендуется делать.

Удивительно, но половые органы — часть тела, окутанная фантастическими историями и предположениями. Я считаю, что о проблемах половой жизни надо говорить спокойно и разумно. Необходима постоянная телепередача, которую должны вести медицинские специалисты. Стыдиться нужно не предмета разговора, а того, что мы так поздно начинаем говорить об этих вещах.

Например, по Москве однажды пронесся слух, что в аптеках появилась магическая жидкость, предохраняющая от венерических болезней. И люди кинулись в аптеки. И нашлось много «умных», которые заливали эту жидкость в рот, чуть ли не в уши и чуть ли не

его шестилетняя дочка разбудила его однажды ранним утром и спросила о чем-то из области «секса». И он ей начал подробно объяснять. Когда я спросил его, почему же он не отмахнулся, он сказал: «Если бы я не ответил ей немедленно, она задала бы этот вопрос кому-нибудь другому». Он врач и понимает всю важность этих проблем.

У меня бывает очень много людей, и я отлично знаю, что темы полового воспитания, за редчайшим исключением, запрещены для обсуждения в семейном кругу. Женщины при слове «менструация» в большинстве своем краснеют. Значит, эта информация должна поначалу подаваться как-то интимно, один на один. Потому самый грамотный способ общения, на мой взгляд, через журналы, газеты, телевидение. Нужно привлечь кооперативы, занимающиеся видеопродукцией, чтобы они выпустили ролик, рассчитанный на 5—6-летних детей. И если родители не имеют времени, опыта, знаний, нужно показывать детям эту кассету в виде мультфильма, рассказов, каких-то сюжетов. Информацию необходимо «сортировать», учитывая ступени развития ребенка.

Я еще не касался проблем огромного количества сексуальных неврозов. А ведь это патология, гораздо более трудно излечимая, нежели урологические воспаления. Консультации типа «Семья и брак» дают крайне мало. Заброшены психоанализ, забыт весь Фрейд. Хотя в отношении Фрейда сейчас происходят отдельные сдвиги, но слишком медленно, неразумно медленно. Важно, чтобы в сознании человека откладывалось спокойное восприятие проблемы.

— Олег, большинству известны главным образом только две венерические болезни: гонорея и сифилис. Сейчас, правда, много говорят о СПИДе. В чем, по-вашему, причина крайне низкого уровня информации

НАСЧЕТ

«СТЫДЫ

Тема этого материала — из разряда не принятых в нашей стране к широкому обсуждению. Более того — из разряда «стыдных». Но поднимать ее заставляют факты. Неприятные факты. Тревожные. Свидетельствующие о том, что за свое невежество нация расплачивается здоровьем.

Сейчас уже сообщения о заболеваниях СПИДом изъезжены общественным сознанием из категории сенсационных; все мы знаем о смертельных исходах, которые принесла эта «чума XX века». Потому и встает со всей остротой проблема гигиены половой жизни, то, о чем непростоительно мало говорят специалисты-медики, о чем практически ничего не знают подростки и даже люди взрослые.

Об этом и размышляет молодой врач-венеролог Олег МИРЗОВЯН в беседе с корреспондентом «Смены» Андреем КУЧЕРОВЫМ.

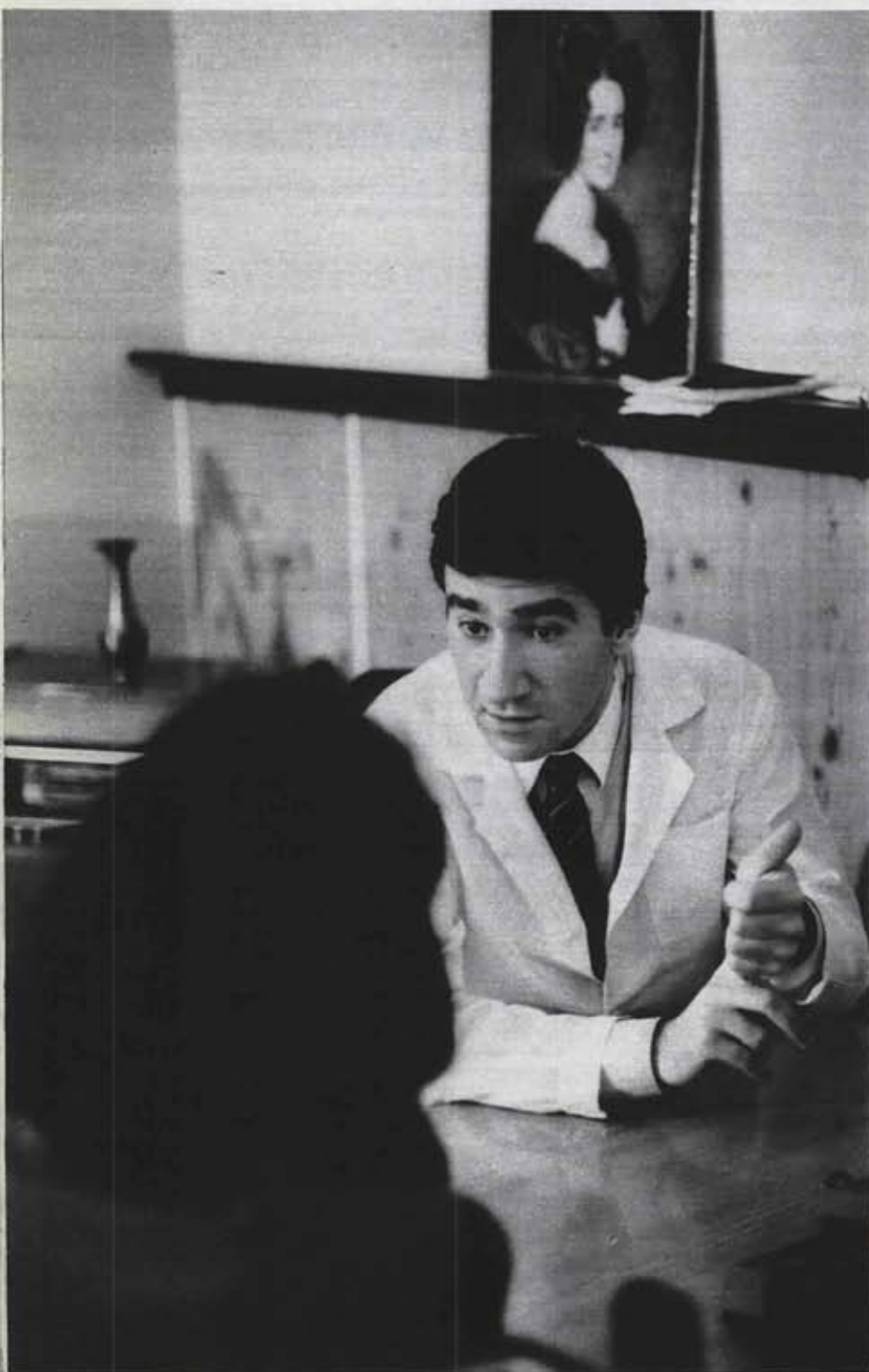
спросить. Более того, они совершенно не понимали, что с ними происходит в определенные периоды развития организма. Например, одна из них сказала, что после первого полового контакта у нее начались какие-то выделения. Мне, говорит, сказали, что так всегда бывает, когда лишают девственности. Полный бред! И это — типичный показатель уровня осведомленности. При этом заметим, что в молодежных производственных коллективах половая жизнь гораздо активнее, нежели, например, в физико-математической школе. Поскольку физматшколы у нас толь-

купались в ней... Хочу сказать, что неправильная профилактика приводит к огромному количеству отравлений.

Нужна грамотная информация. Нужно рассказать хотя бы о том, как следует правильно подмываться. Не надо стесняться того, что в конечном итоге приведет к оздоровлению населения. Начинать надо с азав. Конечно, хорошо, что есть лекции в школах по линии общества «Знание», но мне самому было бы интересно узнать, какой процент подростков эти лекции слушал. Уверен, процент этот будет мизерным. Один мой приятель рассказал, что

по венерическим болезням и мерам профилактики?

— Хочу заметить, что о гонорее и сифилисе многие слышали, а вот насчет знаний — тут вы идеализируете. Большинство людей даже не знают, что триппер и гонорея — одна и та же болезнь. Известно только, что это «не-что», связанное с половыми органами. В чем причины? Традиционные установки нашей пропаганды — не конкретизировать болезнь, а напугать человека, чтобы он немедленно пришел в медицинское учреждение. А уж там все выяснят, «там разберутся». Мне такой



ДНОГО

метод воздействия видится просто вредным. Объем знаний должен соответствовать культурному уровню человека. Конечно, учащимся ПТУ не надо объяснять все тонкости негонекококковых уретритов. Их это только запутает. Но основные проявления различных болезней они должны знать.

И еще — к вопросу о двух «известных» заболеваниях. Дело в том, что их многие разновидности стали известны лишь после того, как появилась возможность проводить тонкую диагностику. Например, с помощью электронного микроскопа, хотя этот метод даже

сейчас применяется в ограниченных масштабах.

— Так какой же все-таки выход из «нежно» сложившихся взаимоотношений между населением и диспансерами?

— Врачи диспансеров сами прекрасно понимают, что узаконенная практика вовсе не служит целям оздоровления населения, а подчинена совсем другим, непонятным, ведомственным задачам, то есть формальному благополучию диспансера по линии отчетности. Главное — цифры. И никого особо не волнует, что отчетность достигается метода-

ми, отталкивающими население от лечебных заведений. Сейчас сделали попытку создать анонимную службу. В Московском городском кожно-венерологическом диспансере, что на Ленинском проспекте, открыт единственный на всю столицу кабинет анонимного обследования. Но еще рано говорить об итогах — прошло слишком мало времени, и потом анонимность там относительная. Как только у человека находят венерическую болезнь, он автоматически становится «нормальным» пациентом КВД со всеми вытекающими отсюда последствиями: постановка на учет, выявление контактов, уголовное преследование в случае уклонения от лечения.

В начале 60-х годов запретили частную практику лечения венерических заболеваний. Стоматологические кабинеты остались, а венерологические, которые были по всей Москве, позакрывали. А между тем уровень венерических заболеваний, который был 20—25 лет назад, несравнимо ниже по сравнению с нынешним. Уверен, что необходимо продумать более гибкую систему общения больного с врачом, в том числе и анонимное лечение. Надо попробовать хотя бы в порядке эксперимента. Ведь в чем основная проблема? В случае уклонения от лечения человека трудно найти без зафиксированных паспортных данных. А исходя из нашего Уголовного кодекса, такой человек подлежит ответственности по статье 115...

— А вы считаете, что уголовное преследование правомерно за уклонение от лечения?

— Я считаю, что необходим дифференцированный подход к различным категориям населения. Несомненно, нужны категоричные меры в отношении грязных, глубоко порочных женщин. Например, недавно мне рассказали, как одна из таких спустилась в метро и там родила. При этом обнаружилось, что и она, и ребенок больны сифилисом. К тому же она впоследствии отказалась от ребенка. Как быть с такими? Конечно, должен быть стационар с принудительным лечением: с охраной, решетками на окнах и прочее. Собственно, он есть на улице Радио. Но ясно и другое: нельзя существовать много под одну гребенку. Когда ко мне приходит человек и я вижу, что он социально адаптирован, что он страшно мучается от своей болезни, что он не виноват в ней (а будем откровенны — такое может случиться со всяким и не только с хронически аморальным человеком), то совершенно необязательно подходить к нему с клещами и безразлично подминать его и без того раненую психику. Опытный врач всегда чувствует, кто может убежать, кто нет. Да и тут все непросто. Лично я иногда думаю: пусть лучше убежит, чем развалится семья. Повторяю — все очень непросто...

Правомерна ли уголовная ответственность? Думаю, правомерна. Дело в том, что ни один нормальный человек не будет уклоняться от лечения, если понимает, что он серьезно болен. Скажу даже, что люди готовы платить любые деньги, лишь бы их немедленно вылечили. По опыту замечал: кто хочет убежать, все равно убегает, несмотря на статьи Уголовного кодекса. Мне думается, если всю нашу деятельность перевести на иные рельсы, необходимость уголовной ответственности отпадет сама собой. Очень многое зависит от врачей, от организации венпомощи.

Из существующей практики известно, что, если один из партнеров обращается с венболельно, обязательно проверяют второго. Если приходит муж, вызывают жену, и наоборот. Но здесь следует проявлять крайнюю осторожность

и такт, что, увы, бывает очень редко. Обычно срабатывает извечная схема: смотрят по паспорту, зарегистрирован ли брак, и, если зарегистрирован, переписываются фамилия, имя, отчество жены. Человек говорит: «Я с ней уже два года как разведен». Но печати о разводе в паспорте нет. Ведь по существующим правилам печать ставят лишь после того, как выданная в суде денежная квитанция оплачена. И никого не волнует, когда люди уверяют, что у бывших жен давно уже новые семьи. Подход к больным ведется с позиции, что они всегда врут. К сожалению, основания для этого есть, но не всегда. В общем, вызывают эту женщину, где бы она ни была. Если в другом городе, ищут там. Как правило, люди, занимающиеся вызовом в диспансер, в лучшем случае — со средним медицинским образованием, и уровень их такта и деликатности весьма далек от совершенства. К примеру, в квартире раздаются телефонный звонок и звучит приблизительно такой текст: «Петрова? У вашего мужа гонорея. Немедленно приходите в диспансер!» Услышав такое, одни тут же падают в обморок, другие могут просто свихнуться. Хорошо, если к телефону подходит сама Петрова. А если подойдет ее новая свекровь? Или же — звонок на место работы: «У вас Петрова работает? Ей надо срочно зайти в кожнодиспансер». И все тут же начинают догадываться, что у Петровой в лучшем случае — гонорея. В своей практике я не раз сталкивался с такими ситуациями, когда люди после подобных звонков увольнялись с работы. Бывает, что в женских общежитиях оставляют на вахте записки из вендиспансеров, и тут же все общежитие начинает склонять несчастную женщину. А ведь вполне возможно, что у нее ничего нет, она не больна, но ее карают заранее, еще до того, как она оказалась виновата.

Существующее положение с обязательной фиксацией и регистрацией больного приводит к тому, что больные часто пытаются заплатить врачу деньги, лишь бы этого не происходило. А это, в свою очередь, способствует разрастанию коррупции в медицинской среде. Как все это регулировать? Наверное, должно существовать много способов взаимодействия с больными. Во всяком случае, нельзя пользоваться какими-то инструкциями и законами, которые приводят к коррумпированию и не дают врачу возможности варьировать в зависимости от ситуации. Да, нужны жесткие меры для социально неадаптированного контингента, и в то же время необходим очень индивидуальный подход к каждому человеку. Везде сейчас пишут об этом индивидуальном подходе, и очень странно, что он ни на йоту не распространяется на такую деликатнейшую область, как половые болезни. Здесь до сих пор казарменный подход.

— Вы сказали, что часто даже случайное заболевание может стать причиной распада семьи. Но ведь бывает и обратный вариант, когда семейные неурядицы толкают на поиски случайных «радостей».

— Есть интересная статистика. В ММСИ на кафедре кожных и венерических болезней проводили исследование. Был и вопрос к мужчинам, почему они вступают во внебрачные связи. Шестьдесят один процент опрошенных сказали, что главная причина — избыток свободного времени, они не знали, куда себя деть. И только девять процентов ответили, что вступили во внебрачные связи по половому влечению.

— Расскажите, к чему может привести самолечение?

— Исходы разные. В лучшем случае — болезнь загоняется внутрь, и это

- «Душа болит за комсомол».
- Грабеж или распродажа? Два мнения.
- Льготы — для внуков?

Со всей страны люди едут в Москву — к Ленину. Едут, как на исповедь, с открытым сердцем. Я, москвич, тоже люблю приходить сюда. И каждый раз думаю, ну, зачем же здесь столько охраны?!

...Вход под арку между Кутафьей и Троицкой башнями Кремля перегорожен переносными металлическими стойками. За ними, не обращая внимания на терпеливо ждущих людей, разговаривают пятеро дюжих милиционеров. Одеты они в необъятные черные полушубки, перехлестнутые ремнями и портуляками, да в безразмерные валенки с калошами. Наконец один из них поворачивается и подносит ко рту мегафон: сдать в камеру хранения портфели и хозяйственные сумки.

Вот мы уже проходим мимо Исторического музея. Рядом, словно конвой, взад-вперед прохаживаются черные тулупы. «Вправо! Сдвинуться вправо!» — командует один из милиционеров. Очередь жмет к бордюру тротуара, хотя встречной колонны на горизонте не видно.

У входа на Красную площадь сооружен импровизированный контрольно-пропускной пункт: те же переносные стойки, те же погоны, но есть и новые действующие лица. Двое высоких парней в штатском с красными повязками на рукавах. Они заглядывают в те небольшие сумки, которые было разрешено не сдавать в камеру хранения, и тщательно обшаривают взглядами каждого проходящего. В кармане моей куртки лежал небольшой блокнот. И хотя кончик его высовывался наружу, один из бдительных охранников скользнул профессиональным движением по моей сжавшейся диафрагме...

...Наконец-то мы на площади. Особо плачущая очередь неусыпное внимание «органов». Скучать не дают. «Влево! Проходите левее!» — показывает милиционер на короткие полосатые «буйки», расставленные заботливой рукой вдоль нашего маршрута.

Прохаживающиеся вдоль колонны стражи порядка и подзамерзшие ребята в штатском с нарукавными повязками выравнивают нас в линейку. Еще два владельца таких же повязок следят за тем, чтобы заключительные метры пути мы двигались гуськом. Возле ступеней, ведущих в Мавзолей, переминаются с ноги на ногу младший лейтенант и прапорщик в серых шинелях с синими петлицами. В дверном проеме маячат еще несколько фигур в шинелях — капитан, рядовые с буквами ГБ на синих погонах. Солдаты стоят в нескольких метрах друг от друга на всем протяжении нашего движения внутри Мавзолея. Четверо солдат с примкнутыми к стволам штыками во главе с офицером заняли круговую оборону у подножия ярко освещенного саркофага. Их позы выражают готовность отразить нападение. Неужели мы так злоежде выглядим?

Двадцать девять человек в воинской форме насчитал я, побывав в Мавзолее!.. Мог, конечно, и ошибиться — раза два шинели мелькали, скрываясь во внутренних помещениях. Кроме того, несколько солдат несли караульную службу и на воздухе, с тыльной стороны Мавзолея.

Люди идут к Ленину. Это святое. А в глазах рябит от погон и штыков. Неужели в наше время — время ком-

пьютеров — нельзя поставить чуткие приборы, телекамеры, избавив людей от унижительных процедур осмотра и от утомительного лицезрения охраны? Если нет у нас такой аппаратуры, давайте купим за границей! Стыдно ведь!.. И больно...

Александр КОБЕЦ,
Москва

Я уже немолодая, но журнал читаю постоянно. В свое время много сил отдала работе в комсомоле, и мне до сих пор небезразлична судьба нашей смены. Много сейчас делается для повышения активности молодых, потому что стали они ленивы, пассивны, безразличны. Я думаю, что комсомольцам надо дать настоящую работу, организовать их, чтобы поверили в себя.

От дочери-комсомолки недавно узнаю, что они скоро перейдут на безналичную оплату членских взносов, что многие организации уже перешли на эту систему. Знаете, мне стало не по себе. Как же так, хотим повысить активность нашей комсомолки, а сами «этим», не знаю даже, какие надо подобрать слова, обвешиваем комсомол. Это же святая святых — самому хотя бы раз в месяц явиться к комсоргу и внести свой взнос.

Товарищи дорогие, нельзя этого делать ни в коем случае. Мы растеряем живых людей, мы будем отчитываться только за взносы. Была бы я комсомолка, я бы оскорбилась. Какая же я комсомолка, если за меня взносы удерживают тети из бухгалтерии? А чем будут заниматься комсорги, сняв с себя эти обязанности? Как они собираются работать с рядовыми комсомольцами? Я понимаю, сбор взносов — не главная обязанность комсорга, но и не последняя. Да и как же при этом будет вестись учет комсомольцев? Комсорг может вовремя и не узнать, работает ли его комсомолец в цехе (на предприятии), или, может, уже давно уволился и не снялся вовремя с учета? Выходит, проблемы остаются. Сейчас уже не тащат за уши в комсомол, правильно. Удерживать не желающих платить взносы и работать тоже не надо. Пусть будет меньше комсомольцев, но пусть в ВЛКСМ вступают убежденные, честные. Ведь это наша смена, товарищи!

Подумайте, поговорите, обсудите мои опасения, спросите у комсомольцев безразличных. Может, я чего-то не понимаю в этом деле, но я очень серьезно воспринимаю его.

Нина ИВАНОВА,
Москва

Уважаемая редакция! Не удержался от того, чтобы не написать вам о том впечатлении, которое произвел на меня очерк «Грабеж» Алексея Николаева, опубликованный в 18-м, 19-м номерах журнала за 1988 год (Хотя я человек немолодой, с большим интересом просматриваю журнал.) Читал «Грабеж» долго и тяжело, очень непросто вспоминать и узнавать подробности разрушения нашей культуры. Но знакомиться с горькой историей России нужно всем, особенно молодежи.

Благодарен автору за то, пусть

и горькое, удовольствие, которое он доставил мне своим произведением. По прошествии нескольких дней не могу успокоиться. Мысли меня одолевают: до каких пор нашу культуру возглавлять будут люди, к культуре равнодушные? Чиновники опасны везде, но подпускать их к нашим национальным сокровищам — преступление!

В. А. САЗОНОВ,
участник войны, офицер в отставке,
г. Химки Московской области

Прочитал в журнале «Смена» статью с громким названием «Грабеж». Душещипательная, ну прямо-таки до слез статья. До сих пор слезы «душат и каплют»... Вернее, капали до одного вечера, до программы «Время». А в этой программе сказали примерно следующее: в Англии проведен большой аукцион, на котором наша страна продавала обширный набор произведений искусства XIX и начала XX века, — и оправдывают это тем, что во всем мире возрос интерес к нашей культуре и нашему искусству.

Так что ваша статья, граждане, очень даже не «в струе»!.. Будьте здоровы и не пишите больше таких статей, гражданин Николаев, не согласовав их с концепциями политики нашего государства и правительства. Говорят, вы анонимки не принимаете. Ну ничего, я ответа от вас и не жду. Мне, к сожалению, и так ясно все, во всяком случае, больше, чем вам.

Кстати, если вы опубликуете мое письмо, я вам обязательно сообщу свой адрес. Конечно, при условии, что вы признаете свою статью неправильной. Только так, уважаемые.

С. МУСИН
Ленинград

Что же это такое? Чуть ли не в каждой рубрике «Читатель — «Смена» — читатель» — письмо из колонии! Так в нас пытаются воспитать милосердие? Противно читать лицемерные письма людей, которые в свое время противопоставили себя обществу, ходили «королями», а когда им прищемили хвост, сразу все забыли, взывают к доброте, настойчиво заявляют о своих правах. А ведь когда полирали нашу мораль и преступали закон, почему-то совершенно не помнили о своих обязанностях.

Спросите работников исправительных учреждений, и они вам единодушно скажут, что из мест заключения все пишут хорошие, умные письма, а как выйдут на волю, сразу берутся за старое.

Лично я не верю, что преступника может перевоспитать колония. Наша система ИТУ — это университет и курсы повышения квалификации преступников. Они все готовы сделать, чтобы втереться в доверие к добрым людям, даже слезу пускают, уверяют, что все поняли, осознали, даже перестрадали.

Я не спорю, есть люди, сумевшие преодолеть гнусное прошлое, но их единицы. Подавляющее большинство опять возвращается в «зону», ибо для нее созданы и она им — дом родной.

Мое мнение однозначно: доверие преступникам можно оказать лишь тогда, когда они доказали, что твердо встали на путь исправления. А неоправданное доверие только возвращает их, дает им повод потешаться над простаками.

Я хочу, чтобы вы переслали это письмо осужденному Владимиру Артюшкину, а еще лучше той, которая изъявит желание с ним «подружиться» (а я уве-

рена, что такие доверчивые дурочки найдутся обязательно). Девушки naïвно полагают: раз ему там трудно, он меня и мою любовь обязательно оценит — и не подозревают, что письма женщинам сочиняются коллективно, всем «общаком», а ответы читаются всем уголовным скопом, с похабным смакованием и нецензурными комментариями.

Будьте реалистами, а не розовыми идеалистами.

Л. А.,
Днепропетровск

Недавно в мебельном магазине увидел я дорогой импортный гарнитур, над которым висела табличка «Инвалидам Великой Отечественной войны продается вне очереди». А всем ясно, что этими да и многими другими товарами «для инвалидов» пользуются далеко не инвалиды, а их дети, внуки и т. д. Им-то за что такая честь? У нас во многих семьях есть или погибшие, или инвалиды, почему же родственники инвалидов имеют право получить дефицит вне очереди, а семьи погибших — нет? Да, мы должны уважать наших ветеранов, и мы уважаем их, но именно ветеранов, а не их отпрысков. Правильно, справедливо, что ветераны-инвалиды обслуживаются вне очереди, что для них существуют отдельные кассы на вокзалах. Да, это то немногое, что мы можем для них сделать. Но семьи погибших или инвалидов войны должны иметь во всем одинаковые права. Ведь нет у нас в стране наивных людей, которые думают, что дорогими дефицитными товарами пользуются именно инвалиды. Я уверена, что в конечном счете ими пользуются люди, но заслужившие таких благ.

Как-то по телевизору показали, как пережившие блокаду ленинградцы ютятся в обычных бараках! Это ли не ужасно? Вот кому нужна внеочередная, немедленная помощь. Мне кажется, давно пора пересмотреть решение о льготах для инвалидов. Почему моя бабушка, оставшаяся без мужа с тремя детьми, не имеет права пользоваться льготами? Она всю жизнь проработала в колхозе и, кроме пенсии в 50 рублей, ничего не имеет. И не она одна с такой судьбой. Я пишу не из зависти, не для того, чтобы себе добиться права на дефицитные вещи. Я уверена, и у большинства ветеранов нет денег, чтобы купить импортные гарнитуры, да они им и не нужны. А вот если бы самих ветеранов и инвалидов обеспечивали недорогой одеждой, обувью, бесплатно давали бы им хлеб, молоко, масло, — это была бы реальная помощь всем нуждающимся, а не лишний повод для сплетен и сплетен.

Елена ЛЕСНЯК,
студентка,
Харьков

В № 2 «Смены» за прошлый год была опубликована статья М. Быкова «Унижение по плану», в которой говорилось о недостатках производства инвалидных колясок, о том, что очень многие нуждаются в них.

Дело в том, что завод, выпускающий инвалидные коляски фирмы «Майра», находится в нашем районе в п. Ставрово и у нас есть возможность продать через Ставровское торговое предприятие 200 колясок: 100 комнатных и 100 прогулочных — по цене 500 рублей.

Обращаться нужно по адресу: 601201, город Лакинск, Владимирской области, улица Вокзальная, 69.

О. М. ШАФОРОВОТА,
товаровед

Николай ЛЕОНОВ

— Здравствуйте, Юрий Петрович.— Пришедший снял плащ, тщательно вытер ноги, впереди хозяина прошел в гостиную, оглядел Ивана спокойно и внимательно, сказал:— Здравствуй, Иван,— и протянул руку.

Иван ответил на рукопожатие, скользнул взглядом по фигуре, решая, где у него оружие. Что перед ним оперативник, Иван не сомневался, слишком много перевидал их на своем веку.

— Правильно.— Гость кивнул, протянул Ивану удостоверение и, демонстрируя, что пришел без оружия, снял легкую спортивную куртку, бросил ее на диван.

— Верительная грамота, пока мы друг друга не

— Сука! — Ивану хотелось ругаться длинно, ломать мебель, бить посуду и испуганную физиономию хозяина, но сдерживало присутствие майора. Не хотелось при человеке, который смотрит на тебя с уважением, показывать свою бессильную злобу, и Иван лишь коротко повторил: — Сука! — Тяжело сглотнул и добавил: — Покойник.

— Иван.— Майор похлопал его по плечу.— Безвыходных положений не бывает. В розыске тоже бюрократов и волокитчиков не занимать. Колпак на этот дом они нацепят не раньше чем через сутки. А двадцать четыре часа — это ого-го-го! Можно все успеть, мы с тобой, Иван, брызнем в разные стороны, а вы Юрий Петрович, подожмете хвост и будете сидеть тихо-тихо.



Рисунки Алексея ОСТРОМЕНЦКОГО

БЕСПЛАТНЫХ ПИРОЖНЫХ НЕ БЫВАЕТ!

изувечили.— Он шлепнул ладонью по столу, припечатал половинку трехрублевки.

Иван внимательно изучил удостоверение, в котором было написано, что майор милиции состоит на службе в уголовном розыске...

Лебедев слыл номера ассигнации и спросил:

— Зачем пришли? Мы же договорились на восемь?

— Не на восемь, а на девять.— Гость забрал у Ивана удостоверение, сунул в задний карман.— Обстоятельства. И давайте, приятели, поставим точки над «и». Иван, ты человек серьезный, я тебя знаю. Не нравлюсь? А мы ведь с тобой виделись. Только в тот вечер ты был солистом, а я так, мальчиком в хоре.

И стал подробно рассказывать о праздничном вечере в резиденции с такими подробностями, что сомнения Ивана рассеялись.

— Хватит,— прервал Иван, улыбаясь воспоминаниям.— Так как же тебя называть?

— Майор.— Он пожал плечами.— Теперь давайте думать, как по-быстрому закрутиться. Тут вам, Юрий Петрович, и карты в руки. Как скажете, так и сделаем. Я тут в командировке, сюда прямо с Петровки. Там большой шум, разбился на собственной машине подполковник Гуров, лежит в реанимации без сознания. Ваша работа? Черт вас дернул! Зачем будить медведя? Мне, командированному, с вопросами приставать не с руки, но слышал достаточно. Юрий Петрович, Юрий Петрович! — Он покачал головой.— Вы что же, в шапки на бульваре пристроились играть? Или всех купить думаете? Это я, душа забубенная, дешевка.— Майор длинно сплунул на дорогой ковер.

Иван рассмеялся, майор ему окончательно понравился. Юрий Петрович поморщился, стараясь держаться как можно солиднее, произнес:

— Давайте без стриптиза. Выкладывайте. В несчастный случай не поверили. Почему?

— Так ведь профессионалы, Юрий Петрович. Уже при поверхностном осмотре установили, что гайки крепления правого переднего колеса были заранее свинчены. Аналогичный случай был недавно на Черноморском побережье, когда «Волга» Артеменко нырнула с обрыва. Вы же прямо на себя указываете!

— Какая «Волга»? — Иван не знал, что прием с колесом недавно использовали, двинулся было на Лебедева, но майор взял его под руку.— Ты что же, старая сука, делаешь?

Лебедев не сообразил, что две аварии, происшедшие в тысячах километров друг от друга, могут так быстро связать воедино.

— Меня там не было,— пробормотал он.

— Тяжелый человек.— Майор вздохнул.— Ну, Юрий Петрович, это для прокуратуры и суда вы там не были. А для розыска очень даже были... Доказательства действительно нет, но рассуждать им никто ведь не запрещает. Подполковник торопился в аэропорт, уже установил, что никто его туда не вызывал, встречать и провожать ему было некогда. Короче. В МУРе сейчас создают бригаду, конечно, из лучших. Они быстренько переберут все последние дела угрозленного, составят список подозреваемых, и вы, уважаемый, в том списке окажетесь не на последнем месте.

Окончание. Начало в №№ 2, 3.

Лебедев молчал, он давно привык в сложных ситуациях не торопиться с решением и не говорить лишних слов.

— Ничего страшного,— неторопливо сказал он.— Доказательств у товарищей нет. Они и вчера знали, что я не ангел. Вы, ребята, сегодня же разъедетесь по домам. Денег вы от меня не получите, выждем с полгода, потом решим. Товарищи посуеются вокруг меня, но жизнь идет, дела идут, преступления совершаются. Не могут они только моей персоной заниматься.

Юрий Петрович ожидал, что приезжий воспротивится, начнет угрожать, но майор лишь пожал плечами, взглянул на часы и сказал:

— Как знаете, дело ваше. Я сегодня потыркаюсь по кабинетам, отмечу командировку и завтра улечу.

— Нет. Так не пойдет.— Иван опустил руку в карман, словно собирался достать пистолет.— Я ждать не могу. А если они найдут основания для твоего ареста? Нет, старик, под такую музыку плясать не будем.

— Поверь моему опыту, Иван...

— Брось! Я не ценю и жрать из твоих рук всю жизнь не желаю! — перебил Иван.— Поезжай, привези деньги. Я тебя тут подожду. Три-четыре часа тебе хватит?

Если бы он знал, что все богатство Юрия Петровича лежит в двух шагах и надо лишь выйти в лоджию и разломать верхний ящик со старыми журналами.

— Так и передать? — Майор зевнул, блеснув золотым зубом.— Мне, конечно, отвалят.— Он похлопал себя по щеке.— Получается, что Иосиф с вами договорился, а я все испортил.

Майор с каждым словом говорил медленнее, глядя на Ивана вопросительно, словно просил совета.

— Ты соображаешь? — Иван постучал пальцем по голове.— Тебе же башку оторвут. А не дай бог, старика заметут? — кивнул на Лебедева.— Твои решат, что ты деньги получил и спрятал. Тебя же на крюк повесят, как барана.

— Те времена прошли, хотя за серьезную сумму пришить вполне могут. Юрий Петрович, пожалуйста, позвоните Иосифу и, кроме того, дайте мне письмишко со своими объяснениями.

Лебедев неожиданно подумал: «Чего упираюсь? Отдам им деньги, пусть убираются».

— Хорошо. Здесь вас оставлять не хочу, уходите, вернетесь к восьми вечера, все будет приготовлено. Если я увижу, что вы за мной по городу топаете, пеняйте на себя.

— Как ни мучилась, а родила! — Иван довольно рассмеялся, повернулся к майору.— Уверен, что у дома пока все чисто?

— Абсолютно. Иначе бы не пришел.— Майор кивнул и направился к дверям.

— Расписочку напишите,— сказал Лебедев.

— Никогда! — Майор взглянул через плечо, усмехнулся: — Оговорено, что две половинки трешницы остаются у вас.— Он указал на лежавшую на столе разорванную ассигнацию.— Сберегите.

Когда минут через пятнадцать Иван вышел на проспект Калинина и начал ловить такси, к нему подошел майор.

— Не торопитесь, разговор есть.— И кивнул на кафе.— Давай перекусим.

Они съели безвкусные сосиски, запили компотом. Майор, вытирая полные губы бумажной салфеткой, как бы между прочим спросил:

— Ты «марафет» получил?

Иван чуть заметно кивнул.

— Не пользуйся, они решили тебя убрать.

Иван взглянул в светлые, невыразительные глазки майора и не ответил. Они вновь вышли на шумный проспект.

— Этот знает? — Иван кивнул в сторону улицы Воровского.

— Знает.

— Я убью его.

— Он и так не жалец. Как только деньги выделит, его тоже приберут.

— Зачем ты мне сказал?

Майор не ответил, они молча дошли до Садового кольца, остановились у подземного перехода. Иван взглянул на ресторан «Арбат».

— Зайдем, выпьем. Угощаю.— Он усмехнулся.

— Не могу, мне по начальству ходить.

— Что же мне делать? — Иван покусывал сухие губы.— Раз он знает, что я не жалец, денег мне не даст.

— Он сказал, что в восемь? — Майор взглянул на часы.— На этом месте встречаемся в семь. В дом к нему не пойдем. Береженого бог бережет. Вызовем его с деньгами на улицу, прогуляемся за ним. Договорились?

Иван кивнул, и они разошлись.

Иван Лемешев никогда не задумывался о цене человеческой жизни. Человек родился, чтобы умереть, порой философствовал он. А днем раньше или позже, значения принципиального не имеет. Мой час придет, на карачках ползать не стану, живым в руки не дамся. Меня списали? На кого опираться будут? Молодежь?

Смена поколений? Этот парень хорош, только напрасно предупредил — приговор себе подписал. Мне надо уходить навсегда и глубоко, чтоб не нашли ни те, ни эти... Надо взять столько, сколько возможно, и долю, которую этот парень должен отвезти на юг, забрать тоже. Значит, с ним придется кончать, решил Иван. Сам виноват, зачем предупредил, за язык не тянули.

Сначала Иван собрался заехать в гостиницу, взять деньги и пистолет, чтобы быть готовым уйти из Мо-

сквы. Затем передумал. Болтаться по Москве с оружием в кармане опасно.

Он шел, не разбирая дороги, и заблудился в арбатских переулках. Пытаясь сориентироваться, Иван остановился у повального забора, который огораживал заброшенный пустырь, заваленный проржавевшей техникой. Он подошел к обглоданному остову «Запорожца», постоял, ткнул ботинком прогнившую коробку из-под консервов и увидел валяющийся в луже коричневый от ржавчины здоровенный болт. Иван поднял его, прикинул в руке вес — легковат, но сойдет, придется ударить сильнее. Он завернул болт в носовой платок и опустил в карман плаща.

В семь часов Иван подошел на угол проспекта Калинина и Садового кольца, приезжего не было. В булочной неподалеку купил пачку вафель, вернулся, время шло, майор не появлялся. «Может, они за моей спиной сговорились», подумал Иван. — Молодой с деньгами уже отчалил, а старик убрался в глубокую нору? И мне его век не найти. Но зачем тогда парню предупредил меня?» Иван решил позвонить Лебедеву, выгреб из кармана горсть мелочи и, направляясь к автомату, почуствовал легкое прикосновение к плечу. Медленно повернулся. Рядом стоял приезжий.

— Нервы у тебя в порядке, а наблюдательность ни к черту.

— Подучить решил? — Иван взглянул на часы.

— Тебя уже не научишь, поздно, — ответил майор. — Отстали вы, старики, от жизни. Я за тобой полчасца наблюдаю, ты и ухом не ведешь. Ладно, твое дело, — перешел он на деловой тон, заговорил быстро: — С Лебедевым я сговорился, старик заартачился было, не хотел деньги на улицу выносить, потом сдался. Тут неподалеку, на его же улице, у Театра киноактера.

— Тебя, вижу, служба командовать научила, — усмехнулся Иван. — Как же ты такой шустрый да умный в «шестерки» продвинулся?

— Козырная шестерка туза бьет.

— Мать сменяет, и шестерка останется простой шестеркой.

Они шли по Садовому в сторону площади Восстания. Неожиданно майор остановился, схватил Ивана за ладьян плаща, развернул лицом к себе.

— Слушай ты, исполнитель! Я тебе ничего не должен? — Он сдвинул двумя руками Ивану грудь, тяжело дышал в лицо. — Я тебе жизнь подарил.

Иван мог бы легко освободиться и сделать шустрому гостю очень больно, но не двигался, спокойно ответил:

— Я человек и по своей природе сволочь. А неожиданные подарки очень не люблю. — Он мягко высвободился. — Запомни, сопляк: никто... никому... никогда... ничего... просто так... не дарит! И ежели ты не соврал и подарил мне жизнь, взамен потребуешь того же. Лишней у меня нет, и распахиваться с тобой я не собираюсь. Сообразил? Добавлю. Вот эта дорога нас ведет вместе. — Иван ткнул пальцем в тротуар. — Мы идем рядом. Дорога кончится, и пути разойдутся.

— Простой ты, Иван. — Майор одернул смятые ладьяны его плаща.

— Потому и живой пока. — Иван вновь глянул на часы.

— Верно. — Майор тоже посмотрел на часы, и они зашагали дальше.

Возле стоянки такси, у истока улицы Герцена, стоял серый залепленный грязью «Жигуленок». Майор отпер машину, пригласил Ивана сесть, они проехали по улице Герцена, свернули в переулок, снова выехали на Воровского и остановились почти напротив дома Лебедева.

— Ты не местный, откуда машина? — спросил Иван.

— Ты прав, мне нужна твоя жизнь, — сказал майор. — Пока у нас дорога одна, ты будешь меня слушаться. Я сейчас уйду, ты дождешься, когда появится Лебедев, отпустишь его метров на пятьдесят, не меньше, и двинешься за ним следом. Надо, чтобы он находился между нами. Улицу просматривай, если я к нему подойду, — и ты подойди, если меня не увидишь, — возвращайся к машине, я ее запарить не буду.

— Ты же говорил, что у нас есть сутки, — сказал Иван.

— Передумал, — флегматично ответил майор, вылез из машины и, ссутулившись, зашагал по лужам.

Ждать пришлось недолго, из подъезда вышел Лебедев, в одной руке у него болталась сетка с пустыми молочными бутылками, в другой потерявший портфель.

«Тюкнуть старика по затылку, выхватить портфель и кончить представление», подумал Иван, сжимая в кармане железный болт. — Народа много, да и не те годы, чтобы в догонялки играть». Пока Иван рассуждал, Лебедев отошел метров на пятьдесят, убийца выскочил из машины и двинулся следом. Лебедев не остановился у мрачного здания Театра киноактера, прошмырнул до угла, переждал поток машин, летящих по Садовому, перебрался на другую сторону. Майора Иван не видел, а потому растерялся, не зная, что делать: перебежать за Лебедевым или выждать. Старик уже затерялся среди людей, и Иван снова подумал, что его обманули, когда услышал позади глухой голос:

— Не дергайся, он сейчас вернется.

Майор стоял рядом, прикуривал.

— Чего тянуть? — прошептал Иван. — Забираем портфель и уходим.

— Нет. Выждем. Пусть вернется к своему дому. Я сяду за руль, включу движок, ты подойдешь спереди, чтобы он заранее тебя увидел и не дергался, возьмешь портфель и в машину.

Лебедев действительно вскоре вернулся. Он брел неторопливо, глядя под ноги. Иван уже собрался пересечь улицу, когда майор схватил его за рукав и сказал: — Иди, не оборачиваясь. Не торопясь, садись в машину.

Казалось, спокойный голос майора не изменился, но Иван безошибочно понял, что-то случилось. Когда он сел в машину, майор был уже за рулем.

— Все накрылось медным тазом. МУР есть МУР, надо было старика днем потрошить. — И медленно подал машину назад.

Лебедев подошел к своему подъезду, когда двое, как показалось Ивану, совсем молоденьких студентов, взяли старика под руки. Лебедев подпрыгнул и, тонко взвизгнув, хотел бросить портфель, но портфель не упал, а лишь повис, пристегнутый наручниками к запястью. Из соседнего двора выехало такси и остановилось рядом.

Дальнейшего Иван не видел, так как упал на заднем сиденье и крикнул:

— Гони!

Дальше все происходило с неимоверной быстротой. Их «Жигуленок» свернул в переулок, пересек улицу, чуть не попал под троллейбус.

— Дохлый номер, нам от них не уйти! — Майор матюгнулся. — Раз засеки — из этого квадрата не выпустят.

Разбрызгивая грязь, он завернул в какой-то темный двор.

— Быстро! — Выхватил из кармана платок, ловко протер руль, приборный щиток и дверные ручки: — Наши визитки ищите в другом месте.

Подгонять Ивана надобности не было, он вылетел из машины, рванулся за майором. Они снова оказались на Садовом, майор скомандовал:

— Шагом, и головой не крути, — неторопливо подошел к остановке, взял под руку какую-то бабку, помог ей взобраться в подошедший троллейбус, пропустил вперед Ивана и влез сам.

Сквозь мокрое стекло Иван увидел, как мимо них, сверкнув фарами, проскочила «Волга».

— Товарищи москвичи, кто провинциалам пару биликотов продаст? — громко спросил майор.

Он купил два талона, прокомментировал, опустил рядом с Иваном на сиденье и сказал:

— Я пока еще шестерка козырная. Но ты был прав, дороги наши разошлись.

Через несколько остановок они вышли. Уже совсем стемнело, зажглись фонари, народу на улице было много, и майор поглядывал на прохожих с явным удовольствием.

— Мне рядом с тобой ходить опасно, — сказал майор. — Я лицо официальное, нахожусь в командировке, а тебя скоро искать начнут.

Иван, придя в себя, топнул ногой по луже.

— Хулиган! — взвизгнула проходившая мимо женщина.

— Заткнись! — рыкнул Иван. — Сейчас мордой окуну, всю красоту смою.

— Иван. — Майор отвел его в сторону. — Нам постоного не хватает?

Долго стояли молча, пытаясь решить, что же дальше делать.

— Жрать хочется, — сказал наконец Иван.

Скоро они сидели в шумном и пьяном ресторане. Спиртное они не заказали. Официантка, черкнув в блокноте, удалилась и, судя по всему, в ближайшее время возвращаться не собиралась. Стол был не прибран, заставлен грязной посудой, и желающих сесть за него, кроме двух беглецов, не оказалось.

— Машина откуда? — спросил Иван.

— Одолжил без разрешения.

— Будто знал, что так сложится.

— Знал бы, вообще не появился, — ответил майор и, задумавшись, добавил: — Нет, к тебе пришел бы, мне твой арест ни к чему.

— Полубился?

— Фамилию и место службы знаешь, — флегматично пояснил майор. — Ты мое удостоверение видел, а Юрий Петрович нет. Он даже не знает, из какой я республики.

Иван напрягся, но не вспомнил, из какого города прибыл майор. На удостоверении он разглядел фотографию, печать и слова «майор милиции... состоит на службе в уголовном розыске... имеет право ношения оружия...».

— Быстро они успели, — сменил тему Иван. — И надо же, как раз в момент, когда старик с деньгами вышел.

— Этого они не знали, хотели взглянуть, с кем он встречается. Ты им очень нужен, — ответил майор.

— Обо мне знают трое: ты, старик и подполковник, но он... Может, в сознание пришел и заговорил?

— Не приходил, кончился, — успокоил майор.

Официантка принесла салаты и шашлыки, поставила чистые приборы и удалилась.

— Кончился — это хорошо. — Иван начал быстро есть. — Опасен только ты и старик, но до него не дотянуться... — Он покосился на майора, тот жадно ел,

казалось, последней фразы не слышал.

Но, отодвинув пустую тарелку, майор вытер салфеткой губы и сказал:

— В рукопашной ты против меня плевка не стоишь, пистолета у тебя нет, а железа, что в правом кармане плаща, тебе не поможет. — Он нагло ухмыльнулся. — Бывалый старый волк! Когда я тряс тебя на улице — ощущал досконально. Ты своих чурок пугай, а я профессионал, хоть и служу двум богам. И вообще кончай брехню. Я бы сейчас оставил тебя тут и ушел. Да боюсь, ты в руки к ребятам быстро попадешь. А от тебя до меня путь близкий.

Майор Ивану своей самостоятельностью не нравился. Конечно, ловок и в деле мастак, тут слов нет, вспомнилось, как он протер в машине руль и замки, уничтожая «пальчики».

— Как же ты прибудешь к «хозяину» пустой? Не подумают, что куш прикарманил? — спросил Иван.

— Могут. — Майор кивнул. — Только об аресте Лебедева скоро прознают и меня реабилитируют.

— Посмертно?

— Однообразен ты, Иван. О себе побольше думай, а не обо мне. Выслушай, потом скажи, чем помочь могу. Значит, так. — Майор кашлянул. — Видится мне, что Лебедев тебя не сразу сдаст, немного подержится.

— Он обо мне молчать будет, как рыба об лед, — перебил Иван. — Ему своих статей хватает, зачем еще и сто вторая?

— Ладно! Укрывательство убийцы и помощь в его задержании и изобличении, думаешь, одно и то же?

— Ну, укрывательство еще доказать необходимо! — вспыхнул Иван. — Сейчас у него только деньги, пусть большие, незаконные. Он начнет лепить, мол, нашел или дал на сохранение старший содольник. Старик ему «бабки» принес, а тот не пришел. Это и я сообразить могу, а Лебедев в сто раз хитрее.

— Точно, — согласился майор. — Потому и полагаю, что с его мозгами сутки он продержится, пока сообразит, что дорога у него — однокорейка, в одну сторону. С ним сейчас очень толковые ребята занимаются. Они быстро объяснят, что тебя задержат не сегодня-завтра. Или они не знают о твоём существовании и считают, что из пистолета стреляет Лебедев? Выбрось из головы.

Он взглянул на часы и продолжал:

— Сейчас десять, думаю, он уже объявил, что устал, болен, стар, показывая давать абсолютно не способен, и отправился отдыхать на нары. Утром он попьет жидкого чайку, переберется в кабинет и часа два будет рассказывать. Люди там терпеливые, но меру знают... В общем, Иван, Лебедев тебя отдаст завтра, где-нибудь между двенадцатью и пятью. Больше мне сказать нечего. Думай. Ежели я могу помочь — говори, я попробую. Если нет, то бывай, удача не желаю, она у тебя кончилась.

— Попался бы ты мне пару лет назад. Говорун!

— Тогда ты бы уже либо уколосся и подох, либо тебя сегодня взяли. Знаешь детскую присказку: «Если бы у дедушки были колеса, то был бы не дедушка, а трамвай». Не размазывай кашу по тарелке.

— Значит, из Москвы срочно уходить?

— Дело твоё. Есть где залечь, ложись. Тогда я пошел.

— Уходить, — вздохнул Иван.

— Только не самолетом, — посоветовал майор. — Аэропорт легко просматривается, и сразу не улетишь. Вечером хорошо в Ленинград уезжать, поездов много.

«Это я уж решу, когда и как мне из Москвы уходить», думал Иван, — только тебя живым оставлять больно».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В машине Юрий Петрович вяло подергал наручники, которыми его пристегнули к собственному портфелю, и затих.

На Петровке, в дежурной части, к доставленному не проявляли любопытства. Протокол, понятие, фотограф, никаких посторонних вопросов, ни одного лишнего слова или движения, будто на конвейер поступила деталь, — отшлифовали и пустили дальше.

Он много слышал о МУРе, но бывать там, слава богу, не приходилось. Юрия Петровича удивили обыденность длинных пустых коридоров, безликость дверей — обыкновенное учреждение, никакой романтики. Кабинет, в который его привели, тоже самый затрапезно-чиновничий, может, телефонов чуть больше, да сейф сверкает стальной ручкой. Мужчина за столом, помоложе Лебедева, но в годах, кивнул сопровождающим. Юрию Петровичу указал на стул.

— Знакомить не надо? — Хозяин кабинета посмотрел за спину Лебедева.

Тот повернулся и увидел подполковника Гурова, который, сидя за столиком секретарши, пил чай с пирожными.

Когда Гуров приехал в аэропорт и начал парковать на стоянке машину, к нему подошел капитан милиции, подчеркнуто по-гвардейски козырнул, представился, указав на стоявший неподалеку сверкающий лаком «мерседес», сказал:

— Товарищ подполковник, вас ждут. Прошу ключи от машины.

— Это зачем? — возмутился Гуров, но, увидев рядом с «мерседесом» полковника Орлова, отдал ключи и пошел к машине ГАИ.

— Здравствуй, садись, поехали, — сказал Орлов и открыл перед Гуровым заднюю дверь «мерседеса».

— Мне надо встретить своих девочек, — ответил Гуров, уже понимая, что встречать некого, и чувствуя непривычную слабость и тошноту.

— Они живы, здоровы, но не прилетели. Садись. — Орлов подтолкнул его в машину.

— Прошу вас, — обратился Орлов к сидевшему за рулем лейтенанту. — Поедем, как обыкновенные люди, без свиста и иллюминации. Несправедливо, Лев Иванович, в ГАИ есть такие аппараты, а у начальника МУРА лишь простенькая «двадцатьчетверка».

— Давай о деле.

— Обижаются только женщины и дети, подполковник, тебе обиженная физиономия не идет. Начну свою оправдательную речь с демонстрации вешдока.

Нарушая правила движения, «мерседес», грозно рыкнув, пересек осевую полосу встречного движения и встал на обочине.

Гуров вышел за Орловым на шоссе, недоуменно посмотрел на белый перевернутый «Жигуленок» с хорошо знакомым номером.

— Здесь, Лев Иванович, по плану Лебедева, ты и обрел свой конец. Ясно?

Некоторое время они ехали молча.

— Оставим эмоции. Перейдем к фактам. — Орлов говорил ровным, монотонно. — Прочитай твои записи, я очень рассердился. Мягко выражаясь, ты вел себя несерьезно...

— Ты хотел обратиться к фактам, — перебил Гуров.

— Хорошо. Ты не поинтересовался, а экспертиза установила, что Кружнева застрелили из пистолета, из которого ранее были убиты еще четыре человека.

Розыском занимаются территориальные органы и министерство, так что твои предложения о спутнике Лебедева являлись пусть и хлипкой, но версией, и мимо нее я пройти не имел права. Подал рапорт, генерал доложил наверх и приказал нам работать.

Я прикинул: если тебя решат убить, стрелять не будут. Самый уязвимым местом является твоя машина. Ребята из ГАИ нашли в своем хозяйстве разбитую «шестерку», привинтили твой номер. Мы установили за Лемешевым и Лебедевым наблюдение и стали ждать.

Минувшей ночью у твоей машины Лемешев отвинтил правое колесо и отправился к своему шефу с докладом. Мы колесо поправили. Дальнейшее предугадать было нетрудно. Тебе позвонили и передали телеграмму?

— Да. И ты мог бы меня предупредить, не устраивать цирк, — недовольно заметил Гуров.

— Так ты все равно должен был ехать. Иван на такси проследовал за тобой. Мы его по пути на несколько минут задержали, дали возможность твоей машине «разбиться», а Ивану полюбоваться на дело своих рук.

— Значит, вы видели, как я, словно последний крестин, болтался на улице Воровского?

— Лева, не обижайся, каждый работает, как умеет. Ты находишься в отпуске и волен вести себя, как хочешь. — Орлов старался не улыбаться.

— Стой! — Гуров повернулся к Орлову, схватил за руку. — Значит, старика с диней вы засекли?

— Он арестован в аэропорту Адлера. Мало того, он прилетел в Москву с напарником, которого мы взяли сразу, и вместо него запустили своего человека.

— Кого?

— Майора Крячко. Я подумал, что тебе будет приятно, если в заключительной стадии примет участие твой парень.

— Хорошо, Петр Николаевич, это мы обсудим на досуге...

— Нет уж! — перебил Орлов. — Ты вел себя черт знает как, ты оскорбил меня нелепым подозрением и теперь рядишься в прокурорский мундир.

— Ну ладно, ладно!

— Нет, не ладно! И прекрати употреблять это идиотское словечко! Все кругом твердят его как попугай. Откуда вы только его выкопали?

Гуров взглянул на начальника с любопытством и миролюбиво сказал:

— Хорошо, Петр Николаевич. Что мы имеем и как собираемся жить дальше?

— Имеем двух подозреваемых. Юрий Петрович Лебедев — фигура достаточно ясная. Такие финансисты нам не внове, довести до суда его, конечно, следует, но конкретной опасности он сейчас не представляет.

Иван Николаевич Лемешев — дело иное. Исполнителей, охранников и убийц мы выдали, но наемного убийцу такого профессионального уровня я встретил впервые.

— Мужик серьезный, — согласился Гуров. — У него холодная кровь, как у земноводных. Если мы сумеем взять его живым и эскулапы признают его нормальным, я наших психиатров пошлю к чертовой матери.

— В одном любопытном дневнике я прочитал, что Лебедева следует брать с деньгами, а Ивана с оружием в руках, иначе ничего не докажешь.

— Знаю.

— И прекрасно. Ты и выполнишь...

Гуров не хотел присутствовать при первом допросе

Лебедева. Уж слишком получалось театрально: обещал преступнику встретиться — и пожалуйста! Но Орлов считал, что Лебедева следует «ломать» быстро, так как Иван еще гуляет на свободе. Гуров возразил: Лебедев может помочь в изобличении Лемешева, но не в его задержании.

Лебедев, увидев Гурова, замер. Живой и, судя по всему, абсолютно здоровый, Гуров смерил скачущим взглядом арестованного, отвернулся и занялся вылачиванием дольки лимона из стакана с чаем.

— Итак, Юрий Петрович, ваше затяннувшееся путешествие закончилось. Пора писать отчет, подводить, так сказать, баланс, — сказал Орлов. — Меня зовут Петром Николаевичем, Льва Ивановича вам представлять не надо.

Лебедев приподнялся со стула, чуть не сказал «очень приятно», опустился на место и кивнул.

— Произошло недоразумение. Будете записывать? — Зачем? — Орлов сцепил пальцы, смотрел терпеливо. — Валийте.

От этого «валийте» Лебедев вздрогнул, набылчился и упрямо сказал:

— А я желаю только под протокол.

— Вы не в ресторане, а я не официант. — Орлов взглянул на часы. — Пятнадцать минут. — И включил магнитофон. — Потом прослушаете, и, если пожелаете, — он сделал паузу, — мы ваш рассказ отпечатываем на машинке, и вы его подпишете.

— Три дня назад ко мне пришел старый знакомый. Когда-то, лет двадцать назад, я действительно имел отношение к финансовым операциям, которые не поощряются Уголовным кодексом. — Лебедев хихикнул.

Гуров сосал лимон, смотрел на осунувшийся профиль Лебедева и его монолога не слышал.

— Лев Иванович! Я к вам обращаюсь! — донесся до Гурова раздраженный голос полковника. — У вас вопросы есть?

— Один. — Гуров проглотил лимон, пересел к столу. — Вы, Юрий Петрович, деньги Лемешеву давали? — Какому Лемешеву? — удивился Лебедев. — Сергею Яковлевичу? — Опомнись и, глядя на Гурова проникновенно, спросил: — Вы Ивана имеете в виду? Так я ему ничего не должен.

— Петр Николаевич, вы гражданину объяснили, что Иван Лемешев в настоящее время находится под наблюдением нашего сотрудника? — спросил Гуров.

— Нет.

— Тогда поясню. — Гуров смотрел Лебедеву в глаза. — Прибывший к вам человек на самом деле майор милиции, только наш майор, нашей милиции. Это понятно?

Юрий Петрович кивнул, но Гуров ждал ответа.

— Понятно. Что я, крестин какой-нибудь? — Не знаю. — Гуров пожал плечами. — Наша задача — взять преступника с оружием в руках.

— Иван — человек непредсказуемый. Кроме того, я сильно сомневаюсь, что вы его возьмете. Так что лучше мне пока помолчать.

— Не будем спорить. Я вам задал вопрос. Повторяю. Вы в течение последних дней передавали Лемешеву значительную сумму денег? Я не спрашиваю, сколько и за что. Передавали?

Орлов взглянул на Гурова удивленно.

— Допустим, — пробормотал Лебедев, — а какое это имеет значение?

— Ясно, Петр Николаевич, у меня просьба, отпразднуйте гражданина отдохнуть.

Когда конвой увел Лебедева, Орлов спросил:

— Лева, действительно, какое это имеет значение? — Где Иван держит пистолет? В номере? Не верю. — Гуров прошелся по кабинету. — Камера хранения? Вряд ли, полагаю, в гостинице. Теперь деньги. Он получил от Лебедева тысяч двадцать — сорок и не будет их носить с собой. Петр Николаевич, у человека не может быть два тайника, значит, деньги и пистолет лежат вместе.

Орлов понял ход мыслей друга.

— Аналитик, — сказал Орлов.

— У меня есть и другие недостатки, — усмехнулся Гуров. — Ты о них недавно подробно высказался. Полагаешь, я прав?

— Скорее всего, — недовольным тоном ответил Орлов и, чтобы Гуров понял, что ход его рассуждений разгадан, продолжал: — Убийца, почувствовав опасность, может не пойти к тайнику за оружием, но бросить все деньги он не способен. А если возьмет одно, то обязательно прихватит и другое.

— Верно. Ты умница, Петр Николаевич, я тобой горжусь.

— Тон у тебя отвратительный, покровительственный.

— Ладно. — Гуров махнул рукой. — Что в результате мы имеем? Где они сейчас?

Орлов снял трубку, набрал номер, выслушал короткий доклад:

— Идут по Садовому в сторону Каланчевки. Видно, ищут ресторан.

— Снимать наблюдение или оставить? Если он пойдет за деньгами и оружием, начнет проверяться — ребята могут засветиться.

— Мы не можем убийцу оставить без присмотра. — Если он почует слезку, придется задерживать. Возьмем пустого, получим дырку от бублика.

— Я не сниму людей и не оставлю Крячко один на один с убийцей, — категорически заявил Орлов.

— Я тебя понимаю. — Гуров кивнул. — Я пойду в свой кабинет, переключи все на меня, отправляйся домой. Я эту кашу заварил, мне и расхлебывать.

— Я! Я! — Орлов повысил голос. — Не забывай, что ты сейчас в лучшем случае валялся бы в реанимации.

— Слушай, давай не будем. А? — Гуров скривился. — Хочешь, я сейчас напишу рапорт на твоё имя? Запомни, если он начнет проверяться, ребят необходимо отозвать.

— Идиот! Самовлюбленный кретин! Нельзя играть в «орлянку» своей карьерой.

Гуров, не обращая внимания на друга, расхаживал по кабинету, махал руками и бубнил:

— Я убица... У меня пистолет... Где я буду его держать? Мне страшно... Нет... Я привык, но осторожен... Я осторожен и опытен... Осторожен и опытен. — Он повернулся к Орлову. — Ты тридцать с лишним лет в розыске! Где ты спрячешь пистолет? Что ты молчишь? Я тебя спрашиваю!

Воздух был наполнен влагой, дождь мельчайшими капельками висел в воздухе, лакируя асфальт и крыши машин.

«Ни черта у меня не выйдет, — думал майор Крячко, выходя с Иваном из ресторана. — Его надо задерживать, кончать комедию, не может быть, чтобы никаких доказательств не нашли, зацепимся не за одно, так за другое».

Крячко вспомнил свой последний разговор с Гуровым.

— Не знаю, что тебе и посоветовать, Станислав, — сказал подполковник. — На мой взгляд, вы с операцией поторопились.

«Человеку жизнь спасли, а он даже «спасибо» сказать не удосужился», — думал Крячко, глядя на начальника с неприязнью.

— У тебя такой вид, словно ты подвиг совершил и награды ждешь. — Гуров протянул Крячко несколько скрепленных листов. — Я набросал план мероприятия, не сомневаюсь, что ты сумеешь все выполнить, только вряд ли это даст желаемый результат.

Все поведение «продавшегося» майора было расплывчато буквально по минутам. И где поставить машину, и когда к Ивану подойти, и что сказать, и как «уходить» от преследования, и куда его в конце концов привести.

— Это, Стас, присказка, а сказка будет впереди, — сказал Гуров, обсудив с Крячко все детали. — Все это не произведет на него никакого впечатления.

— Он что, дебил?

— Человек, совершающий убийства по заказу, не может быть нормальным. В быту я никаких отклонений у него не заметил. Ты должен понять, что будешь иметь дело с человеком простым, прямолинейным и бесчувственным, как лом. Что бы ты ни сделал для него, никакой благодарности он испытывать не будет.

— Тогда какого черта огород родить? — раздраженно спросил Крячко. — Берем обоих, и баста!

— Задерживать убийцу без оружия бессмысленно. Даже если мы найдем впоследствии его пистолет, то никак его к Лемешеву не привяжем. Преступник будет существовать отдельно, а орудие убийства — отдельно. Или ты рассчитываешь, что он «пальчики» на пистолете оставил? Повторяю, Иван — человек рациональный. Он может взять оружие в руки и остаться с тобой только в том случае, если тебе удастся ему внушить, что ты ему нужен. А вот зачем ты ему можешь понадобиться, я придумать не могу. Решись сам, по ситуации.

Иван и майор прошли два квартала, остановились, и Крячко понял, что начальник, черт бы его побрал, опять оказался прав. Сейчас они расстанутся, вся работа была напрасной.

Иван закурил, оглядел улицу, съезжившиеся фигуры прохожих и спросил:

— Куда?

— На метро.

— А мне в обратную сторону. — Иван пыхнул сигаретой и собрался уходить, когда из-за угла вывернула милицмейская машина и, скрипя тормозами, остановилась рядом.

— Только без глупостей, — сказал Крячко. — Стой, молчи, если умеешь, улыбайся.

Из «Жигулей» вышли лейтенант и сержант.

— Добрый вечер! — Лейтенант небрежно козырнул и внимательно осмотрел сначала Ивана, потом Крячко. — Куда путь держите?

Крячко протянул удостоверение:

— Какие проблемы?

Лейтенант взял удостоверение, нагнулся к машине и при свете фар внимательно изучил.

— Извините, товарищ майор! — Он вернул удостоверение, козырнул. — Служба!

— Все в порядке, лейтенант, — миролюбиво ответил Крячко. — Неприятности? — спросил он сочувственно.

— Москва — город большой, всего доброго!

— Желаю удачи. — Крячко поднял руку, словно собирался козырнуть в ответ, и повторил: — Удачи!

Лейтенант сел в машину, и патруль уехал.

— Мое почтение, — сказал Иван, хлопнув Крячко по плечу. — Отличный ты мужик, жаль расставаться.



— Понятно, ты же с ними из одной стаи.
— Из одной,— согласился Крячко, поглядывая вокруг и прикидывая, как могут располагаться ребята.
— А чего он объявился, выскочил, как черт из бутылки?
— Тебя ищет,— флегматично ответил Иван.— Ну, не тебя конкретно. Ищут человека, которому Юрий Петрович вынес деньги.
— Долго искать будут.— Смахивая с плаща влагу, Иван отряхнулся, словно пес, огляделся.— Давай пошустрим по городу, проверимся. Ты лучше знаешь, как это делается.
Отказываться было опасно.
— Перейдем на другую сторону. Если нас преследуют, машина останется на этой стороне и они начнут искать разворот.
Они пересекли Садовое кольцо, здесь Иван взял

В номере Иван стащил мокрый плащ, налил два стакана коньяку и, кивнув, залпом выпил.

— Какие деньги упустили!— Иван выругался.— На всю жизнь бы упаковались.

— Хорошо, ноги унесли,— возразил Крячко,— деньги будут.

Иван сделал себе укол, но дозу уменьшил. Ампулы, полученные от Лебедева, не уничтожил: вдруг пригодятся? Через несколько минут он почувствовал подъем сил. «Выехать из Москвы, майора захватить с собой. От денег он не откажется. Километрах в тридцати сейчас темень, грязь непролазная, конечно, ни души, в крайнем случае можно и выстрелить из кармана...»

— У меня неподалеку небольшой банк припрятан,— сказал Иван, быстро расхаживая по номеру.— Да выпей ты, красна девица!— Он сунул Крячко стакан.— Если ты меня проводишь, я тебе «штук» двадцать выделю. Не хочу с тобой расставаться, уж больно ты ловко с милицией разговариваешь.

«Решил со мной кончать»,— понял Крячко и решительно отставил стакан.

— На работе не употребляю. Двадцать, говоришь? Дешево себя ценишь. Пятьдесят.

— А не полпхоеет?

Один не собирался платить, второй и не думал о деньгах, но торговались серьезно и сошлись на тридцати тысячах.

— Лады,— подвел итог Крячко.— Далеко?

У меня в номере есть бутылочка, заскочим на пару минут? Как говорится, на посошок!

— Мне утром к начальству.— Крячко изобразил нерешительность.— Запах. Строго сейчас.— Махнул рукой.— Черт с ним, согласен.

Крячко, шагая рядом с преступником, находился справа от него, помня, что именно правый карман плаща оттягивает тяжелый предмет, и постоянно фиксировал движения спутника. Человек, собирающийся напасть, обязательно изменит ритм шагов.

Причина, по которой Иван изменил свои намерения, была проста. Он неожиданно понял, что красная книжечка может оказаться сильнее пистолета, и захотел такую книжечку заполучить во что бы то ни стало. Сменить фотографию и переписать фамилию — дело несложное, специалист найдется.

Они вышли на Садовое, Иван остановился, глянул в темный проем переулка.

— Не понравился мне патрульный. Может, и не один он, отъехал для виду, а за нами приглядывают, скажи?— Иван закурил.

— Нет,— коротко ответил Крячко.

— Почему уверен?

— Знаю.

инициативу в свои руки и остановил частника на «Жигулях».

— Друг, на поезд опаздываем, подбрось на Киевский.

У вокзала они спустились в метро, проехав остановку, поднялись снова наверх и сели в такси.

«Эдак мы действительно могли соскочить, и ребята потеряли нас»,— подумал Крячко. Он не знал, что Орлов, как только они сели в машину, дал команду наблюдению прекратить и переместил оперативников в другой район.

— Электричкой с Казанского минут тридцать,— ответил Иван.

«За городом, когда он будет вооружен, я могу с ним не справиться»,— подумал Крячко. Ему стало нехорошо. До этого момента Станислав Крячко не знал, что такое страх.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

— Ты подожди,— сказал Иван,— я схожу к администратору, оплачу номер, чтобы мы могли выйти, не задерживаясь.

— Валий,— ответил Крячко и взял со стола газету. Иван вышел, майор взглянул на телефон: «Позвонить? А если он стоит в коридоре и услышит? Выглянуть из номера и проверить? Увидит, насторожится, и все пропало... Ехать с ним за город? Стрелок он отменный, а Гуров мне оружие брать не разрешил: «Пистолет мешает думать, сковывает». Профессор! А с голыми руками рядом с вооруженным убийцей я буду чувствовать себя раскованным и умным...»

У Ивана был ключ от буфета, расположенного на этаже. Снять заднюю панель холодильника, достать пистолет и деньги, привинтить панель на место — вся работа не более десяти минут. Он оттянул затвор, убедился, что патрон в стволе, снял предохранитель, опустил пистолет в правый карман брюк и вернулся в номер.

— На посошок и двинули! — сказал он весело, открыл шкаф, вынул чемодан, бросил его на кровать.

Крячко почувствовал, что убийца вернулся с оружием. Иван говорил и двигался иначе, стал свободнее, увереннее. Майор успокоился. Теперь все будет тип-топ. В номере Иван, конечно, стрелять не будет, на вокзале взять его несложно. Даже если ребята нас потеряли. Подгадаю момент, когда окажемся неподалеку от постового милиционера, правую руку сразу блокирую... Додумать Крячко не удалось. Убийца, собирая вещи и разные мелочи, оказавшись за спиной майора, вынул из кармана пистолет и ударил его рукояткой по затылку. Крячко обмяк, уронил голову на грудь.

Иван убрал пистолет. «Здесь его оставлять нельзя». Он взял майора за подбородок, тряхнул.

Крячко застонал, приоткрыл глаза.

— Долго жить будешь,— сказал Иван, хотел забрать удостоверение, вспомнил, что дверь не заперта, наставившись, начал искать ключ, прикидывая, как сейчас заберет «ксиву», умоет содельника, отпоит коньячком и спокойно выведет на улицу. Пьяненький человек, оттого и ходит, пошатываясь. Все отлично, и не надо ехать куда-то в непогоду, грязь месить...

Крячко приподнялся в кресле и снова обмяк.

— Верно, дружище, отдыхай,— сказал Иван.— Это только в кино человека по башке железкой бьют, а он опосля подвиги совершает. А в жизни у нас головушка живая, ей больно, она кружится, ножки слабые, будто не свои, абсолютно никаких команд не слушаются. Ты как, приятель? Слышишь меня?

Крячко вновь попытался встать, но безуспешно.

— Сиди.— Иван налил ему коньяку.— Сейчас выльем и пойдем не торопясь.

Он впервые радовался, что не убил человека.

Вынув из кармана Крячко удостоверение, прочитал: Крячко Станислав Васильевич, майор милиции. Состоит на службе в Управлении Московского уголовного розыска...

— Как? — Иван взглянул на майора, услышал в коридоре шаги и обернулся.

Дверь распахнулась, через порог шагнул подполковник Гуров, увидел на столе бутылку, рассмеявшись, сказал:

— Станислав, дурные примеры заразительны!

За спиной подполковника стояли люди. Иван направил на Гурова пистолет.

— Стоять! Живым не возьмешь, на суде издеваться не будешь! — Иван выстрелил, но раздался не грохот, а слабый хлопок. Убийца дернул затвор, патрон заклинило.

— Сука! — Иван ногтем выковыривал патрон из канала ствола.

Только сейчас Гуров увидел, что Крячко пытается приподняться и по шее у него стекает кровь.

Крячко видел Гурова в каком-то зыбком полусне. Майор все пытался сказать, мол, осторожнее, убийца вооружен, но не мог.

— Наручники, поняты. Работайте. Вызовите «Скорую»! — Гуров встал на колени, взглянул Крячко в глаза.— Не крути головой. Все нормально. Все кончилось. Ты сработал отлично, Станислав. А вот головушку бандиту под удар подставлял не следовало.

Гуров еще долго что-то говорил, не вникая в смысл собственных слов, внимательно глядя в глаза Крячко, пытаясь определить его состояние.

— Товарищ подполковник,— сказал кто-то и тронул Гурова за плечо.

Он обернулся, увидел белые халаты, носилки, погладил Крячко по щеке и сказал:

— Я к тебе завтра приду.

Крячко лечь на носилки отказался, санитары взяли его под руки и увели.

Понятые, оперативники, следователь прокуратуры,

фотограф из НТО заполнили номер.

Подполковнику захотелось в последний раз взглянуть на Ивана, но Гурова отнесли — люди начали работать, и он оказался лишним.

Гуров спустился вниз к администратору.

— Разрешите? — Он снял телефонную трубку и набрал номер Орлова.— Тебе сообщили? Увезли, глаза у него нормальные, думаю, все в порядке. Позволил подойти к себе сзади... Старший группы! Позор! Нет, Петр Николаевич, ему я этого не сказал, разговаривал ласково. Да, люблю я людей, люблю! Оттого и злюсь. Поехал домой, а ты сиди и жди, хотя смысла в этом никакого. В камеру его, и пусть работает прокуратура, это уже их огород.

В кабинете полковника Орлова находился генерал Турилин. Когда Орлов закончил разговор с Гуровым, Константин Константинович спросил:

— Что вы так сурово с ним, даже не поздравили...

— А Лева мои поздравления ни к чему, он сам себя поздравил,— ответил Орлов.— А высшей похвалы для него не существует.

— Ну-ну.— Генерал покачал головой.— Вам виднее, — Константин Константинович, он мой друг, я Лева знаю.

— Он человек, и ничто человеческое ему не чуждо.— Генерал улыбнулся.

— Преступник подготовил Гурову аварию, а наши ребята ночью колесо машины исправили. Когда демонстрация с катастрофой прошла, я Гурова встретил в аэропорту и рассказал ему об этом — он бровью не повел. Ему вроде бы жизнь спасли, а он только кивнул, и никаких эмоций. А сегодня случайно выяснилось, что перед выездом Гуров сам внимательно проверил крепление колес и тормоза. Каково?

— Молодец. Профессионал.

— Согласен.— Орлов прижал ладонь к груди.— Почему мне не сказал? Я же ему друг, посмеялись бы и забыли. А то получается, что мы считаем, мол, человека спасли, а он сам перестраховался и при этом молчит. Хотите считать себя спасителями — считайте, а я умнее и плевал на вас!

— Петр Николаевич, зачем так? — сказал осуждающе генерал.— Не захотел человек вас радости лишать.

— А сегодня? Кричит на меня: «Где бы ты спрятал пистолет? Отвечай!» — И тут же: «В гостинице,— говорит,— в одном из холодильников, за задней панелью».

Константин Константинович рассмеялся.

— Ну и что? Преступник занимался ремонтом холодильников. Ничего сверхъестественного Лева не придумал.

— Полагаете? Верно, элементарная логика. Только мне все становится ясным «после», а Гурову в нужный момент... «Снимем наблюдение и ждем у гостиницы. Никуда не денется — придет, деньги и пистолет в одном месте, двух тайников быть не должно. Пистолет найдем, заменим патроны на холостые. Убийца-профессионал может проверить, есть ли патрон в канале ствола. Задерживать у холодильника нельзя, потому как Иван пистолет швырнет, начнет драться, понятые ничего не увидят...» И командует, и командует, ну все знает...

— Ничего не поделаешь, приходится терпеть.— Константин Константинович поднялся, пожал Орлову руку.— Поздравляю и благодарю. Удача никогда не мешает, а сейчас особенно вовремя. «Персоналка» Гурова ликвидировалась, даже самые бдительные черберы будут теперь помалкивать. О здоровье Крячко доложите утром...

Утром Гуров проснулся рано, сварил пачку пельменей, полив уксусом, глотал, обжигаясь, затем, выпив кружку чая с медом, снова лег. Разбудил его телефонный звонок. Гуров взглянул на часы — уже одиннадцать, наверное, звонят сообщить о здоровье Станислава. Снял трубку.

— Гуров. Как он?

— Как он, мне неизвестно, Лев Иванович, а вот Рита и Ольга чувствуют себя прекрасно, передают вам привет.

— Орлов, ты?

— Лев Иванович, успокойтесь.— Голос звучал мягко, но начальственно.— Ваши девочки у меня в гостях, чувствуют себя великолепно и даже не догадываются, что уехать без вашего согласия они не могут. Я знаю, что вы человек в высшей степени разумный и не станете сейчас звонить полковнику Орлову и генералу Турилину. Ситуация сугубо личная, касается лишь вас и меня.

— Дайте трубку Рите.

— Я звоню из автомата, а ваша очаровательная супруга и племянница находятся от Москвы за тысячи верст.

— Вы идиот! Я же ничего не могу сделать ни для Лебедева; ни...

— Лев Иванович, вы же умница. Меня нищий казначей и сумасшедший убийца абсолютно не интересуют.

— Так что вам надо?

— Мне нужны вы, Гуров Лев Иванович. Я вам предлагаю отличную сделку. Подумайте.

— На кой черт? — Гуров растерялся.

— Вы человек талантливый, а в жизни за все приходится платить. Извините за пошлость, но бесплатных пирожных не бывает...

НАСЧЕТ "СЫНОВОГО"

Окончание. Начало на 22-й стр.

усложняет методы ее излечения. Совсем плохо, если самолечение приводит к осложнениям, которые заканчиваются бесплодием, импотенцией и даже смертельными исходами. Есть случаи перенесения инфекции на новорожденных.

— А почему столь популярен трихолол? Ведь бытует мнение, что трихолол — панацея от всех «венерических бед»...

— Этого я и сам не могу понять. Но в народе действительно относятся к трихололу как к средству магическому. Чуть что, пьют таблетки или — что тоже очень распространено — «плавают» в марганцовке. Быть может, трихолол доступен по цене — всего 52 копейки — и выдается без рецептов? Но уверяю — ни трихолол, ни марганцовка совсем не гарантируют излечения.

— Олег, вернемся к ситуации, сложившейся вокруг частнопрактикующих врачей... Все мы отлично знаем, что, несмотря на запреты, есть огромное число медиков, которые принимают, что называется, в домашних условиях.

— Даже в последнем постановлении об индивидуальной трудовой деятельности и в законе о кооперации сказано, что лечение венерических заболеваний запрещено. Мне, как врачу, занимающемуся венерологией, непонятно, чем руководствовались, запрещая. Ведь даже в своей кооперативной деятельности я не занимаюсь венерическими болезнями. Я занимаюсь сексуальными инфекциями, то есть «беру» из множества воспалительных заболеваний только те, которые вызваны определенными возбудителями. Как ни глупо это звучит, но я не имею права лечить определенные виды заболеваний. Но я все равно лечу партнеров обоих полов, а сами воспалительные процессы из списка «дозволенных» протекают аналогично «недозволенным». А по степени патологических изменений в организме вообще ничем не отличаются. Нигде, хотя я тщательно слежу за средствами массовой информации, нет объяснения, почему запрещена индивидуальная трудовая деятельность при лечении специфических заболеваний. Запрещено, и все тут.

Да, есть много частнопрактикующих врачей в области венерологии. И политика государства в этом вопросе — политика неумная и бездарная. Она приводит к тому, что нет возможности даже проверить наличие специального образования у «подпольных» медиков. И не только специального, но вообще высшего. Приведу показательный пример: работая в диспансере Черемушкинского района, я отлично знал, что в 1-м автобусном парке есть какой-то мужик, который лечит всех водителей от гонорей, колет направо бициллин. Однако рано или поздно, когда «вылеченному» становилось совсем плохо, он все равно приходил к нам и молил о помощи. Наивно думать: раз есть запрет, значит, все его будут соблюдать, тем более в наших условиях, при невероятно тяжелой картине венерических заболеваний.

Есть люди, которые вообще хотят лечиться только дома. Так они устроены, так запрограммирована их психика. Не считаться с этим нельзя. Надо считаться даже с тем, что многие просто бояться белых халатов. Почему же людей надо заставлять приходить в больницы? Почему не учитывать эти человеческие прихоти?

Частная медицина все равно будет существовать, несмотря ни на какие запреты. Так не умнее ли ее легализовать? Я не готов к тому, чтобы давать рекомендации, как умнее и грамотнее это сделать. Это компетенция людей, занимающихся в стране вопросами здравоохранения. Но решать эту проблему необходимо. Нельзя долго раскачиваться и совещаться, когда речь идет о здоровье человека. Это — аморально, негуманно, просто стыдно.

- «Мы против АЭС в Крыму».
- Взрослым — о детях.
- На что жалуются мужчины.

✉

Прочитав в журнале «Смена» статью Валерия Митрохина «Крым: зона особого риска?», мы полностью поддерживаем его выводы о технологических нарушениях, допущенных при строительстве 1-го блока Крымской АЭС. Об этом нам не раз говорили рабочие с атомной. Некоторые из них поднимали перед начальством эти вопросы, но, увы, тщетно. Рабочих не слушали, а если они начинали «мешать», то их увольняли или переводили на другие объекты. О неполадках писали в редакцию местной газеты, но она не среагировала...

Рабочие нам рассказывали, что, после того как фундамент под реактор дал осадку и появились трещины, их заставляли забивать эти трещины паклей и заливать цементным раствором. Нарушений технологии, бесхозяйственности на стройке предостаточно. Вот еще пример. Поступившее оборудование для АЭС хранится под открытым небом. Дорогостоящие приборы подвергаются коррозии, разрушаются. Разве эти приборы могут работать с точностью, обеспечивающей безопасность?

Мы, жители Ленинского района, очень обеспокоены строительством Крымской АЭС. Нам все время говорили, — мирный атом совершенно безопасен, но жизнь показала, что это не так. В памяти каждого человека навсегда останется след чернобыльской трагедии. И необходимо принять все меры, чтобы этого больше никогда не повторилось. После выводов правительственной комиссии, которая сделала свое заключение о сейсмичности зоны (10 баллов), где строится АЭС, после землетрясения в Армении ни одна женщина не может спокойно жить, не беспокоясь за своих детей, внуков. Из истории известно, что сильные землетрясения в Закавказье аналогичны землетрясениям в Крыму. Так было, к примеру, в 1925 году...

Если вдруг беда придет в Крым, то наша АЭС не выдержит и пяти баллов, произойдет катастрофа — с полуостровом погибнут Азовское и Черное моря. Нас поразили слова академика Велихова (в интервью газете «Правда») в связи с бедствием в Армении. Он сказал, что полностью не отрицает возможность строительства АЭС в сейсмической зоне, в том числе в Крыму, при учете ее надежности. Но ведь это неоправданный риск, бессмысленный спор с природой!

Словом, будущее нас не радует. Не нужна нам АЭС в Крыму, где уникальный климат для лечения и оздоровления людей, где есть прекрасные условия для развития разнообразных нетрадиционных источников энергии. Мы против АЭС в Крыму. Правительство, принимая решение о целесообразности атомной, должно учитывать и мнение людей, коренных жителей Крымской области.

**В. В. ДАНИЛЬЧЕНКО,
Н. Ф. ТАРАСОВА,
Ф. Н. ПЕТРУНЬ, В. А. ВАЩЕНКО,**

Г. В. БЫКОВЕЦ... всего 35 подписей

✉

Мне скоро исполнится 16 лет, я «мучаюсь» в 9-м классе. Но моя главная отличительная особенность в том, что я — «ребенок от первого брака».

Мои родители разошлись, когда мне было 5 лет. До этого мы жили вместе с бабушкой и дедушкой в большой, уютной квартире, где меня все любили и где я была полноценным членом семьи. Потом мой папа вдруг осознал, что женился на маме «по молодости» и что она ему не подходит. Он встретил «ту единственную женщину», без которой жизнь теряла смысл, и обрел свое счастье. А мы с мамой переехали к другой бабушке, где и так было тесно. Мама долго переживала, что ее бросил муж, но эти переживания заключались в срочных поисках нового мужа. Когда я училась во втором классе, мы снова переехали — к новому «папе» и новой «бабушке». Вот тут-то я и поняла, что я — «ребенок от первого брака». Мама мне объяснила, что я должна быть послушной девочкой, потому что нас «взяли» в семью, и мы должны быть благодарны. Она изо всех сил старалась понравиться новой свекрови, чтобы компенсировать свой «изъём». Меня не обижали, кормили, одевали — и все. Мамин муж просто не обращал на меня никакого внимания. Иногда меня отпускали к папиным родителям, и это был праздник. Они — любимые, родные люди, но они не могли оставить меня у себя. Праздник кончался, и потом долго, как бы снова, привыкала я жить «дома». Папа относится ко мне хорошо, наверное, он даже любит меня. Он мне объяснил, почему оставил нас, и я его понимаю. Конечно, моя мама не выдерживает сравнения с его второй женой ни по внешности, ни по культурному уровню, ни по образованности. Но мама не переживает, она тоже нашла свое счастье с человеком своего круга (у папы высшее образование, а у мамы — ПТУ).

Итак, все получили, что хотели. А я? Учусь я плохо, потому что дома мне помочь никто не может. Иногда, когда у папы есть свободное время, он приезжает к бабушке и занимается со мной. Но это капля в море. К тому же у него есть сын, который тоже учится в школе, да еще и в «английской», посещает школу искусств и вообще — не мне чета. Я знаю, что у меня есть брат, а вот он не знает, что у него есть сестра, потому что папина жена оберегает сына от «психотравмирующей информации». Я знаю, что в папиной культурной семье обо мне никогда не говорят, потому что это неприлично. Хорошо мне только у бабушки, но и туда теперь не очень-то поедешь, потому что в любой момент может приехать новый внук и встретит там «ребенка папы от первого брака». Хуже всего в праздники, когда к маме и ее новому мужу приходят гости, а тут вернется неизвестно кто (это я), к маминной новой свекрови приходят приятельницы и шушукуются за дверью кухни, папа со своей новой семьей приезжает к бабушке, а мне-то где быть? Я никому не нужна. Меня стыдят, я — пятно в их биографии.

Будущее у меня беспросветно. Зачем я учусь в девятом классе, не понимаю. Ни в какой институт мне не поступить с одними тройками. Пойти по маминым стопам и окончить ПТУ — не хочу. Потом мне скажут, что я — «не пара». Может быть, я в чем-то не права? Вы обсуждаете положение брошенных жен, разведенных мужей, а дети? Разве не страдают больше всех дети?

**Светлана К.,
Ленинград**

✉

Читаю подборки писем «Смены», и сердце сжимается — сколько же людей страдает от безысходности, от невыносимого горя, от одиночества! Люди хотя бы высказаться, не имея сил все держать в себе, пишут в газеты, журналы, и вы делаете большое дело, принимая в них участие и стараясь чем-то помочь. Но чем можно помочь женщине, которая видит своего ребенка страдающим и ничем не может облегчить его боль?

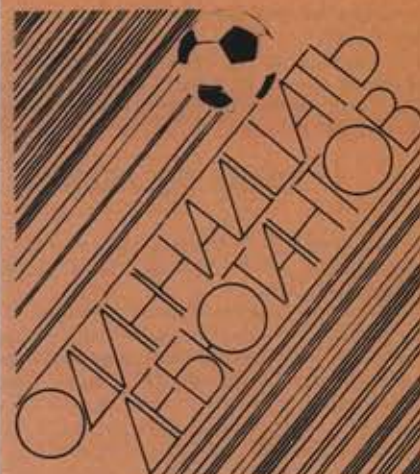
Вы спросите: что же я предлагаю? Не претендую на оригинальность. В фильме Т. Абуладзе «Покаяние» звучит, на мой взгляд, очень важный вопрос: «Ведет ли эта дорога к храму?» Сколько обездоленных, отчаявшихся, одиноких людей нашли бы силы, радость, смысл, если бы знали дорогу к храму, если бы имели возможность читать Библию. И тут же осознаю, что ваш журнал комсомольско-молодежный, а следовательно, и атеистический, и вы не будете, наверное, искать дорогу к храму, напротив, многие десятилетия старались увести от него. Правильно сделали, что церковь отделили от государства, но плохо сделали, что человека отделили от церкви, ничего не дав взамен. Остаться один на один с радостью, счастьем, здоровьем — легко, но быть один на один с горем, болезнью, сплошными неудачами — очень трудно. «Когда ты радуешься, то с тобой радуется весь мир, когда ты плачешь — ты плачешь один», — так, кажется, писал Достоевский.

**Григорий БЕРГ,
Мурманск**

✉

Восемь лет я постоянно читаю «Смену». Журнал интересен во многих отношениях, живо откликается на насущные проблемы. Практически каждый читатель может найти материал в соответствии со своими интересами. Может, поэтому я и решил обратиться к вам с предложением. В наш век, век прогресса и отравления окружающей среды, робототехники и женской эмансипации как-то так получилось, что о мужчинах забыли, что ли. Судите сами, сколько журналов выходит для женщин: «Работница», «Крестьянка», «модные» издания. А что для мужчин? Может, стоит подумать о создании подобного журнала и для нас? Нет, я не призываю к созданию журнала подобного «Плей бою». Давайте представим такую ситуацию: у человека трудности в семейной жизни, нужен совет специалиста или читателя. Что делать? В «Работницу», извините, я не напишу, в «Науку и жизнь» или «За рулем» по этому поводу — тоже. Да мало ли о чем мужчина хотел бы поговорить с мужчинами? Общих интересов, по-моему, много. Выбрать подарок жене к празднику — и то проблема. А воспитание сына? Те же проблемы, что и у женщин, матерей. Но женщина напишет в «Работницу», а мы куда? Может, стоит подумать?

**Михаил КЛЕПИКОВ,
Кызыл**



Давно не знал наш футбол таких крупных успехов, что подарил нам ушедший год — «золото» Сеульской Олимпиады, второе место в розыгрыше первенства Европы, успешный старт в отборочных матчах чемпионата мира. Но для кого-то этот сезон стал и стартом в большой футбол, первой ступенью к вершинам мастерства. Читатели «Смены» по традиции определили по окончании всесоюзного первенства символическую сборную дебютантов-88. В нее вошли:

Вратарь — **Сергей Шиповский** («Шахтер», Донецк).

Защитники — **Игорь Поваляев** («Спартак», Москва), **Руслан Колоколов** («Металлист», Харьков), **Вадим Роговский** («Торпедо», Москва), **Игорь Корниец** («Динамо», Киев).

Полузащитники — **Рашид Галлагеров** («Локомотив», Москва), **Сергей Жуков** («Торпедо», Москва), **Евгений Смертин** («Динамо», Москва).

Нападающие — **Алексей Кобозев** («Шахтер», Донецк), **Александр Гицелов** («Торпедо», Москва), **Сергей Подпалый** («Зенит», Ленинград).

Наибольшее число читательских голосов набрал Роговский — 947, за ним следуют Поваляев — 617 и Кобозев — 544.

Редакция «Смены» от имени читателей поздравляет лауреатов и надеется еще не раз встретить их имена в составе самых разных и не только символических сборных.

Абсолютными победителями конкурса признаны 10 читателей, верно назвавшие всех 11 игроков. Специальные футбольные дипломы журнала получают:

А. Зиновьев (Рига), **О. Чурашов** (Саранск), **Н. Гаркуша** (п. Хани Якутской АССР), **Н. Черезов** (п. Светлый Оренбургской обл.), **В. Береза** (Владивосток), **М. Пронин** (п/о «Спартак» Киргизской ССР), **А. Пятышин** (г. Арсеньев Приморского края), **Д. Фионогев** (г. Дзержинск Горьковской обл.), **П. Кеслер** (с. Забавное Алтайского края), **А. и Л. Оржеховские** (Гомель).

10 футболистов из 11, признанных лучшими путем авторского опроса, назвали:

Н. Нуртдинов (г. Лысьва Пермской обл.), **В. Штутин** (г. Кайеркан Красноярского края), **И. Шалыгин** (г. Бирюсинск Иркутской обл.), **В. Ульянов** (г. Невель Псковской обл.), **Ф. Свистунов** (Норильск), **А. Донцов** (Ленинград), **С. Тропин** (Мурманск), **Н. Глинин** (Волгодла), **В. Тульверт** (Ленинград), **Д. Маккаев** (Москва), **Н. Любавин** (Кокчетав), **А. Барский** (Николаев), **И. Котиков** (Новокузнецк).

На старте — новый футбольный сезон. Напоминаем всем желающим принять участие в нашем традиционном конкурсе: вы можете присылать неограниченное количество открыток с указанием на каждой из них не более одиннадцати фамилий футболистов, не выходящих в прежние годы на поле в составах команд высшей лиги. Желаем успеха, знатоки!



31-я шахматная олимпиада
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

С целью популяризации творческих достижений в жанре миниатюры мы будем предварять каждый тур произведением из классического наследия отечественных и зарубежных шахматных композиторов. Попутно участники олимпиады смогут познакомиться с интересными задачными идеями и темами.

Э. ЦЕПЛЕР
1947 г.



Мат в 3 хода

На 1... Кре5 готов ответ — 2. Лh4 Кре3. Ле4х. Аналогичный маневр. 2. Ле3 (в ответ на 1...Крd4) ведет к пату. Попытка пожертвовать слона. 1. Сс4 (1... Крd4 2. Ле3 Кр:c4 3. Ле4х) ведет к другому пату: 1...Кре5 2. Лh4? — слон держит поле е6. К цели ведет лишь полное выключение белого слона из игры — 1. Сb7! Парадоксальная идея «лишней» фигуры!

ВТОРОЙ ТУР



Белые: Крg7, Фе7, Кс6 (3)
Черные: Крс8, Кб7 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

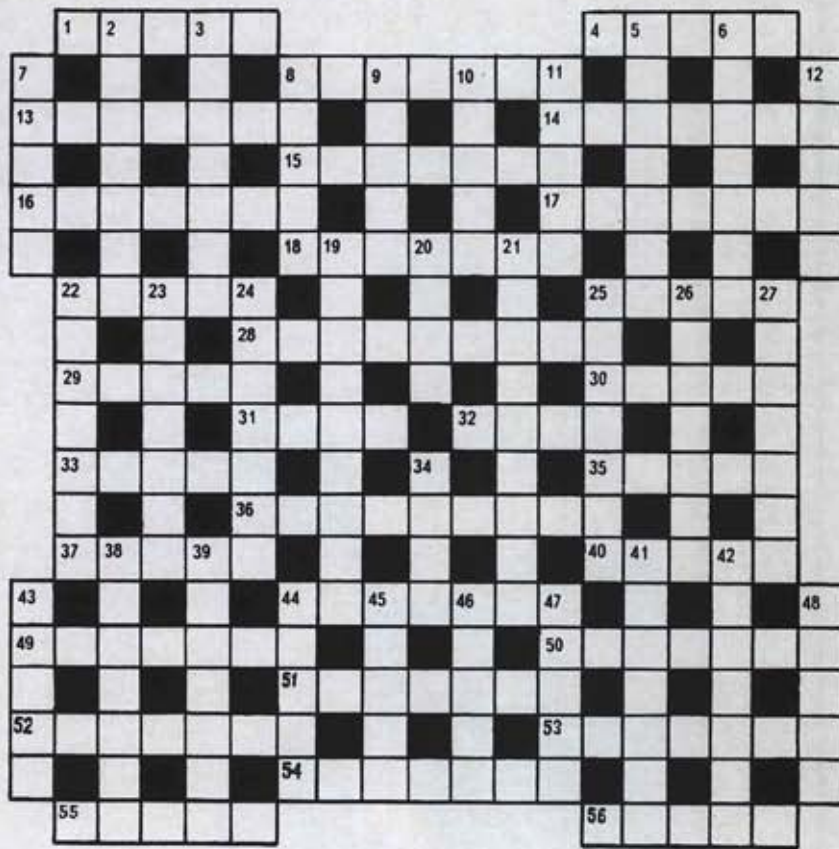


Белые: Крс6, Лf2 (2)
Черные: Кра8, Сg8, Kh8, пп. е6, g6 (5)
Мат в 3 хода (2 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. II тур». Последний срок отправки писем — 1 мая.

КРОССВОРД

Составил В. Соловьев, пос. Новоасбест Свердловской области



ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Самое маленькое цветковое растение. 4. Песня с рефреном-вокализмом у альпийских горцев. 8. Прибор для светочеения. 13. Музыкальное произведение. В России первое создано А. Плещеевым на слова В. Жуковского. 14. Охотничья сеть для ловли выслеженного зверя. 15. Крупная пристань на Волге. 16. Небольшой карниз над окном или дверью. 17. Каждый из трех предметов, которые положил в карман Иван, отправляясь за перстнем Царь-девицы (П. Ершов «Конек-горбунок»). 18. Линия на карте, соединяющая точки с одинаковым атмосферным давлением. 22. Игра воображения с взглядом в будущее. 25. Главное оружие бойцового петуха. 28. Советский режиссер, именем которого назван театр в Москве. 29. Четырехугольный столб, увенчанный скульптурой. 30. Герой греческой мифологии, глаза которого Гера перенесла на оперение павлина. 31. Топливо, из-за которого М. Пришвин назвал болото «кладовой солнца». 32. Один из двух газов, заполнявших комнату, когда в 1915 году

в нее вошел химик Н. Зелинский, дыша через платок с активированным углем. Так был испытан прообраз противогаза. 33. Кружок, кубик в настольных играх. 35. Танец, попавший из Африки через Испанию в Аргентину, ставшую его второй родиной. 36. Один из основных идеалов справедливого общественного устройства. 37. Каждая из трех тысяч греческих нимф. 40. Живущий на реке Лимпопо народ, занимающийся мотыжным земледелием. 44. Территориальное подразделение во время выборов. 49. Кавалерийская сумка для патронов. 50. Одежда Маковкиной из собачьего меха в повести Л. Толстого «Отец Сергий». 51. Известный советский тенор. 52. «А в окошко глядит удалой молодец» (русская народная песня). 53. Самая крупная из обезьян. 54. Река, на которой стоят самые крупные города Бирмы. 55. Итальянский поэт, родившийся, когда Солнце было в созвездии Блинецов, что считали особенно благоприятным для занятий науками и искусством. 56. Взять за... (заставить, принудить).

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. «Кротость, переходящая в робость и подставление спины другим,— есть в человеке ... вовсе не природное, а чисто приобретенное» (Н. Добролюбов. «Что такое обломовщина?»). 3. Геометрическая фигура. 5. Прибор, необходимый в инкубаторе. 6. Ополчение в Пруссии для борьбы с Наполеоном. 7. Следственное действие в доме взяточника. 8. Русская народная игра. 9. Героиня популярного романа А. Прево, названная в стихотворении М. Цветаевой «прекрасной, самовластной, в себе не властной, сладострастной». 10. Сушеная рыба, которую едят во многих северных произведениях Д. Лондона. 11. Одежда, которую римляне носили поверх тунники. 12. Голубой магнит. 19. Бубка, Беланов, Железковский, ..., Каспаров, Полянский, Сабонис, Седых, Степанова, Чесноков (десять лучших спортсменов за 1986 год). 20. Родственник, придумавший К. Чапеку слово

«робот». 21. Опера, сюжет которой Д. Верди считал лучшим из всех положенных им на музыку. 22. Громкоговоритель боцмана. 23. Ближайшая родственница вишни. 24. Каждое из десяти воплощений бога Вишну в индийской мифологии. 25. Трос, которым судно крепят во время стоянки. 26. Свод логических сочинений Аристотеля. 27. Положение, ясное без доказательства. 34. Спутник Сатурна, открытый в 1966 году. 38. Ночная птица, чей жутковатый голос напоминает одновременно хохот и стон. 39. Отросток нервной клетки. 41. «Музыкальная» муза. 42. Миллионер в романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо». 43. Роман Ч. Айтматова, о котором спорят до сих пор. 44. Город в Зимбабве. 45. Главный кровеносный сосуд. 46. Незнакомое. 47. Предмет экипировки хоккейного вратаря. 48. Крупная птица, символ верности у рыцарей.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

1. Обувь. 6. Птица. 10. ...ветер... 12. Дюваль. 13. Сметка. 14. «Репка». 15. Финавал. 17. Золиец. 18. Ньюсхамн. 23. Робертсон. 25. Углерод. 26. Каа. 28. Штурман. 29. Овнатанян. 33. Дигиталис. 37. Молния. 38. «Ястреб». 39. Изгой. 40. Сердце. 41. Плотва. 42. Жокей. 43. Затяг. 44. Чайка.

По вертикали:

2. Баренц. 3. Вулкан. 4. Перелесок. 5. Щеплюха. 7. Тампон. 8. Цитрин. 9. Юдифь. 11. «Пяцы». 16. Люстрация. 17. Эмиграция. 19. Гость. 20. «Федра». 21. Бекас. 22. Моряк. 24. Нао. 27. Авианосец. 30. Хиазмод. 31. ...смысл... 32. Хлорка. 33. Дикция. 34. Ссылка. 35. Еретик. 36. Обман.



Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 4 (1482) ФЕВРАЛЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САУШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 04.01.89.
Подписано к печати 17.01.89.
А 00211. Формат 70 × 108^{1/2}.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 34.
Цена 35 коп.



101457. ГСП, Москва.
Бумажный проезд, 14



212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-38 — коммунистического
воспитания.
212-23-79 — фотоочерка.
212-21-38 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Объясните, пожалуйста, свое собственное изображение на обложке. Почему вы придумали именно такую «скульптурную композицию»?

— Я сильно повзрослел. Мне уже 27 лет. В последнее время меня потянуло к серьезной песенной тематике. Эта поза — моя тяга к классическому. Это, так сказать, ретро-поза. А пластинка намекает на мое желание выпустить диск и бросить его в народ и на прилавки магазинов.

Есть версия, что вы самый популярный диск-жокей в СССР. Это так?

— На безрыбье, как известно, и рак — рыба.

В одной из передач «Прожектора перестройки» было сказано, что вы получаете две тысячи рублей за один выход на сцену. Правда?

— Не скрою, мне было бы при-

ятно получать такие деньги. Представьте — «прямой эфир». У вас есть возможность задать любой вопрос руководителям «по культуре». Какой вопрос?

— А зачем спрашивать? Это уже сложившаяся система, и вопросами ее не прошибешь.

Назовите «трех китов», на которых держится мир современной отечественной эстрады.

— Это Алла Пугачева... Это Ленинград, но с такими «думающими» представителями, как «Аквариум», «Кино». И, хоть это звучит нескромно, я бы назвал наш коллектив в смысле направления творческого поиска, попыток вовлечения молодых зрителей в действие, но без ломки стульев.

Составьте символическую сборную молодых эстрадных артистов СССР.

— В нападении — Виктор Цой, Владимир Пресняков, Константин Кинчев. Защита — «Машина

времени», Кузьмин, Барыкин. Средняя линия — группы «Альянс», «НРГ». На воротах — Алла Борисовна Пугачева. Себя я бы отвел на правый край полузащиты.

Как вы думаете, в каком из перечисленных городов вы имели бы феноменальный успех: в Нью-Йорке, Париже, Софии, Улан-Баторе, Казани?

— Наверное, в Казани. Варианты могут быть и в Улан-Баторе. Кто вам ближе: Моцарт или Сальери?

— По духу Сальери. Но Моцарт мне ближе как музыкант.

Как вы понимаете лозунг: «Искусство принадлежит народу»?

— Искусство без чиновников. Впрочем, у нас в стране должна быть какая-то контролирующая организация, иначе пойдет поток

порнографии и похабщины. Я знаю, что в некоторых западных странах такую «очистительную» функцию несет церковь.

Кто у вас главный враг?

— Невежественные люди. И люди, лишенные чувства юмора.

Когда вы в последний раз были очень сильно напуганы?

— Когда прошел слух, что сняли Коротича.

За что вы любите Валерия Леонтьева?

— За ярко выраженное мужское начало.

Какой театральный артист мог бы сыграть на сцене «роль Минаева»?

— Я очень люблю Костю Райкина.

За что вы любите женщин?

— Их сложно любить за что-то, их нужно просто любить...

За что вы их не любите?

— Они нас часто не понимают в тот момент, когда нас нужно понять. А когда нам хочется быть непонятыми, они понимают нас слишком настойчиво.

Не хотели бы вы принять участие в конкурсе «мужской красоты»?

— В лучшем случае, я мог бы вести подобный конкурс в качестве какого-нибудь Квазимодо.

Какое обязательное условие вы привнесли бы в отборочные туры конкурсов «красавиц»?

— Я бы обязательно заставил его участниц отвечать на вопросы, подобные тем, которые задают мне сейчас.

На какой вопрос вам было бы приятнее всего ответить?

— Каким образом я, самодеятельный и неаттестованный артист, выхожу на большие площадки?

И как бы вы на него ответили?

— Во-первых, я бы посоветовал задать аналогичный вопрос музыкантам группы «Статус Кво» или «Юрая хип». Во-вторых, я бы рассказал о том, что окончил эстрадно-цирковое училище, затем ГИТИС имени А. В. Луначарского, что у меня музыкальное образование по классу скрипки, что я владею саксофоном, клавишными инструментами и не собираюсь на этом останавливаться.

Кому на Руси жить хорошо?

— Очень сложный вопрос. Богатым на Руси жить плохо. Потому что русская натура загадочна — сколько бы, например, человек ни нахапал, у него все равно болит душа; или потому, что нахапал очень много, или потому, что недохапал. Бедному тоже плохо. Он прекрасно знает, что есть «вышестоящие», которые живут лучше, и мается от этого. Наверное, хорошо живется тому, кто глуп. Еще, по-видимому, хорошо живется философам, но я с ними не сталкивался.

Откуда и куда едут три богатыря с картины Васнецова?

— Очень критически относиться к этому произведению. Мне кажется, что они вообще никуда не едут. Они стоят. И чего-то ждут. И долго так будут стоять и ждать.

Какой у вас рост?

— 176 сантиметров.

О чем мы вас не спросили?

— Как часто я завиваюсь.

И как часто это происходит?

— У меня от природы такие волосы. Даже когда встают дыбом, все равно вьются.

НА ВОПРОСЫ

АНКЕТЫ

ОТВЕЧАЕТ

СОЛИСТ

«СТУДИИ МОСКВА»

Сергей
Кинчев

БЛИЗКО К ВАС